

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**1 (1)
2014**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2014

*Технический редактор
Н. В. Тупицына*

*Редакторы
Е. А. Амирсейидова
Е. А. Лебедева*

*Автор перевода
Т. Н. Федуленкова*

*Верстка оригинал-макета
Л. В. Макаровой*

За точность и добросовестность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы

*Адрес учредителя:
600000, Владимир,
ул. Горького, 87.
Владимирский
государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых*

*Адрес редакции:
600014, г. Владимир,
пр-т Строителей, д. 3/7,
ауд. 231^а*

*Подписано в печать 10.09.14.
Заказ №*

*Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 17,2
Тираж 500 экз.*

*Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
Издательства
Владимирского
государственного
университета имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых
600000, Владимир,
ул. Белоконской, 7.*

Редакционная коллегия серии «Социальные и гуманитарные науки»

<i>Е. М. Петровичева</i>	доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)
<i>Е. И. Аринин</i>	доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религио-
ведения (зам. главного редактора
серии)
<i>М. В. Артамонова</i>	кандидат филол. наук, доцент
декан Филологического факультета
<i>И. Й. Деретич</i>	доктор филос. наук, профессор
руководитель проекта «История
сербской философии», Философский
факультет, Белградский университет
<i>В. В. Жданов</i>	доктор филос. наук университета
Фридрих-Александра Эрланген-
Нюрнберг (Германия)
<i>И. Я. Кантеров</i>	доктор филос. наук, заслуженный
профессор МГУ
им. М. В. Ломоносова
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регио-
новедения Исторического факультета
СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапина</i>	доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой новой и новейшей
истории
<i>А. В. Лубков</i>	доктор ист. наук, профессор
проректор Московского педагогиче-
ского государственного университета
<i>С. А. Мартынова</i>	кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
литературы
<i>И. И. Нечаева</i>	кандидат соц. наук, доцент кафедры
социологии
<i>М. В. Пименова</i>	доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
<i>Т. Н. Федуленкова</i>	доктор филол. наук, профессор
кафедры иностранных языков
профессиональной коммуникации
<i>Т. А. Филановская</i>	доктор культурологии, доцент
кафедры эстетики и музыкального

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

А.В. Лубков Князь Шаховской и «Приютинский проект» народной школы в России.....	5
З.А. Чеканцева История 1812 года и эпистемология образов	12
И.К. Лапшина Гражданское общество и развитие законодательства в сфере гражданских прав в США (вторая половина 1950-х – начало 1990-х гг.).....	21
С.Р. Глазунов Институт фабричной инспекции в реализации антизабастовочного законодательства в России в конце XIX в. (на материалах Владимирской губернии) ...	33

ФИЛОЛОГИЯ

Т.Н. Федуленкова, Р.А. Воронин Морфологическая типология в ряду современных лингвистических парадигм	41
М.В. Пименова Семантический синкретизм и развитие выражения эстетической оценки.....	49
М.В. Артамонова Метонимия в древнерусском тексте: лингво-когнитивный аспект.....	55
А.С. Малахов К вопросу о синкретизме грамматической связи в аппозитивных сочетаниях	62

ФИЛОСОФИЯ

И.Й. Деретич Двойной парадокс: Платон об Идее Блага.....	69
Е.И. Аринин Толерантность как философско-религиоведческий концепт.....	81
П.Е. Матвеев Конструктивный реализм, природа моральных ценностей и оценка поступка	94
Г.А. Геранина Формирование религиозной идентичности в отечественной образовательной системе досоветского периода.....	105
С.В. Погорелая Философия Ф. Ницше в контексте западноевропейского иррационализма.....	119

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

И.И. Нечаева Социальные технологии оценки персонала.....	127
Е.Н. Орлик Молодежь в системе социально-трудовых отношений: опыт вторичного анализа	132
Н.С. Андреев, В.Н. Попов Молодая семья как предмет социологического исследования (регионально- муниципальный уровень)	140
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	146

CONTENTS

HISTORY

A.V. Lubkov	
The landlord Shahovskoy and «Priutinckiy project» of public school in Russia.....	5
Z.A. Tchekantzeva	
The 1812 history and the epistemology of the images.....	12
I.K. Lapshina	
Civil society and the development of the civil rights legislation in the USA (second part of the 1950-s – beginning of the 1990-s).....	21
S.R. Glazunov	
The institution of factory inspection in the antistrike acts realization in Russia at the end of the XIX century (on Vladimir region materials).....	33

PHILOLOGY

T.N. Fedulenkova, R.A. Voronin	
Morphological typology in the set of modern linguistic paradigms	41
M.V. Pimenova	
Semantic syncretism and the development of marked aesthetic appreciation	49
M.V. Artamonova	
The metonymy of the old Russian text: language and cognitive aspects.....	55
A.S. Malakhov	
About syncretism of grammatical connection in apposition combinations	62

PHILOSOPHY

Irina J. Deretić	
Double paradox: Plato on the form of good.....	69
E.I. Arinin	
Tolerance as a philosophical and religious studies concept.....	81
P.E. Matveev	
Constructive realism, the nature of the moral values and the estimation of the act.....	94
G.A. Geranina	
Formation of religious identity in the national education system of the pre-soviet period.....	105
S.V. Pogorelaya	
Nietzsche's philosophy in the context of west European irrationalism.....	119

SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE

I.I. Nechaeva	
Social technologies of personnel assessment.....	127
E.N. Orlik	
Young people in the system of labor relations: the experience of secondary analysis.....	132
V.N. Popov, N.S. Andreev	
Young family as a subject of sociological research (regional-municipal level)	140
INDEX OF PARTICIPANTS	146

КНЯЗЬ ШАХОВСКОЙ И «ПРИЮТИНСКИЙ ПРОЕКТ» НАРОДНОЙ ШКОЛЫ В РОССИИ

В статье рассказывается о начальной истории Братства «Приютина» – объединения русской либеральной интеллигенции и о роли князя Д.И. Шаховского в обосновании принципов народной школы в России как всеобщего, общедоступного, внесловного учреждения.

Ключевые слова: Россия, земское дело, русский либерализм, личность в истории, история народного образования, «приютинский проект».

1 октября (18 сентября по ст. стилю) 2011 года исполнилось 150 лет со дня рождения князя Дмитрия Ивановича Шаховского – видного общественного и государственного деятеля, одного из создателей и руководителей конституционно-демократической партии (1905 – 1920), секретаря I Государственной думы (1906), министра государственного призрения Временного правительства (1917). Внук декабриста, сын боевого русского генерала, один из замечательных людей своего времени, князь Шаховской был широко известен как лидер земского либерального движения и кооперации. Он был также организатором народного образования и ярким публицистом, а позднее, уже в советское время, глубоким исследователем творчества своих знаменитых родственников – П.Я. Чаадаева и М.М. Щербатова, внесший серьезный вклад в развитие русской национальной мысли, оставивший значительное эпистолярное наследие, до сих пор полностью не оцененное по достоинству специалистами.

«Собирателем», «земским князем», «летучим голландцем» называли

соратники Д.И. Шаховского за его невероятную энергию и удивительную способность сплачивать людей вокруг общественно значимых дел. «Почти святым человеком» характеризовал его другой кадет и князь В.А. Оболенский [2, с. 369], приводя распространенное среди русской интеллигенции мнение о Дмитрие Ивановиче. «Он не боялся разнообразия характеров, допускал разные оттенки во взглядах. Он так ясно ощущал необъятность, богатство русской земли, так твердо знал, что на такой просторной ниве всем честным труженикам найдется место, найдется дело» [7, с. 287].

Обаяние и привлекательность образа Шаховского в памяти современников прежде всего связаны с его личными качествами, с достоинством человека и общественного деятеля. Еще в юности главную цель жизни он видел в служении Отечеству и ближним, и этому выбору Дмитрий Иванович оставался верен до конца своих дней. Его трагическая гибель в апреле 1939 года, расстрел на Бутовском полигоне в возрасте 77 лет, сравнима с подвигом.

Позднее, на месте бывшего полигона НКВД в Бутово, по проекту внука Шаховского замечательного русского скульптора Д.М. Шаховского была возведена часовня и воздвигнут поклонный крест в память о жертвах репрессий, расстрелянных здесь в годы сталинского террора.

Не сломленный духом, не признав себя виновным, он с твердостью и мужеством перенес все выпавшие на его долю тяжелые испытания и мучения и одержал нравственную победу [1, с. 41].

Сегодня историк активно использует в своем арсенале самые разнообразные методы междисциплинарного синтеза, и реконструкция прошлого уже невозможна без обращения к проблемам, ранее находящимся на периферии научного поиска. Характер личности, её внутренний мир, психологическое состояние и ценностные установки, семейные традиции и дружеские отношения – все, что определяет неповторимую человеческую индивидуальность, привлекает современных исследователей, авторов политических и интеллектуальных биографий не меньше, чем те или иные программные и тактические установки групп, организаций и партий.

В судьбе Шаховского и его друзей не может не вызывать уважения высота их человеческих устремлений, внутренняя сосредоточенность в поисках правды и смысла жизни, благородство и верность совместно разрабатываемым принципам общественной и гражданской деятельности, воплощаемым в Братстве «Приютино» – уникальном объединении, феномене русской культуры. Сама история «Приютинского братства», его многочисленные социальные инициативы и

проекты заслуживают особого внимания и с точки зрения изучения основных потоков русской общественной жизни, и в связи с изучением модернизационных процессов, попыток органичного сочетания традиций и новаций в контексте социокультурных изменений. Историки только начинают по-настоящему осваивать то огромное и по содержанию, и по объему наследие, включающее и собственно переписку между приютинцами, и их многочисленные эпистолярные и исследовательские материалы, все более активно вводимые в последнее время в научный оборот.

Как известно, основателями Братства «Приютино» явились такие знаковые фигуры русского либерализма, как Д.И. Шаховской, В.И. Вернадский, братья Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбурги, А.А. Корнилов, И.М. Гревс.

Вернадский Владимир Иванович (1863 – 1945) – выдающийся ученый, общественный деятель, организатор отечественной науки и высшей школы, Биогеохимик, кристаллограф, профессор Московского университета (1898 – 1911) и первый избранный директор (ректор) Московских высших женских курсов (1905, ныне – МПГУ). Член ЦК кадетской партии. Академик Петербургской АН и Академии наук СССР. Основатель и первый президент АН Украины (1919). Организатор и директор Радиевского института (1922 – 1939), Биогеохимической лаборатории (1929). Один из видных представителей философии русского космизма, создатель учения о ноосфере. Ольденбург Федор Федорович (1861 – 1914) – филолог, педагог, организатор народного образования, в течение 27 лет руководил учительской семинарией им. Максимови-

ча в Твери, земский деятель; Ольденбург Сергей Федорович (1863 – 1934) – историк, востоковед, профессор Петербургского (Ленинградского) университета, академик (1900), непреходящий секретарь Петербургской (затем – АН СССР) Академии Наук (1904 – 1929), активный член кадетской партии, министр народного просвещения во Временном правительстве (август 1917); Корнилов Александр Александрович (1862 – 1925) – юрист, историк, профессор Петроградского политехнического института, один из организаторов кадетской партии и ее секретарь (1905 – 1908 и в 1915 – 1917). Автор знаменитого «Курса русской истории XIX века» и других работ, не потерявших своего научного значения до сих пор; Гревс Иван Михайлович (1860 – 1941) – историк-медиевист, культуролог, профессор Петербургского университета. После революции был отстранен от преподавания. Организатор Петроградского научно-исследовательского экскурсионного института (1921) и идеолог краеведческого движения, распространенного в России в 1920-х гг. В 1930-е гг. возвращается к преподаванию в Ленинградском университете.

Носителями идеи Братства как нецерковного духовного объединения стали молодые образованные юноши, студенты разных факультетов Петербургского императорского университета, выходцы из дворянской среды, мечтавшие не о карьере государственных чиновников, возможной и доступной для них, а о деятельности на благо народа на ниве науки и просвещения. Вглядываясь сегодня в их судьбы, совершенно в особом свете воспринимаешь некоторые популярные нынче тренды современной жиз-

ни, такие, например, как «успех» или «личная успешность».

Вступив на жизненный путь в эпоху Великих реформ, они проходили школу гражданского становления во второй половине 1870 – начале 1880-х гг. в условиях серьезных социальных потрясений в то время, когда значительная часть молодежи после трагедии 1 марта 1881 г. пыталась найти свои ответы на сложные вопросы русской действительности. Отвергая радикальные методы революционеров, они вместе с тем не принимали и попытки правительственных консерваторов притормозить дальнейшее преобразование страны и ее обновление.

Обучаясь в Петербургском университете, члены будущего Братства «Приютино» свои перспективы связывали со стремлением к внутреннему совершенству. Внимание к моральным вопросам, страстные поиски всего того, что называется смыслом жизни, нравственным идеалом – вот что породило впоследствии Братство. Члены кружка Шаховского и братьев Ольденбургов «хотели, чтобы в студенческой России вырос надпартийный, просвещенный, реально-идеальный, искренний демократический либерализм как идейная основа развития всего российского общества. Либерализм был привлекателен для них и тем, что он касался области правовых отношений, формировал гражданское самосознание. Как позднее писал Шаховской, либерализм способен был развить в народе правосознание, «представление о каждом совершеннолетнем жителе как о равноправном и способном понять свои интересы гражданине, а не как о предмете опеки и управления – вот основа того, чему надо учить наше общество» [4, с. 304].

И в этом виделась важная предпосылка проведения широких социальных реформ и прежде всего в сфере народного просвещения. «Служить родине на местах научным знанием, отдаением труда жизни на благо народа, его свободы и культуры» [5, с. 292] – такова была общая цель будущих приютинцев.

Не без влияния настроения, произведенного духовной эволюцией и учением Л.Н. Толстого, а также распространением популярных народнических идей, интересы членов кружка Шаховского переместились к концу 1883 – началу 1884 года в область разработки принципов народной школы, основными из них назывались *общедоступность, бессловность и всеобщность*.

Кружок много внимания стал уделять библиографической работе, составлению каталогов, изучению читательского спроса на литературу. Именно этому вопросу была посвящена и первая научная публикация Д.И. Шаховского в ежемесячном педагогическом журнале «Русский начальный учитель» (СПб., 1885, № 3) [5, с. 54 – 59], который издавался с 1880 г. в Петербурге В.А. Латышевым.

Чем дальше, тем больше члены кружка стремились именно к практической просветительской работе. Тогда же завязались связи с Петербургским комитетом грамотности, находившимся в то время в большом упадке. Санкт-Петербургский комитет грамотности (1861 – 1895) являлся общественной просветительной организацией, созданной при Вольном экономическом обществе (ВЭО). Программа, утвержденная ВЭО, предусматривала материальную помощь школам, издание книг, рассмотрение и

рекомендацию учебников для начальных школ и книг для чтения, сбор сведений о народном образовании. Комитет развернул довольно широкую издательскую деятельность, выпустив в свет более 120 работ общим тиражом около 2 млн экземпляров [3, с. 44].

Размышления об ответственности интеллигенции за судьбу страны, о её предназначении, были не отвлеченными умозаключениями, благими пожеланиями или фантазиями молодежи. Это были глубокие и искренние убеждения, нашедшие свое выражение в активной общественной деятельности на гражданском поприще, человеческие поступки, во многом определившие и личные судьбы приютинцев, и их общую последующую эволюцию. Так, например, Д.И. Шаховской принял предложение Ф.И. Родичева участвовать в работе земских школ Весьегонского уезда Тверской губернии. Ф.Ф. Ольденбург мечтал стать образцовым учителем средней школы и вскоре возглавил школу им. Максимовича в Твери. И.М. Гревс по окончании университета начал свою педагогическую деятельность в гимназии Э.П. Шаффе Петербурга, одновременно готовясь к профессорскому званию.

Будет уместным сделать небольшое отступление, чтобы раскрыть некоторые детали, сопутствующие решению молодого выпускника историко-филологического факультета столичного Петербургского университета принять предложение тверских земцев перебраться на службу в глухую провинцию. В начале 1885 г. в Петербурге на квартире К.Д. Кавелина, хорошего знакомого семьи Шаховских, бывшего одно время домашним учителем отца Мити, состоялась встреча

Д.И. Шаховского с видными тверскими земцами Ф.И. Родичевым и братьями П.А. и И.А. Корсаковыми. Позднее Родичев делился своими воспоминаниями о переполнявших его тогда чувствах: «Зимой 1884 – 1885 года Кавелин часто рассказывал о кружках университетской молодежи, не социалистов, не революционеров, – очень идейных юношей. Среди повального отупления тогдашней молодежи это было редкое явление. У Кавелина же я вскоре встретился с одним из членов такого кружка, князем Д.И. Шаховским. Молодой, застенчивый, с наивным внимательным взглядом, Шаховской проповедовал учение Льва Толстого, аскетизм, самопожертвование, любовь. К политике он был равнодушен и собирался идти в учителя русского языка. Он горел жадной подвигом. Кавелин оспаривал его аскетизм, нападал на Толстого, вызывая Шаховского на спор. Спорил и я с юношей, любуясь им. Я был поражен новым для меня явлением. Я соблазнил его: «Вместо учительства в гимназии поезжайте заведовать народными школами, ваше дело будет и административным, и педагогическим. Вы будете помогать учителям в преподавании, будете связью между ними. Это подлинное дело в пользу народа, то непосредственное знакомство с его нуждами, о котором вы мечтаете» [8, с. 59]. Приняв предложение, Д.И. Шаховской сделал свой выбор в жизни. «Философия поступка» (М.М. Бахтин) достойна углубленного проникновения в его общий контекст. Дмитрий Шаховской не просто смело пошел навстречу своей мечте, но и постарался сделать так, чтобы приобретенный им опыт стал впоследствии общим достоянием чле-

нов будущего Братства в их проектировании народной школы. Конечно, ни о каких личных выгодах при этом не могло быть и речи. Напротив, важнейшими чертами поведения Шаховского в Весьегонске, как, впрочем, и стиля всей его дальнейшей жизни, стали бескорыстие и нестяжательство, стремление к аскетизму и самоограничение, самоотречение во имя общего дела и, наконец, самопожертвование.

Ф.И. Родичев не мог не отметить той, по его словам, «необыкновенной сенсации», которую произвел Шаховской на местных жителей. «Молодой князь, сын военного генерала, мужиком в полушубке и в валенках, норовит идти пешком и ездит на одиночке. В Весьегонске своими руками возделывает огород, не допуская никакой помощи. И при этом незлобив и скромнен как девица. В нем нет ни тени самохвальства, – совершеннейшая искренность и простота обезоруживает насмешку и осуждение. Все, в ком была способность духовного подъема и одушевления, были приподняты влиянием Шаховского: учительство, служащие в земской управе, священники и дьячки, врачи и гласные...». Неординарность поступков русского аристократа, поражающая и современников, и потомков. Но так ли удивительными они были с точки зрения общей направленности развития отечественной культуры в конце XIX века? Разве широкое участие представителей древних и знатных княжеских родов (князей Волконских, Долгоруковых, Львовых, Трубецких) в земском либеральном движении не приводит нас к необходимости переосмыслить роль дворянской элиты в

сложных и противоречивых процессах модернизации российского общества и её достижениях и просчетах на этом пути?

Напомним, что отцом Мити был князь Иван Федорович Шаховской (1826 – 1894) боевой офицер, участник Крымской кампании, раненый в сражениях и отмеченный многочисленными наградами, полный генерал (генерал от кавалерии), пожалованный государем в генерал-адъютанты, снискавший расположение и благосклонность императора Александра III, в эти годы командир 11-го армейского корпуса. Позднее, в своей «Автобиографии» (1913) Д.И. Шаховской так оценивал влияние отца и семьи в целом на формирование его личности: «Я – внук декабриста и всегда помнил это, сколько себя помню. И в рассказах моего отца, гвардейского генерала, но в душе своеобразного демократа, с особого рода свободомыслием, о моем деде, которого он никогда не видал, так как родился через пять месяцев после отцова ареста, кончившего ссылкой в Туруханске и сумасшествием в ссылке, а еще более в рассказах двух своих бабушек, молодевших в выражении своей ненависти к виновнику гибели дорогого им человека, я уже давно почерпнул непоколебимую веру в правоту либерального дела в России» [9, с. 197].

Упомянутые две бабушки Шаховского урожденные княжны Наталья Дмитриевна (1795 – 1884, в замужестве княгиня Шаховская) и Елизавета Дмитриевна (1794 – 1885) Щербатовы внучки историка М.М. Щербатова и любимые кузины П.Я. Чаадаева, с которым они вместе воспитывались в доме их отца Д.М. Щербатова

(1760 – 1839). Они же после кончины Ф.П. Шаховского сумели поднять на ноги и дать домашнее образование сначала двум его сыновьям (Дмитрий и Иван), а затем и пятерым внукам декабриста (Николай, Наталья, Дмитрий, Георгий, Сергей). Все братья Дмитрия Ивановича выбрали военную карьеру, а его старшая сестра Наталья в шестнадцать лет ставшая фрейлиной государыни Марии Александровны в двадцать четыре вышла замуж за товарища министра внутренних дел, командира корпуса жандармов П.В. Оржевского. Рано умершая мать Д.И. Шаховского Екатерина Святославовна (? – 1871, урожденная графиня Бергинская), также происходила из знатного рода князей Долгоруковых и доводилась племянницей московскому генерал-губернатору В.А. Долгорукову. Отметим здесь, что какие бы сомнения не овладевали родными и близкими Дмитрия Шаховского в отношении поступков их сына, внука, брата, но выбор его не встречал противодействия с их стороны и внушал искреннее уважение.

По постановлению земского собрания специально для Шаховского была учреждена особая должность заведующего хозяйственной частью училищ, с жалованьем в 1200 руб. в год. «Шаховской находил, что это слишком много, – отмечал Родичев, – и брал только 600 руб. Его работа недолго продолжалась, но оставила в деле народного образования черту, с которой начинается новая эра. Ему мы в значительной степени обязаны постановкой нового идеала в деле народного образования – всеобщего обучения» [6, с. 210].

Дмитрием Ивановичем фактически в одиночку была проведена значительная и трудоемкая работа по обследованию сети учебных заведений, определению оптимального радиуса школ, расположенных в Весьегонском уезде, включая не только земские, но и те, что находились в ведении православного духовенства (церковно-приходские школы и школы грамотности). Уже в Весьегонске начинается биография Д.И. Шаховского как профессионального общественного деятеля. Фактически он был первым россий-

ским профессионалом в той сфере, которая требовала именно профессионального отношения при решении ряда сложных социальных проблем в условиях буржуазной трансформации. Примечательно, что земство в целом, выступив инициатором в области образования, постепенно становилось серьезным партнером и в значительной степени оппонентом государству и церкви, сумев аккумулировать в своей работе передовые и прогрессивные начинания.

Библиографические ссылки

1. Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской: путь русского либерала. (ЖЗЛ). М., 2008.
2. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988.
3. Орешкин В.В. Вольное экономическое общество в России, 1765 – 1917. М., 1963.
4. Письмо Д.И. Шаховского А.А. Корнилову от 23, 25 октября и 2 ноября 1890 г. // Д.И. Шаховской. Избранные статьи и письма 1881 – 1895 гг. М., 2002.
5. Письмо Д.И. Шаховского предположительно И.М. Гревсу от 14 октября 1890 г. // Д.И. Шаховской. Избранные статьи и письма 1881 – 1895 гг. М., 2002.
6. Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998.
7. Тыркова-Вильямс А. Ф.И. Родичев (1854 – 1933) // Новый журнал. Кн. 38. Нью-Йорк, 1954.
8. Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983.
9. Шаховской Д.И. Автобиография // Русские ведомости. 1813 – 1913. М., 1913. Ч. 2.

A.V. Lubkov

THE LANDLORD SHAHOVSKOY AND “PRIUTINCKIY PROJECT” OF PUBLIC SCHOOL IN RUSSIA

This article deals with the beginning of history “Priutino” – the union of Russian liberal intelligentsia. The author analyses the role of landlord D.I. Shahovskoy in the forming basic principles of public school in Russia as a compulsory, public, open to general estates educational establishment.

Keywords: Russia, the activity of county council, Russian liberalism, a personality in history, the history of public education, “priutinckiy project”.

ИСТОРИЯ 1812 ГОДА И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ОБРАЗОВ*

Насыщенный событиями 1812 год за прошедшие двести лет досконально изучен историками. Однако сегодня происходит обновление проблематики этого времени, в том числе в русле исторической антропологии. В статье автор размышляет о теоретико-методологических проблемах междисциплинарного исследования исторических образов. Современная трансдисциплинарная рефлексия темы образов необычайно разнообразна и интересна. Ее творческое использование может принести и уже приносит множество интересных новаций в наше понимание истории и профессии историка.

Ключевые слова: история 1812 года, историческая антропология, визуальная история, телесный подход в познании, эпистемология образов.

1812 год необычайно насыщен событиями, которые за прошедшие двести лет досконально изучены историками. И тем не менее в последнее время специалисты говорят о необходимости обновления проблематики истории этого периода, включения в нее новых подходов, связанных, прежде всего, с исторической антропологией [4]. Речь идет о том, чтобы лучше понять человека в экстремальных условиях войны, специфику коммуникационных взаимодействий предвоенного и военного времени, причудливое переплетение различных контекстов, наложение масштабов и прочее. Постепенно в изучении этого периода формируются такие проблемные поля, как история повседневности, интеллектуальная история, история ментальностей, история репрезентаций, история памяти, визуальная история и другие варианты антропологически ориентированных исследований. Однако поскольку историческая антропология это междисциплинарная практика, то ее реали-

зация на материале 1812 года порождает ряд проблем теоретико-методологического порядка. К сожалению, несмотря на активизацию усилий историков в связи с юбилеем, все еще очевиден «рефлексивный дефицит» в осмыслении проблематики этого времени. Во время проведения круглого стола, посвященного историографии Отечественной войны 1812 года, его участники много внимания уделили источниковедческим и историографическим проблемам в этом исследовательском поле, но эпистемологические аспекты практически не затрагивались. Впрочем, Л.Л. Ивченко, главный хранитель Музея-панорамы «Бородинская битва», справедливо заметила, что «проблемы изучения событий Отечественной войны 1812 г., всей эпохи Наполеоновских войн не исчезнут после публикации новых источников, потому что самой главной проблемой для исследователей остается вопрос о методологии исследования» [14]. Но ее аргументация этого тезиса свелась к размышлениям на тему как относиться к

* В основе статьи доклад, сделанный автором на международной научной конференции «Отечественная война 1812 года в контексте мировой истории», прошедшей 9 – 14 июля 2012 г. в Институте всеобщей истории РАН.

источнику. Это, безусловно, очень существенный вопрос, но есть и иные важные эпистемологические проблемы, связанные в том числе с попытками изучения новых аспектов истории этого периода. Например, таких как взаимные представления народов друг о друге, образ Другого, историческая память о войне 1812 года и других войнах наполеоновской эпохи. Я хотела бы поговорить о них применительно к теме образов, которой посвящена бóльшая часть Французского ежегодника 2012 года, составленного из материалов международной конференции «Отечественная война 1812 в контексте мировой истории», проходившей в ИВИ РАН [12]. Речь пойдет о том, что такое образ и как с ним работают историки. Чрезвычайная сложность, многомерность объекта рассмотрения, надеюсь, послужит оправданием некоторой схематичности изложения.

Слово *образ* в последнее десятилетие необычайно популярно не только в нашей повседневной жизни, но и в науке, в том числе в историографии. Предметное поле, в котором оно присутствует, совместимо с бесконечным разнообразием жизни: образы власти, времени, страны, региона, социальной группы, личности, врага и пр. В историческом сообществе это слово все чаще встречается в названиях книг и статей, научных проектах и диссертациях, но нередко историки используют его как нечто само собой разумеющееся, т.е. по сути о нем особенно не задумываются.

Между тем с темой образов так или иначе связаны ключевые проблемы современного познания, такие, например, как проблемы реальности, сознания, Другого, тела, времени, пространства, опыта, аффекта, сообщества,

языка познания и многого другого. Все эти сюжеты имеют междисциплинарный, точнее трансдисциплинарный характер. Кроме того, проблематика образа входит в сложную философскую проблему видимого/невидимого, антропологию взгляда и визуального. Не случайно *образ* является стержневым сегментом двух новых трансдисциплинарных исследовательских полей, формирующихся в познании на рубеже XX – XXI веков: изучение визуального и так называемый *телесный подход* (embodied cognition approach) в эпистемологии.

С исследованием визуального связывают обновление антропологического подхода в гуманитарном познании. Некоторые аналитики говорят даже о формировании особой исследовательской парадигмы, открывающей новые горизонты для человеческого любопытства и научного поиска. В свете телесно-ориентированного подхода к познанию получается, что последнее «нагружено» не только теоретически, как считалось ранее, но и телесно. «Интеллект требует тела и проявляет себя во взаимной игре тела, мозга и окружающей среды», – пишет Е.Н. Князева [9].

Произошедшие в последние десятилетия трансформации в мире и науке привели к тому, что личность ученого оказывается включенной в исследовательское пространство. Размышляя «об образе человека» у историков, О.Г. Эккле формулирует вопрос: *каков у историков образ самого себя?* Подчеркивая, что каждый историк, отвечая на подобный вопрос, делает свой собственный выбор в зависимости от того, что является для него важным, немецкий ученый пишет:

«Рефлексия историка о личных предпосылках его познавательной деятельности, а также о характерных для его времени исследовательских проблемах, которые постоянно обновляются, становится ... существенным условием познания и его объективности» [21]. При этом в условиях возрастающей визуализации окружающего мира размышления о диалектике видимого/невидимого в процессе исследовательской работы являются одной из составляющих совершенствования техники объяснения/понимания. Это предполагает комплексное рассмотрение проблематики образов, которые конструируются на основе самых разных источников.

Вездесущность *образа* можно сравнить с такими базовыми явлениями, как *слово, время, пространство*. Не удивительно, что в обширном междисциплинарном поле, где исследуются образы, изучаются не только тексты, но и различные предметы, изображения, церемонии, ритуалы, символы, жесты, природные объекты, музыка, архитектура, а также все то, что современные антропологи называют «мышлением тела» (эмоции, аффекты, запахи, тактильные ощущения).

Образы делают историю видимой. Но как это происходит, каким образом? Что делают историки, когда думают, что изучают образы? Что такое образ? Как он функционирует? Где формируется? Чем отличаются образы ментальные, вербальные от образов визуальных? Как соотносятся образ и изображение? Это одно и то же или разные явления? Почему образы так легко использовать в политических целях? Как происходит переход из регистра наблюдения/ созерцания в регистр визуализации?

Ясных ответов на эти вопросы и соответствующих практических рекомендаций в исторической эпистемологии пока не найдено. Однако можно и нужно осмысливать панораму подходов к этой сложной проблематике. Это необходимо хотя бы потому, что конкретному исследователю, продолжающему формироваться в рамках дисциплинарной специализации, трудно следить за теоретическими новациями, которые не связаны со сферой его непосредственных интересов. Кроме того, без качественной истории науки, истории, отвечающей на вызовы времени, вряд ли возможно плодотворное междисциплинарное сотрудничество.

В последнее десятилетие сближение историков с территорией образов стремительно прогрессирует. Если раньше этим занимались преимущественно медиевисты и антиковеды, то в XX веке на эту территорию решительно вошли сначала специалисты по новой истории, а в последние десятилетия и по новейшей. Впрочем, ведущими в этом процессе были, конечно, медиевисты в силу понятных причин. И мы сегодня лучше знаем историю образов в средние века, чем их историю в новейшее время. При этом сосуществуют два основных подхода к образам: первый – наивный, основанный на вере в аутентичный характер документа, в котором видят «чистое свидетельство», содержащее ценную объективную информацию. Второй – специализированный, при котором визуальные средства рассматриваются лишь как вспомогательные (история фотографии, кино, телевидения и пр.). Значительная часть историков продолжает относиться к образу, как к важной иллюстрации, в то же время

немало историков полагает, что необходимо применять к иконической продукции традиционную практику критики источников, ибо всякий образ создан в определенном контексте и его определенным способом использовали, что во многом определяет содержание и не позволяет в нем видеть просто «отражение» реальности. При этом образы рассматриваются не только как продукт истории, но предполагается, что они сами создают историю.

Разумеется, в национальных исторических традициях проблематика образов освещается по-разному. Визуальный или пикторальный поворот произошел во второй половине 1990-х годов. Родиной его считаются США, но довольно активно визуальные исследования ведутся и в других странах [17]. В том числе в России. Однако историки не торопятся знакомиться с новейшими визуальными исследованиями. Да и отечественное искусствоведение меняется медленно. Тем не менее появившиеся недавно междисциплинарные исторические исследования, авторы которых относятся к образу и связанным с ним эпистемологическим новациям серьезно, свидетельствуют, что в нем содержится мощный обновляющий потенциал, проявляющийся на всех уровнях историографической операции [11].

Во французской историографии последнего столетия изучение образов связано в первую очередь с исследованием исторического воображаемого, т.е. того аспекта жизни, который неотделим от потребности человека представлять, творить, создавать образы. Такие исследования сопровождаются неустанной методологической рефлексией и стимулируют обновление исто-

рического дискурса. Чтобы в этом убедиться, достаточно проследить, как изучаются образы в русле истории ментальностей, истории *sensibilités* или истории репрезентаций [1].

Сфера воображаемого стала объектом пристального внимания историков именно в контексте истории ментальностей: изучая некий след исторического в виде ментального инструментария, ментальной атмосферы, установок сознания и поведения, осмысливая мир представлений в разные исторические эпохи, историки не только обнаружили целые культурные миры, но и проблематизировали традиционную историю идей. В 1970 – 1980 годы, исследуя воображаемое, большинство французских историков опиралось на дихотомию реальное/идеальное, важной составляющей которой был социально-экономический детерминизм. Воображаемое понималось, прежде всего, как способность придавать реальности иной вид, чем некая способность ее создавать, конституировать. Впрочем, были и такие работы, в которых воображаемое представало именно во втором варианте. Так, например, Б. Бачко ввел в науку синтагму «социальное воображаемое» [2]. И хотя сохранялась дуалистическая установка, в которой воображаемое помещается на стороне *не реальности*, в историографии появился интерес к воображаемому не только как одной из функций реальности, но и как одной из ее форм.

Понятие *репрезентации* (*representations*), основная содержательная характеристика которого не представление, а *изображение*, родилось в полемике с дуалистической установкой реальное/идеальное и было связано с

потребностью соединить социально-экономическое и культурное, учитывая их взаимодействие в динамике [5]. Иными словами, речь шла о том, чтобы вписать культурную составляющую в тот же уровень, где живет и действует человек, отказавшись от вертикальной этажности исторических планов: экономика, социум, политика, культура. Благодаря репрезентациям французские историки нащупали такой уровень исследований, в котором одновременно сосуществует сознательное и бессознательное, воображаемое и идеологическое, коллективное и индивидуальное. Таким образом, удается уйти от распрощанного отождествления ментального с коллективным бессознательным. Впрочем, понятие репрезентации тоже связано с определенным дуализмом. Но это дихотомия репрезентируемого и того, что в итоге получается, т.е. невидимого и видимого. Причем это уже не миметическое воспроизводство реальности, но манифестация определенного способа видения, визуализация. «Изображение (l'image) нам сообщает больше об обществе, которое на него смотрит, чем о себе самом», – пишет, например, Б. Стора [3]. Здесь неизбежно появляются властные отношения, а значит и перформативное измерение акта репрезентации. В этой связи новое развитие получило исследование интеллектуальной культуры в противоположность тому, что история ментальностей была озабочена исследованием культуры народной.

Понятие *репрезентация*, активно вошедшее в гуманитарное познание на рубеже 1980 – 1990-х гг., помогает историкам исследовать в тесном переплетении идеи, представления и

практики, выявляя способы думать/действовать/чувствовать, свойственные людям в разные исторические периоды. И хотя отношение в сообществе историков к историописанию такого типа трудно назвать однозначным, изучение истории как мира коммуникаций, который конституируется не только рационально, но при самом активном участии воображения и телесности, т.е. опосредован образами (ментальными, визуальными, тактильными и пр.), свидетельствует о том, что междисциплинарное исследование этой сложной проблематики способствует переосмыслению устоявшихся интерпретационных схем, подходов и методик. Более того, в русле такого подхода открываются новые возможности для более решительного обновления языка, на котором говорят историки-профессионалы.

В нашей традиции освоение историками пространства визуального только начинается. Однако, даже при наличии авторской рефлексии в исторических исследованиях, архаические установки сохраняются. Например, теория отражения, один из главных компонентов канона советского обществоведения, до сих пор имплицитно присутствует в работах отечественных историков, в том числе в обзорных статьях, посвященных осмыслению «визуальной истории» [20]. О том, что дискурс «отражения» устарел говорят давно, в том числе историки и специалисты по источниковедению [16]. Тем не менее даже теперь, когда стало ясно, что историк имеет дело не столько с реальностью, сколько с эффектом реальности, что исторический факт не данность, а конструкция, что основным фактом, с которым работает историк, считающий историю наукой о человеке

во времени, является «акт коммуникации», бинарные установки сознание/действительность, субъект/объект и прочее представляются естественными. Кроме того, мы все, как справедливо отметил С. Зенкин, «инфицированы» школьной теорией «художественного образа». Между тем это понятие «архаично и эндемично, коренится в натуралистической эстетике и умозрительной психологии XIX в., не имеет хождения ни в одной другой национальной научной традиции, не поддается не только точной проверке на практике, но даже сколько-нибудь конкретной дефиниции. То есть вообще-то образы существуют, однако, как ясно сегодня, их способ бытия и внутренняя структура совсем иные, чем полагало академическое литературоведение столет назад» [7].

Современные теоретики визуального отводят идею «отражения». Например, Е. Петровская делает это, проблематизируя самую представительную и успешную не только в нашей научной традиции «школу» семиотического изучения воображаемого, в основе которой понимание образа как знака, имеющего символическое содержание, смыслы которого и выявляют исследователи [15]. Такой подход очень широко распространен в практике историков, изучающих «образы» по материальным или письменным источникам. Они описывают эти источники, заявляют об их семиотическом статусе и далее выявляют интересующий их образ, опираясь на семантический анализ письменных текстов и визуальных материальных изображений [13]. Иными словами, с визуальными источниками и образами историки работают примерно так же, как работало клас-

сическое искусствознание с произведениями и памятниками искусства. При этом образ и изображение, как правило, воспринимаются как синонимы. В научном дискурсе об образе (иконология, cultural studies, традиционная история искусств, когнитивные подходы к кинематографу) речь идет исключительно об изображениях. Образы воспринимают как данность: темы, ценности, идеи, фигурации даны нам в образах, которые формируются в нашем сознании. Такая эпистемология настолько укоренена в практике мышления об образе, что она кажется естественной, хотя на самом деле речь идет о феноменологическом схватывании (наивном или продуманном).

Между тем в философской рефлексии образ и изображение давно разведены. Визуальный образ включает не только видимое, но и невидимое. Иными словами, за всяким образом стоит событие, коммуникация, система отношений, делающая образ воспринимаемым. В поле зрения философов и ученых, изучающих образы, все чаще попадают тела. С. Зенкин, анализируя набор новейших философских, культурологических и искусствоведческих идей, связанных с проблематикой зрительного образа, приходит к следующему заключению: «образ не таится в ткани художественного произведения и не скрыт в глубинах нашей душевной жизни, он «случается» в близком, проблематичном пространстве нашего телесного опыта, в динамичном взаимодействии субъекта с объектом, которое в пределе отменяет сами эти две категории» [6].

Основой традиционных концепций и тела, и мышления длительное время являлся психофизический дуализм.

Однако к концу XX века изменились как концептуальный аппарат, так и связанные с ним методы изучения взаимоотношений мышления и тела. Внутренний вклад в эту трансформацию внесли не только антропологи и социологи, но и историки. «В исторической науке долгое время преобладало мнение, что тело относится к природе, а не к культуре, – пишет Ле Гофф. – Однако у тела есть своя история, которая является частью истории глобальной. Можно даже сказать, что тело конструирует историю точно так же, как экономические и социальные структуры, ментальные представления, ибо оно в какой-то мере определяется ими и воздействует на них» [10]. Еще в 1919 году появилась книга Й. Хейзинги «Осень Средневековья», которая приблизила историческую дисциплину к пониманию телесности. Однако тема телесности заняла свое место в исторических исследованиях лишь в условиях активного включения историков в поле социальных наук. «Техники тела» М. Мосса, «процесс цивилизации» Н. Элиаса, а также приглашение присмотреться к «приключениям тела» и реабилитация интуиции в трудах М. Блока и Л. Февра сделали изучение телесности важнейшим трендом не только французской, но и международной историографии. Этот тренд оказался одной из основ антропологического поворота в гуманитарных и социальных науках. Кроме того, исторические исследования тела стали одним из источников критического отношения интеллектуалов к рационалистическому восприятию мира. Изучая бытование телесности в истории, историки способствовали преодолению классических ориентиров нововро-

пейского мышления, в том числе таких фундаментальных, как субъект/объект, внутреннее/внешнее, сознание/ действительность.

В связи с проблематикой образов значительный интерес представляет введенный в науку Дитмаром Кампером [19] концепт «мышление тела» [8]. «По мысли Д. Кампера, – пишет отечественный философ, – основным элементом телесного мышления выступает воображение, тесно связанное с телесностью человека, с неспециализированностью его тела, избытком влечений и желаний. Воображение укоренено в теле, но это не один центральный корень, а ризоматическое корневище с множеством разнонаправленных отростков. Благодаря воображению человек способен выходить за культурные и природные ограничения, налагаемые на него. Этот выход возможен конкретно через опыт мышления тела, так как он производит реальности, где и происходит взаимодействие тел, рождающее смысл, и тело обживает эти реальности. Мышление тела – это не специальное мышление, а организационный принцип, с которым производятся реальности и устанавливается открытое пространство взаимодействий». Это «иной способ рефлексии (в отличие от традиционной рефлексии – как зеркального отражения), которая не столько отражает, сколько участвует» [18].

Современная трансдисциплинарная рефлексия темы образов необычайно насыщена, разнообразна и интересна. Ее творческое использование может принести и уже приносит множество интересных новаций в наше понимание истории и профессии историка. В свете новых идей, появившихся в русле теории визуализации и совре-

менной философии, очевидно, что историку, изучающему образы, необходимо уйти от привычного референциального подхода. Исторический образ, всегда подвижный, не равный себе, взывает к вдумчивому его постижению, предполагающему осмысление не то-

лько содержательной сюжетной составляющей, но и понимание ситуации, в которой образ формируется и живет, людей, которые с ним связаны. Более того, являясь условием видимости как таковой, образ приглашает исследователя к эксперименту и сравнению.

Библиографические ссылки

1. Alain Boureau. La compétence inductive. Un modèle d'analyse des représentations rares // Bernard Lepetit (dir.), Les formes de l'expérience. Une autre histoire sociale. Albin Michel. Paris. 1995 ; Roger Chartier. Au bord de la falaise. L'histoire entre certitudes et inquiétude. Albin Michel. Paris. 1998 ; Michel Vovelle. Histoire et représentations// Jean-Claude Ruano-Borbolan (dir.). L'histoire aujourd'hui. Nouveaux objets de recherche. Courants et débats. Le métier d'historien, Sciences humaines Editions, Auxerre, 1999 ; Elisa Brilli. L'essor des images et l'eclipse du littéraire. Notes sur l'histoire et sur les pratiques de l'histoire des représentations // Faire l'anthropologie historique du Moyen Age. 6/2010 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://acrh.revues.org/index2028.html>, свободный. Яз. фр. (дата обращения: 05.09.20).
2. Bachko B. Les imaginaires sociaux: memoirs et espoirs collectifs. Paris: Payot. 1984.
3. Benjamin Stora. L'image nous renseigne plus sur la société qui la regarde que sur elle-même (propos recueillis par Michel Guerrin) // Le Monde. 2001, 23 avril.
4. Natalie Petiteau. Pour une anthropologie historique des guerres de l'Empire // Revue d'histoire du XIXe siècle, 30 | 2005. [Enligne], misenlignele 28 mars 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rh19.revues.org/index1013.html>, свободный. Яз. фр. (дата обращения: 05.09.13).
5. Roger Chartier. Le monde comme représentation , Annales E.S.C., 1989/6. P. 1505 – 1520.
6. Зенкин С. Образ, медиум, медиация // Новое литературное обозрение. 2012. № 1 (113).
7. Зенкин С. Образ, медиум, медитация. Заметки о теории, 26 // Новое литературное обозрение. 2012. № 1 (113) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/z41-pr.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 05.09.2013).
8. Кампер Д. Тело. Насилие. Боль // Сборник ст. СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. 174 с. ; Степанов М. А. Дискурсы «мышления тела» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/1699>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 05.10.2013).
9. Князева Е.Н. Телесно ориентированный подход в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2010. № 1. С. 42 – 49.

10. Ле Гофф Жак, Трюон Николя. История тела в средние века. М. : Текст, 2008. 192 с.
11. Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историографический роман). Челябинск : Энциклопедия, 2008.
12. Образ врага: взаимные представления воюющих наций в эпоху наполеоновских войн // Французский ежегодник. 2012. М. : Наука, 2012. С. 206–396.
13. Одной из лучших работ такого рода остается монография Лучицкой С.И. «Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов». (СПб. : Алетейя, 2001). Книга, опубликованная более десяти лет назад, не утратила своей эвристической ценности в нашей традиции, где потребность в исследовании Другого есть, но способы такого исследования, в том числе в русле феноменологического и герменевтического подходов, осмыслены историками пока недостаточно.
14. Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии : материалы «круглого стола» // Французский ежегодник. 2011. М. : Наука, 2011. С. 348 – 392.
15. Петровская Е. Теория образа. М. : РГГУ, 2010. 281 с.
16. Румянцева М.Ф. Исторический источник в свете «теории отражения», или еще раз о том, «отражается» ли действительность в исторических источниках // История. Электронный журнал ИВИ РАН 2012. Вып. 1(9) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mes.igh.ru/magazine/content.php?magazine=3983>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 05.10.2013).
17. Соколов А.Б. Текст, образ, интерпретация: визуальный поворот в современной западной историографии // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск : Камен. пояс, 2008.
18. Степанов М.А. Опыт мышления тела: к эпистемологии Дитмара Кампера : автореф. дис. ... канд. философ. наук. СПб., 2011. С. 12.
19. Философ Д. Кампер – основатель берлинской школы трансдисциплинарной исторической антропологии, стремящейся объединить все существующие антропологические перспективы. См.: Кристоф Вульф. Антропология: история, культура, философия / пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2008. 278 с.
20. Щербакова Е.И. Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России. Т. III. Пятнадцать лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова. М. : АИРО XXI, 2011.
21. Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М. : Новое литературное обозрение, 2007. С. 334.

The 1812 HISTORY AND THE EPISTEMOLOGY OF THE IMAGES

The eventful 1812 year have been carefully studied by the historians for the last two hundred years. Currently, thematic field of this period is in the process of updating including the context of the historical anthropology. The author focuses on the theoretical and methodological problems of the interdisciplinary study of the historical images. Modern trans-disciplinary reflection on the image is extraordinarily various and of great interest. Its creative application can bring and has brought a number of interesting innovations to our understanding of the history and the historian's craft.

Keywords: 1812 history, historical anthropology, visual history, historical images, embodied cognition approach, epistemology of the images.

УДК 94(73)''1950/1990''

И.К. Лапшина

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В США (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-х – НАЧАЛО 1990-х гг.)

В статье рассматривается роль движения негритянского протеста и различных общественных групп в развитии законодательства в сфере гражданских прав США, особенности межпартийного соперничества в Конгрессе в данной сфере в послевоенный период.

Ключевые слова: гражданские права, США, гражданское общество, Демократическая партия, Республиканская партия, Конгресс.

Проблема укрепления и дальнейшего развития гражданского общества остается одной из наиболее значимых в современной России. Правовая практика западных стран показывает важнейшую роль социальной активности граждан в ее развитии. Интересным примером в этом смысле является борьба за реформирование законодательства в сфере гражданских прав в США в послевоенный период.

Особую остроту во второй половине XX в. в Соединенных Штатах приобрел вопрос о расовой дискриминации. Рассмотрение в Конгрессе первых послевоенных законов в области гражданских прав происходило на волне начав-

шегося в 1950-е гг. массового движения негритянского протеста против сегрегации в образовании, на транспорте, в сфере общественных услуг за равные с белыми экономические права. Возглавляемые М.Л. Кингом и ведущими негритянскими организациями его участники использовали тактику ненасильственных действий, проведения бойкотов и сидячих забастовок, что для того времени, несомненно, было актом гражданского мужества. Неслучайно данные события в американской историографии получили название второй Реконструкции [43, с. 1330 – 1335].

Изменявшееся общественное настроение, заинтересованность в голосах

черного электората, а также личные амбиции заставили законодателей обратиться к данной проблеме. Беспкойство либерального крыла демократической партии вызвало уменьшение поддержки со стороны негритянских избирателей на выборах 1956 г. В 1956 г. Д. Эйзенхауэр получил 39 % голосов афро-американцев по сравнению с 21 % в 1952 г. [50, с. 105]. После окончания кампании Г. Хэмфри заметил, что «бездействием в области гражданских прав демократы роют себе могилу» [30].

Пункт о гражданских правах занял центральное место в «Демократической декларации 1957 года», с которой выступила группа сенаторов-либералов 22 ноября 1956 г. (Г. Хэмфри, П. Дуглас, У. Морзе, Дж. Меррей, П. Макнамара и Р. Ньюбергер). Они настаивали на более активной позиции демократической фракции в разработке законодательной программы Конгресса, утверждая, что итоги выборов 1956 г. отразили симпатию избирателей к личности Д. Эйзенхауэра, но в то же время указали на их предпочтение программе демократов [30].

Необходимость предпринять шаги в этой области была ясна и для лидеров демократической фракции. «К 1957 году, – вспоминал Л. Джонсон, – стало совершенно очевидно: сенат должен был действовать, демократическая партия должна была действовать, и я должен был действовать. Вопрос не мог больше откладываться» [20, с. 147]. Задачей руководства демократической фракции стало нахождение «среднего курса» в выработке законопроекта, который в равной мере позволил бы показать активность партии в этой сфере, более символиче-

скую, и избежать возникновения острого конфликта с южанами-дискриминаторами, ярыми противниками любого действия со стороны властей в области гражданских прав. «Похоже, они начинают кричать, только увидев слова «гражданские права», не читая того, что было в предложении», – заметил однажды Д. Эйзенхауэр [22].

Сам президент придерживался консервативных взглядов на решение расового вопроса, проявляя сочувствие к позиции южан [19, с. 115 – 116; 21, с. 127 – 129]. Его поддержка ликвидации сегрегации более исходила из основополагающего убеждения о том, что «равенство возможностей для каждого индивида в Америке является одним из фундаментальных принципов нашей системы правления», и что прогресс в этой сфере должен продолжаться [42, с. 313]. Однако продвижение в данном направлении было возможно, по мнению Эйзенхауэра, благодаря изменению общественного настроения, а не посредством законодательства.

При рассмотрении вопроса о гражданских правах на заседаниях кабинета он соглашался с теми, кто высказывался за «умеренность» вместо «простого нагромождения законов, которые не могут быть проведены в имеющихся обстоятельствах», подчеркивал «большую важность чувств, чем законов в решении данных проблем» [25, с. 27]. Мнение о «необходимости сдержанности» в подходе к расовой проблеме и учету позиции южан разделялось членами кабинета [38].

Следует заметить, что при умеренно-консервативных воззрениях Д. Эйзенхауэр обладал широтой политиче-

ского видения, признавая необходимость учета интересов различных общественных групп при разработке внутривластного курса. Будучи прагматиком, он понимал необходимость нахождения адекватных мер на государственном уровне, которые позволили бы согласовать противоречивые интересы затрагиваемых сторон в целях обеспечения социальной стабильности в стране.

Выступая против значительной активности федерального правительства в сфере гражданских прав и отдавая приоритет принципу «прав штатов», Д. Эйзенхауэр чувствовал свою ответственность как президента за обеспечение соблюдения законов и выполнение Конституции [24; 32, с. 439]. Он был «потрясен», пишет американский историк С. Амброз, «когда узнал, что из 900 000 негров в Миссисипи только 7000 было разрешено голосовать» [1, с. 410].

Представляя законопроект республиканской администрации 1957 г., Д. Эйзенхауэр подчеркивал, что «невозможно вообразить что-то более умеренное или менее провокационное» [22]. Наряду с образованием двухпартийной комиссии по гражданским правам предусматривалось создание соответствующего отдела в министерстве юстиции под началом специального помощника Генерального прокурора. «Сердцем» законопроекта стал раздел III, расширявший прерогативы федеральных властей по обеспечению гражданских прав. Согласно параграфу 121 данного раздела Генеральный прокурор получал право возбуждать дела в окружных судах в случае их нарушения с целью вынесения судебного предписания против

лиц, виновных в подобных нарушениях. При неподчинении предписанию суда нарушители могли привлекаться к гражданской или уголовной ответственности [51, с. 137; 5, с.1622 – 1623]. Из заявления президента от 16 июля ясно следовало, что основной целью будущего закона являлась защита избирательных прав граждан независимо от их расы или цвета кожи [45, с. 101].

Наделение федеральных органов реальным механизмом, позволявшим добиваться исполнения закона, вызвало сильнейшее противодействие со стороны южных демократов, которые полагали, что он может быть использован для вмешательства в дела штатов по любому поводу. Особенно их беспокоил вопрос о десегрегации школьного образования [23, с. 249 – 258].

После достаточно гладкого прохождения законопроекта 1957 г. в палате представителей, где его поддержали 168 республиканцев и 118 демократов [10, с. 9518], главная борьба вокруг законопроекта в 85-м Конгрессе развернулась в более консервативном сенате. Основное противодействие вызывало включение в закон раздела III. «Разговор об избирательных правах – это дымовая завеса, скрывающая предоставление Генеральному прокурору Соединенных Штатов неограниченной власти править, опираясь на судебное предписание и федеральный штык», – заявил в ходе дебатов один из столпов южного консерватизма Р. Рассел [44, с. 70 – 71]. В борьбе против принятия закона объединились южане всех мастей – от центристов до ультраконсерваторов. Атаку на билль вели Г. Бирд, С. Эрвин,

А. Эллендер, Дж. Истлэнд, предрекавшие грядущее ущемление «прав штатов». «Если закон будет принят, в Америке погибнет свобода», – запугивал сенаторов Дж. Истлэнд. «Закон превратит Генерального прокурора в Цезаря Америки XX века», – вторил ему Г. Бирд [11, с. 11350, 11817].

В ситуации, когда демократы располагали большинством в обеих палатах Конгресса, существовала опасность, что в случае непринятия законопроекта они будут обвинены республиканцами в «провале билля Д. Эйзенхауэра о гражданских правах» [39, с. 237]. Сопротивление южан можно было преодолеть только при условии сведения законопроекта к вопросу об избирательных правах, что соответствовало подходу республиканской администрации. По воспоминаниям одного из деятелей демократической партии Дж. Риди, одной из характеристик южан была их «действительная вера в Конституцию, как она написана». Отстаивание явно неконституционной позиции их «беспокойло», а «лишать этих черных голосов было абсолютно неконституционно. И южане знали это» [23, с. 251].

Л. Джонсон использовал весь свой авторитет лидера большинства в сенате, чтобы добиться прохождения билля. Он заверил южан, что если они не будут прибегать к обструкции, он лично сделает все возможное для того, чтобы раздел III не вошел в окончательный вариант законопроекта. С другой стороны, он убедил либералов, что если они будут настаивать на сохранении раздела III в законе о гражданских правах, принятие последнего станет невозможным из-за сопротивления южан [20, с. 149 – 150].

Маневрирования дали желаемый результат – либералы согласились пойти на уступки. 7 августа билль прошел в сенате 72 голосами против 18 после того, как из него вычеркнули раздел III и приняли поправку об осуществлении судебного процесса с судом присяжных. Ее принятие было названо Д. Эйзенхауэром «одним из наиболее серьезных политических поражений за последние четыре года» [26]. Она фактически сводила на нет действие закона, поскольку сложно было ожидать от южных присяжных осуждения белых за нарушение гражданских прав черного населения [28, с. 10]. Многие представители негритянской общины выступили против подписания «выхолощенного» законопроекта президентом, однако 9 сентября он стал законом.

Снятие раздела III, по мнению председателя либеральной организации «Американцы за демократические действия» Дж. Рауха, на семь лет задержало интеграцию школьного образования на Юге. Л. Джонсон – лидер демократов в сенате, сыгравший ключевую роль в принятии законопроекта, высказывал убеждение, что в 1957 г. удалось достигнуть максимума возможного и положить начало дальнейшему продвижению в этом направлении.

При определенной правоте каждой из сторон отметим, что содержание закона 1957 г. о гражданских правах определило умеренно-консервативный консенсус, сложившийся в 1950-е гг. между ведущими американскими партиями. Не вызывает удивления, что его правоисполнение оказалось крайне неэффективным. В 1959 г. был опубликован доклад о регистра-

ции негритянского электората на Юге, в котором констатировалось, что за период 1956 – 1958 гг. число зарегистрированных черных избирателей в восьми южных штатах (Арканзас, Вирджиния, Джорджия, Луизиана, Северная Каролина, Южная Каролина, Техас, Флорида) даже снизилось более чем на 45 тыс. человек [12, с. 17839 – 17840].

Это заставило законодателей вернуться к рассмотрению проблемы расовой дискриминации накануне президентских выборов 1960 г., поскольку каждая из партий стремилась привлечь на свою сторону черных избирателей. Как и в 1957 г. умеренность программ республиканской администрации и демократической оппозиции, обходивших острые вопросы интеграции школьного образования, дискриминации при найме на работу, действительного обеспечения избирательных прав определила возможность достижения межпартийного компромисса при принятии закона 1960 г. [35, с. 165 – 166].

Слушания по нему продолжались в течение двух месяцев. Они проходили на фоне начавшихся «сидячих демонстраций» черных студентов в местах общественного питания на Юге, ставших проявлением активизации движения афро-американцев за свои права. Для преодоления обструкции со стороны южан, ярых противников закона, Л. Джонсон объявил круглосуточное заседание сената и даже распорядился поставить для сенаторов 40 походных кроватей, чтобы в любой момент можно было обеспечить кворум [23, с. 278]. Лидер республиканцев Э. Дирксен добился поддержки законопроекта со стороны своей фракции [37, с. 118 – 119].

Перед угрозой провала законодательства либеральное крыло демократов, настаивавшее на более активном вмешательстве центральных органов власти в решение расовой проблемы, было вынуждено поддержать центристское руководство фракции. Конкретные меры помощи федерального правительства штатам по преодолению сегрегации были изложены в билле, внесенном сенатором-либералом П. Дугласом. Законопроект предусматривал выделение штатам, проводящим интеграцию школ, дополнительных субсидий на их строительство, подготовку учителей. Министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения наделялось правом разрабатывать программу проведения интеграции без консультации с местными властями, а министр юстиции мог издать судебное предписание о принятии окончательного плана интеграции, одобряемого министерством [29, с. 5]. В конечном итоге в сенате был принят смягченный усилиями Л. Джонсона и министра юстиции У. Роджерса вариант законопроекта, предложенный Белым домом и принятый палатой представителей. Против него голосовали только 18 представителей южных штатов. Наиболее сильным положением закона 1960 г. стало предоставление полномочий федеральным судам назначать третейских судей для оказания помощи афро-американцам при внесении в избирательные списки и голосовании. Предусматривалось сохранение избирательных списков для выяснения нарушений прав черных американцев, привлечение к уголовному наказанию за угрозу осуществления или осуществление взрывов в общественных

местах [13, с. 6512; 32, с. 554 – 555; 23, с. 276 – 280].

Законы в области гражданских прав 1957 и 1960 гг. явились первыми осторожными шагами на пути решения важнейшей социальной проблемы. Пожалуй, их главное значение заключалось в том, что они прокладывали дорогу к дальнейшему развитию правовой практики в этой сфере.

Не предложив кардинальных мер по преодолению расовой дискриминации в американском обществе, принятое законодательство не смогло предотвратить нарастания расово-этнического конфликта в США, вспыхнувшего с особой остротой в 1960-е гг. Потребовалось давление на власть со стороны 50 млн афроамериканцев – участников движения за гражданские права – марш на Вашингтон в августе 1963 г. «за рабочие места и свободу», собравший 200 тыс. участников, «черные бунты» в 150 городах, ожесточенные столкновения с полицией, чтобы заставить политическую элиту существенно расширить содержание и сферу применения законодательства о гражданских правах, усилить ответственность государственных органов за его исполнение.

Настоящим прорывом в решении расовой проблемы стали Законы о гражданских правах 1964 г., об избирательных правах 1965 г., против дискриминации в жилищном вопросе 1968 г. Они запрещали дискриминацию в общественных местах, местах развлечений, при устройстве на работу, занятиях спортом и т.д. Создавалась специальная комиссия по расследованию нарушений при найме на ра-

боту. Запрещалась расовая дискриминация на предприятиях, получавших федеральное финансирование, при продаже или сдаче жилья в наем.

Министерство юстиции получило полномочия возбуждать судебные иски по поводу сегрегации в школах. Школьным округам, проводящим политику десегрегации, предоставлялась финансовая и техническая помощь.

Было запрещено отказывать в регистрации избирателям из-за ошибок в заполнении форм, предусматривалась судебная ответственность лиц, допустивших дискриминацию при составлении избирательных списков, отменялись проверки грамотности. Закон об избирательных правах 1965 г. позволил почти одному миллиону афроамериканцев зарегистрироваться в качестве избирателей.

Наибольшие сложности возникли в правоисполнительной практике интеграции школьного образования. Этот вопрос привлек пристальное внимание пришедшей к власти в 1969 г. администрации Р. Никсона в связи с серией решений федеральных судов по проведению десегрегации в школах в отношении ряда южных штатов и некоторых школьных округов на Севере [17, с. 228].

Идентифицируя себя как «умеренного консерватора», Р. Никсон признавал, что в формулировании политики в расовом вопросе преследовал достаточно скромную цель – достижение «умеренного баланса» [31, с. 435 – 436]. «Мне кажется, существуют две противоположные группы. Есть те, кто хочет немедленной интеграции, и те, кто хочет, чтобы сегрегация сохранилась навсегда. Я полагаю, что нам необходим средний курс между

этими двумя крайними позициями», – заявил глава исполнительной власти на пресс-конференции 26 сентября 1969 г., определяя свое понимание ситуации [46, с. 76].

Осторожность политики Р. Никсона в области гражданских прав определялась стремлением удержать в своем лагере южан-республиканцев, в большинстве своем настроенных расистски, и усилить позиции партии на «демократическом» Юге. Черным американцам в электоральной стратегии Белого дома отводилось немного места, поскольку реальные шансы получить значительное число их голосов на выборах 1972 г. отсутствовали. При этом Р. Никсон настаивал на принятии некоторых мер, чтобы не оттолкнуть их полностью.

Подчеркивая необходимость ликвидации сегрегации, власть допускала возможность более гибкой политики в тех случаях, когда школьные правления действовали «по доброй воле в разработке планов десегрегации, соответствующих местным нуждам», и успешно их реализовывали. Для нахождения адекватных решений администрация предлагала посмотреть на вопрос не только с точки зрения расового аспекта, но также экономического, учесть «окружение», в котором находятся школы [40].

Основное предложение Белого дома сводилось к выделению значительных средств на улучшение образования в районах, где остро стоял расовый вопрос, и для оказания помощи школьным округам в проведении десегрегации: 500 млн дол. в 1971 финансовом году и 1 млрд дол. – в 1972 г. Соответствующий законопроект был представлен на рассмотрение в Конгресс.

Белый дом предполагал, что документ может вызвать «широкое разочарование и критику» [41], очевидно, признавая постепенность подходов к решению вопроса о школьной интеграции, наличие тенденции к самоустранению и перекладыванию ответственности на школьную власть. Однако пресса в целом встретила предложенную администрацией программу скорее положительно [33, с. 604 – 605].

В Капитолии умеренность предложенного администрацией плана по десегрегации школьного образования вызвала понятное недовольство либерально настроенных конгрессменов, оказавшихся тем самым в одном лагере с южными консерваторами, для которых даже в данном варианте он казался неприемлемым.

В результате один из наиболее значимых законопроектов администрации 1970 г. о выделении 1,5 млрд дол. школам, проводящим политику десегрегации и преодоления расового дисбаланса, был принят палатой представителей 21 декабря, где за него проголосовало большинство представителей северо-восточных и западных штатов (159 – 77) [14, с. 43145], но так и не был рассмотрен в сенате до роспуска Конгресса на каникулы из-за сопротивления либералов и консервативно настроенных южан.

Впоследствии предложение администрации было учтено при разработке билля о поправках к закону об образовании, принятому в 1972 г. при небольшом преимуществе голосов его сторонников. Он включил предоставление помощи соответствующим учебным заведениям в размере 2 млрд дол. [6, с. 44а; 8, с. 10].

Несмотря на умеренность, «средний курс» тридцать седьмого президента принес свои плоды. Достижения республиканской администрации в деле десегрегации школьной системы образования были весьма значительны. По данным министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения, число учеников – афро-американцев в школах, где более 50 % учащихся составляли белые американцы, возросло почти на 20 % к 1970 г. по сравнению с 1968 г. Это составило 38,1 %.

За этот же период их число уменьшилось на 37 % в школах, где более 80 % учеников были афро-американцами [6, с. 487]. К концу 1971 г. 86 % всех афро-американских школьников на Юге посещало смешанные школы [47, с. 82]. В литературе признается, что за первый срок администрации Р. Никсона десегрегация была осуществлена в большем количестве школ, чем за время пребывания у власти администраций Дж. Кеннеди и Л. Джонсона вместе взятых [43, с. 1412].

Отдельное место в общественно-политической полемике в США в 1970-е гг. занял вопрос о басинге – системе автобусных перевозок детей из одних районов в другие в целях преодоления расового дисбаланса в школах. Он вызывал острые столкновения между различными группами граждан, провоцировал расовые конфликты между учащимися и родителями. Особое недовольство практикой перевозок школьников проявляли представители зажиточных белых общин. Их дети попадали в менее благоприятные условия, а дети афро-американцев появились в благополуч-

ных пригородах, куда в свое время «бежали» состоятельные американцы от преимущественно «черных» городских школ [46, с. 47 – 48]. По оценке советника президента Ч. Колсона, басинг относился к числу вопросов, чье влияние на решение избирателей могло оказаться определяющим [17, с. 221 – 222].

За ограничение использования данной меры в целях достижения десегрегации школьного образования выступили в рассматриваемый период не только южные демократы, но и часть северо-восточных конгрессменов, отражая противоречивые настроения своего электората относительно расовой проблемы и усиления федерального давления в этой сфере. Показательно, что в 1971 г. поправка к законопроекту о высшем образовании, согласно которой вступление в силу распоряжения любого федерального суда по басингу откладывалось до прекращения подачи всех жалоб (или установленного времени для их подачи), получила двухпартийную поддержку [6, с. 494, 28а – 29а].

Усиление негативного восприятия практики автобусных перевозок на Севере способствовало укреплению позиций ее противников в Капитолии, вплоть до перехода на их сторону ряда ранее либерально настроенных в расовом вопросе сенаторов-демократов. Уже при президенте Дж. Форде в 1975 г. обе палаты поддержали поправку Р. Бирда, консерватора из Западной Вирджинии, запрещающую принудительную перевозку учащихся в школы, расположенные далеко от места проживания [15, с. 38718 – 38719].

К основным инициативам администрации Никсона в сфере граждан-

ских прав относят так называемый «план Филадельфия». Он был призван облегчить расовым меньшинствам устройство на работу на фирмах, выполнявших работы по федеральным контрактам. Претендующие на их получение предприниматели должны были представлять «цели и сроки» найма рабочих из данной группы населения и предложить им программы обучения.

По замыслу администрации, план в первую очередь должен был затронуть строительную отрасль – один из ведущих секторов экономики. По сути, он был близок к введению принципа «расовых квот», что вызывало противоречивые мнения среди деятелей Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. Некоторые из них настаивали на более «четких положениях», заявляя, что «вопрос более не заключается в том, надо ли предоставить работу нескольким чернокожим», но требует «принятия совершенно нового подхода». Под этим подразумевалось в том числе преодоление контроля профсоюзов за наймом и обучением в строительной отрасли. Против этого решительно выступало консервативное руководство Американской федерации труда – крупнейшей и старейшей профсоюзной организации. В то же время высказывались небезосновательные опасения, что план был направлен на «разрушение коалиции между неграми и профсоюзами», сложившейся в годы «Нового курса» [17, с. 228 – 229; 46].

Переплетение вступавших в конфликт интересов профсоюзов, промышленных центров, сторонников гражданских прав определяло позицию законодателей. Администрации

Р. Никсона, во многом благодаря умелой стратегии лидеров республиканской фракции Дж. Форда и Х. Скотта, удалось преодолеть серьезное сопротивление конгрессменов-консерваторов, усилия профсоюзных лоббистов и добиться принятия в Конгрессе отставившегося ей весьма умеренного законопроекта [6, с. 12а – 13а].

Успехи, достигнутые в США в 1960 – 1970-е гг. в решении расового вопроса, вывели на первый план к началу 1990-х гг. вопрос о правах лиц с ограниченными возможностями. За принятие закона, дававшего возможность людям с ограниченными возможностями стать полноправными гражданами, долгие годы выступали многие общественные организации. По опросу Гэллапа 1989 г. 81 % американцев считали, что правам инвалидов уделяется недостаточное внимание [7, с. 743]. По признанию одного из ведущих американских журналов, именно «сердитое политическое движение» заставило принять «историческое законодательство» [49, с. 20], которое отразило кардинальное переосмысление обществом своего отношения к данной группе населения.

Его прохождению способствовало усиление социального акцента во внутривнутриполитическом курсе администрации Дж. Буша-старшего, сменившей право-консервативную команду Р. Рейгана. В отличие от своего предшественника новый президент придерживался более умеренных политических взглядов. В его выступлениях зазвучала тема «обновленной Америки», где каждый «может чем-то поделиться» и где не будет забыт «ни один американец» [3, с. 4].

Новые веяния разделяло умеренно-либеральное крыло республиканской фракции в Конгрессе. Его представители выражали мнение, что для сохранения статуса партии большинства республиканцам необходима реформистская, «более гуманная политика», основанная на принципах «управляющего консерватизма» [48, с. 26].

Законопроект, сочувственно воспринятый общественностью, поддержали обе партии и глава исполнительной власти. В верхней палате его инициаторами выступили 60 сенаторов [7, с. 744]. Дж. Буш-старший хорошо понимал проблемы, с которыми сталкивались в повседневной жизни лица с ограниченными возможностями, поскольку один из его сыновей страдал дислексией [18, с. 75]. Президент назвал представленный билль «одним из наиболее важных» из всех, когда-либо рассматривавшихся в Капитолии [36, с. 603].

Противники закона аргументировали свою позицию высокой стоимостью расходов, на которые должны были пойти предприниматели и учреждения, чтобы выполнить его требования [16, с. 16637 – 18143; 34, с. 129 – 131]. Однако серьезная общественная поддержка, оказанная законопроекту, заставила даже сочувствующих бизнесу законодателей проголосовать за его принятие. После достижения согласия по наиболее спорным положениям, касавшимся возможности вич-инфицированных лиц работать в сфере питания, и о применении закона к работникам Конгресса, он прошел подавляющим большинством голосов в сенате (91 – 6) и палате представителей (377 – 28). «Против» голосовали пре-

имущественно консерваторы-республиканцы [16, с. 17296 – 17297, 17376].

Закон об инвалидах 1990 г., затрагивавший интересы 43 млн американцев, стал крупным завоеванием движения за гражданские права в Соединенных Штатах. Он давал лицам с ограниченными возможностями, вич-инфицированным, страдающим от эпилепсии и церебрального паралича, ту же защиту от дискриминации, которую в свое время получили афроамериканцы в 1960-е – 1970-е гг.

Новый закон предусматривал обеспечение инвалидов необходимыми средствами передвижения, оснащение автобусов подъемниками, магазинов – лифтами, музеев, спортивных сооружений, больниц, рабочих мест и так далее – соответствующим оборудованием, чтобы сделать для них доступными все общественные места. Рестораны, отели, театры более не могли отказать им в своих услугах, так же, как предприниматели – в приеме на работу квалифицированным работникам по причине их инвалидности [49, с. 20].

Данный закон – один из первых подобного рода в мировой практике – по праву был назван президентом Бушем-старшим «поворотным», открывающим «новую эру равенства, независимости и свободы» в стране [34, с. 128]. Приобщение лиц с ограниченными возможностями к нормальной социальной жизни следует признать важнейшим достижением законодательной политики США в сфере гражданских прав в последней трети XX в.

Анализ опыта Соединенных Штатов выявляет принципиальную роль общественного давления на власть как в развитии законодательства в сфере

гражданских прав во второй половине XX в., так и дальнейшем совершенствовании их правоприменения и правоисполнения. Решающую роль в развитии правовой практики сыграла социальная активность как тех групп граждан, с чьими интересами она была непосредственно связана, так и более широких, демократически настроенных общественных кругов. Вместе с тем нельзя не признать гибкость правящей элиты, чье социальное видение и позиция претер-

певали существенное изменение под влиянием менявшегося социально-политического контекста, ее склонность реагировать на это давление, искать и находить адекватные общественным интересам решения проблем, поставленных социальной практикой. Преодоление конфликта интересов, развития дезинтеграционных тенденций в социуме и сохранение социальной стабильности становятся главным достижением подобной политики.

Библиографические ссылки

1. Амброс С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 410 – 414.
2. Brendon P. Ike: His Life and Times. New York, 1986. P. 320 – 321.
3. Bush George. State of the Union Address. January 29, 1991 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.theamericanpresidency.net/1991.htm>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 20.09.2013).
4. Bush George. State of the Union Address. January 31, 1990 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.theamericanpresidency.net/1990.htm>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 22.09.2013).
5. Congress and the Nation. Vol. I: 1945 – 1964. Washington, D.C., 1965.
6. Congress and the Nation. Vol. III: 1969 – 1972. Washington, D.C., 1973.
7. Congress and the Nation. Vol. VIII: 1989 – 1992. Washington, D.C., 1993. P. 743.
8. Congressional Quarterly Almanac. 1972.
9. Congressional Record. Vol. 103. Pt. 10. P. 13356 – 13900.
10. Congressional Record. Vol. 103. Pt. 7. P. 9518.
11. Congressional Record. Vol. 103. Pt. 9.
12. Congressional Record. Vol. 105. Pt. 14.
13. Congressional Record. Vol. 106. Pt. 5. P. 6512; Pt. 6. P. 7810 – 7811.
14. Congressional Record. Vol. 116. Pt. 32.
15. Congressional Record. Vol. 121. Pt. 30. P. 38718 – 38719.
16. Congressional Record. Vol. 136. Pt. 12. P. 17296 – 17297, 17376.
17. Ehrlichman J. Witness to Power: The Nixon Years. New York, 1982.
18. Greene J. The Presidency of George Bush. Lawrence, Ks., 2000. P. 75.
19. Griffith R. Dwight D. Eisenhower and The Corporate Commonwealth // American Historical Review. February 1982. Vol. 87. № 1.
20. Kearns D. Lyndon Johnson and the American Dream. New York, 1976.
21. Larson A. Eisenhower. The President Nobody Knew. New York, 1968.
22. Legislative Leadership Meeting. April 17, 1956. President Eisenhower's Meetings with Legislative Leaders, 1953 – 1961. Microfilmed from the Holdings of the

- Dwight D. Eisenhower Library. A Microfilm Project of University Publications of America, Inc. Frederick, Maryland, 1986. Reel 1.
23. Miller M.Lyndon. An Oral Biography. New York, 1980.
 24. Minutes of Cabinet Meeting. March 9, 1956. P. 2. Minutes and Documents of the Cabinet Meetings of President Eisenhower (1953 – 1961). A Microfilm Project of University Publications of America, Inc. Washington, D.C. 1980. Reel 4.
 25. Minutes of Cabinet Meeting. March 23, 1956. P. 2. Minutes and Documents of the Cabinet Meetings of President Eisenhower (1953 – 1961). Reel 4.
 26. Minutes of Cabinet Meeting. August 2, 1957. P. 1. Minutes and Documents of the Cabinet Meetings of President Eisenhower (1953 – 1961). Reel 6.
 27. Minutes of Cabinet Meeting. February 27, 1959, P. 5. Minutes and Documents of the Cabinet Meetings of President Eisenhower (1953 – 1961). Reel 8.
 28. New Republic. 1957. July 15.
 29. New Republic. 1960. March 30.
 30. New York Times. 1956. November 23.
 31. Nixon R. The Memoirs of Richard Nixon. New York, 1978. P. 435 – 436.
 32. Parnet H. Eisenhower and the American Crusades. N. Y., 1972.
 33. Parnet H. Richard Nixon and His America. Boston, 1990.
 34. Presidents from Reagan through Clinton, 1981 – 2001. Westport, Conn., 2002. P. 129 – 131.
 35. Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower. Washington, 1959.
 36. Public Papers of the Presidents of the United States. George Bush. Book I. January 1 to June 30, 1990. Wash., D.C., 1991.
 37. Schapsmeier E. and Schapsmeier F. Dirksen of Illinois. Senatorial Statesman. Urbana and Chicago, 1985.
 38. State of the Union Message Comments by Cabinet Members. December 2, 1955. P. 7, 9, 25. Minutes and Documents of the Cabinet Meetings of President Eisenhower (1953 – 1961). Reel 4.
 39. Sundquist J. Politics and Policy. The Eisenhower, Kennedy and Johnson Years. Washington, D.C., 1969.
 40. Talking Points. Breakfast, March 23, 1970 – Congressional Leaders. Papers of the Nixon White House. Part 7. President's Personal Files, 1969 – 1974. President's Speech File. Memos from the President. A Microfiche Project of University Publications of America, Inc. 1991. Fiche 225. Microfiche 0006.
 41. Talking Points. Breakfast, March 23, 1970 – Congressional Leaders. Papers of the Nixon White House. Part 7. Fiche 225. Microfiche 0007.
 42. The Eisenhower Diaries. New York, 1981.
 43. Tindall G. America. A Narrative History. New York, 1988.
 44. U.S. News and World Report. 1957. July 12.
 45. U.S. News and World Report. 1957. July 26.
 46. U.S. News and World Report. 1969. October 6. P. 76.
 47. U.S. News and World Report. 1971. November 15. P. 82.
 48. U.S. News and World Report. 1989. March 27. P. 26.

49. U.S. News and World Report. 1989. September 18. P. 20.
50. Vital Statistics on American Politics / Stanley H., Niemi R. Washington. D.C., 1992.
51. White W. The Professional Lyndon B. Johnson. Boston, 1964.

I.K. Lapshina

**CIVIL SOCIETY AND THE DEVELOPMENT OF THE CIVIL RIGHTS
LEGISLATION IN THE USA (SECOND PART OF THE 1950-S – BEGINNING
OF THE 1990-S)**

The author analyses the role of the afro-american movement and the activity of the different social groups in the development of the civil rights legislation as well as the particularity of the inter-party battles in that sphere in Congress the post-war USA.

Keywords: civil rights, USA, civil society, Democratic party, Republican Party, Congress.

УДК 947.081

С.Р. Глазунов

**ИНСТИТУТ ФАБРИЧНОЙ ИНСПЕКЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ
АНТИЗАБАСТОВОЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ
В КОНЦЕ XIX в.
(на материалах Владимирской губернии)**

Статья посвящена анализу деятельности фабричной инспекции в сфере реализации антизабастовочного законодательства в России в конце XIX века. На основе материалов официального делопроизводства фабричной инспекции реконструируются действия фабричных инспекторов во время забастовок, определяется роль инспекции в предупреждении стачек и урегулировании отношений между рабочими и предпринимателями.

Ключевые слова: институт фабричной инспекции, фабричные инспекторы, рабочие, предприниматели, антизабастовочное законодательство.

Резкий подъем промышленного производства в пореформенный период, ознаменовавший вступление России на путь индустриализации, вызвал высокий уровень концентрации производства и рабочей силы, обеспечивающий наибольший рост прибыли для фабрикантов. Развитие капиталистической промышленности сопровождалось усиливавшимися нужды и

лишения многочисленных рабочих острыми и затяжными кризисами перепроизводства. Забастовочное движение, получившее в этот период массовый характер, стало играть важную роль в системе общественных отношений. В условиях самодержавной России стачка являлась одной из форм проявления социальной активности промышленных рабочих и действен-

ным средством отстаивания жизненно важных интересов трудящихся масс. Отношение самодержавной власти к рабочим, определявшее характер внутренней политики правительства, особенно рельефно проявлялось в антизабастовочном законодательстве и системе наказаний рабочих за участие в стачках.

На фоне угасания внимания к изучению массового рабочего движения в дореволюционной России, произошедшего в связи с конъюнктурными сложностями и сменой научных приоритетов в современной исторической науке [13, с. 101], возникает потребность на основе тщательного и объективного исследования источников в свете историко-антропологического подхода к социальной истории в заполнении многочисленных лакун, существующих в истории рабочих. Таким малоисследованным массивом представляются стачки рабочих, к которым обращались главным образом для того, чтобы проиллюстрировать «классовую борьбу пролетариата» [17, 19, 20] или раскрыть сущность «антирабочей политики царизма» [1, 8, 21, 22].

Десять томов сборника «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 гг.» содержат богатый справочный материал с указанием на российские архивы за первое десятилетие его «пролетарского этапа», который позволяет исследовать события социальной истории этого периода. Например, сборник дает возможность изучить историю трудовых конфликтов на рубеже XIX – XX вв. на хлопчатобумажных фабриках С.Ю. Нечаева-Мальцова «Гусь», представлявших единое целое в «Мальцевском торгово-промышленном товариществе» в

рабочем поселке Гусь-Хрустальный во Владимирской губернии. Здесь с 1860 по 1904 гг. состоялось не менее десяти забастовок [2, 7, 14], а самая крупная стачка (до 4000 участников) в феврале-марте 1898 г. продолжалась в течение почти двух недель. В «Хронике» она представлена в выпуске IV с указанием на материалы архивных фондов, чем мы и воспользовались для анализа той роли, которую играла фабричная инспекция в острые моменты взаимоотношений рабочих и предпринимателей [16, с. 79 – 80].

Стачка текстильщиков С.Ю. Нечаева-Мальцова в Гусь-Хрустальном известна в литературе. Однако при обращении к тем немногим работам советской историографии, которые касались этой стачки [6, 7, с. 39 – 41], просматривается идеологическая направленность и односторонность подачи материала, а интерес к этому предприятию сегодня [9, с. 323 – 326] имеет иную, больше «производственную» специфику. И.В. Поткина на примере Никольской мануфактуры Морозовых уже обращалась к «нелицеприятным» деталям, происходившим в ходе забастовок, которые часто предвзято замалчивались советской исторической наукой [12, с. 241]. В связи с историей трудовых конфликтов на фабрике «Гусь» можно также говорить о факторе «умолчания» в исследовании трудовых конфликтов в советской историографии, но в другом отношении. В ней фактически игнорировалась история изучения в дореволюционный период предупреждения стачек, в чем свою роль пыталась играть фабричная инспекция – государственное учреждение, которое первоначально возникло в России в 1882 г. для контроля над исполнением

законов о труде рабочих, занятых в промышленности. В дальнейшем круг ее деятельности расширился. Институт фабричной инспекции становится важным элементом механизма реализации антизабастовочного законодательства в дореволюционной России.

Гусевские члены РКП(б) в начале 1920-х гг. вели «свою» историю с 1898 г., но этот факт никак нельзя связать со стачками текстильщиков на Гусевской фабрике С.Ю. Нечаева-Мальцова. К этому выводу приводит знакомство с комплексом источников, которые предлагает ввести в оборот «Хроника». Это достаточно широкий круг материалов, главным образом, делопроизводственная документация, которая ранее использовалась довольно формально. Из нее в основном привлекались материалы, осуществлявшие документальное обслуживание центральных органов власти, – донесения губернаторов и начальников ГЖУ, прокуроров соответствующих округов. Оказались слабо введенными в научный оборот материалы и документы, на основе которых составлялись идущие в министерства (в Петербург) разного рода донесения, рапорты и доклады, т.е. информационные сообщения рядовых участковых фабричных инспекторов, низших чинов полиции – полицейских уездных исправников, участковых помощников жандармерии, представителей судебных органов. Эта делопроизводственная документация местных органов власти, представляющая интерес для предмета изучения в данной статье, сосредоточена в Государственном архиве Владимирской области (далее – ГАВО): в фондах Канцелярии владимирского губернатора (ф.14), Старшего фабричного инспектора Владимир-

ской губернии (ф.266), Прокурора Владимирского окружного суда (ф.107), Владимирского окружного суда (ф.108, далее – ВОС), Владимирского губернского жандармского управления (ф.704, далее – ВГЖУ), Судебного следователя по важнейшим делам Владимирского окружного суда (ф.716) и др. Комплекс используемых документов позволяет проследить действия фабричных инспекторов, проанализировать их позицию поведения во время забастовки на Гусевской фабрике и определить роль института фабричной инспекции в применении законов, направленных против забастовок рабочих.

В 1898 г. на фабриках текстильного комбината Ю.С. Нечаева-Мальцова в рабочем поселке Гусь-Хрустальном Меленковского уезда Владимирской губернии по официальным сведениям трудилось более 5 тыс. рабочих [10, с. 65]. Стачка 23 февраля – 5 марта 1898 г. на этих фабриках была одной из самых крупных и наиболее типичных забастовок, каких были сотни по всей России.

Недовольство рабочих в Гусь-Хрустальном возникло, как и повсюду, со вступлением в действие с 1 января 1898 г. закона от 2 июня 1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» [11]. Начиная с октября 1897 г. среди текстильщиков Владимирской, Московской и Костромской губерний прошли забастовки. С 23 декабря по 3 января в Иваново-Вознесенске стачка охватила 15 ткацких, прядильных и ситцевых предприятий и около 14 тысяч рабочих [15, с. 117 – 140]. В конце 1897 г. и в начале 1898 г. на многих

фабриках Владимирской губернии при переходе с 1 января 1898 г. с 14- на 18-часовой рабочий день прежние расценки были повышены на 25 и даже 30 % – в зависимости от количества сокращаемого рабочего времени. Обо всем этом гусевские рабочие, по свидетельству директора-англичанина В.Я. Эджа, узнали как из газет, так и по рассказам рабочих других фабрик, а также со слов родственников или знакомых, гостивших у них время от времени [3, с. 92 – 93]. Под впечатлением слухов рабочие обратились к управляющему Ф.А. Андрееву-Туркину с просьбой повысить и у них расценки на выполняемые работы. Но разрешение этого вопроса им было отложено до приезда главноуправляющего Щегляева, обещавшего «все это дело рассмотреть до Пасхи» [4, с. 345 – 351].

Отказавшись ждать, первыми 10 февраля прекратили работу 50 трепальщиков, особенно страдавших от низких заработков. Волнения пошли по другим цехам, в том числе они захватили и относительно высоко оплачиваемых мюльщиков, а также присучальщиков. После того как управляющий обещал повысить расценки, стачка трепальщиков прекратилась [5, с. 1]. По горячим следам этих событий Андреев-Туркин срочно послал старшему фабричному инспектору Владимирской губернии В.Ф. Свирскому письмо, в котором сообщал, что прядильщики и трепальщики недовольны заработками, и просил приехать «для выяснения претензий вышеозначенных рабочих» [5, с. 2 – 3]. В ответном письме от 12 февраля 1898 г. Свирский рекомендовал фабричному упра-

влению Гусевской фабрики действовать очень осторожно: «Если рабочие спокойны и просят только искомой прибавки, то ее можно сделать; если же брожение среди рабочих примет угрожающий характер, уступки со стороны конторы будут несвоевременны и могут внушить рабочим пагубную уверенность в том, что лишь угрозой забастовки и другими незаконными действиями они могут достигнуть улучшения своего положения» [5, с. 29]. Другими словами, фабричный инспектор совершенно определенно проявил себя отнюдь не защитником интересов рабочих. Он обещал приехать в с. Гусь с участковым инспектором Л.А. Сахарновым, но счел, что поскольку подошла Масленица – «время пьяное и для переговоров неудобное», можно повременить.

К моменту своего приезда Свирский попросил пригласить на фабрику постоянно живущего в Москве главноуправляющего С.И. Щегляева, уполномоченного делать надбавки к заработной плате или вносить другие изменения в условия найма, которые предугадать при переговорах заранее «было достаточно трудно» [3, с. 96]. 20 февраля 1898 г. Щегляев проездом в Гусь встретился со Свирским во Владимире. Они договорились, что главноуправляющий без прямого вмешательства фабричной инспекции постарается удовлетворить справедливые желания рабочих и их успокоить, что в данном случае будет достаточно Муромского участкового инспектора Л.А. Сахарнова. Подробности дальнейших событий изложены в материалах свидетельских показаний Сахарнова [3, с. 94], являвшегося их непо-

средственным свидетелем и участником. Утром 21 февраля Сахарнов узнал, что Щегляев находит «заработную плату рабочих недостаточной» и «если возможность будет, то он прибавит». Эти слова главному управляющему он передал рабочим, которые вскоре были подтверждены самим Щегляевым. На следующий день, в воскресенье, после обеда рабочим, собравшимся в главной конторе, было объявлено об увеличении заработной платы прядильщикам, уравнивании расценок на выработку невыгодных сортов ткани, о решении заплатить рабочим за излишек аршин в куске, получаемый при выработке ткани, и сделать надбавки и льготы другим категориям рабочих. С 1 февраля 1898 г. повышалась заработная плата прядильщикам на 8 – 15 %, но конкретно вопросами урегулирования заработка ткачей и рабочих других специальностей должна была заняться фабричная администрация под руководством управляющего Андреева и директора Эджа. После разговора с главным управляющим рабочие разошлись, казалось бы, довольные (по словам Щегляева, «разошлись, едва не расцеловавшись» [3, с. 23]). В тот же день в 15 ч. 50 мин. он телеграфировал В.Ф. Свирскому: «Все улажено к обоюдному удовольствию. Дело было раздуто» [5, с. 34].

Ожидаемые объявления с новыми расценками появились только к утру 24 февраля, когда забастовка уже началась. Участковый фабричный инспектор Сахарнов свидетельствовал судебному следователю, что утром 23 февраля в 12 часов к нему пришли рабочие с фабрики и заявили, что они хотят видеть Щегляева, который «их не

принимает». Выступая в качестве посредника, Сахарнов пошел к главному управляющему и выяснил, что дальнейшие переговоры с рабочими последний считает лишними, так как все, что можно было сделать, он уже исполнил. После этого Сахарнов отправился на ткацкую фабрику. Рабочие, пришедшие к Щегляеву, последовали за ним. На фабрике он получил заявление от рабочих-ткачей о том, что «обещанные надбавки не удостоверены, они им не верят и просят, чтобы таковые были вывешены». К заявлению были прибавлены новые жалобы на администрацию завода: практика «лишних аршин в кусках», отсутствие бани, неуплата квартирных денег с 1894 г. и др. Сахарнов разъяснил рабочим, что во всех надбавках, объявленных Щегляевым в присутствии фабричной инспекции, «сомнения быть не может», что результаты новых расчетов еще не готовы, окончательные цифры будут известны 24 февраля к началу работ, и добавил, что за «лишние аршины» администрация согласилась им заплатить, другие же их жалобы будут разобраны фабричной инспекцией. В конторе прядильного отделения Сахарнов застал Эджа и толпу рабочих. Оказалось, что директор еще не подписал принесенных ему накануне расценок. Прядильщикам Сахарнов повторил то же, что и ткачам, и просил их разойтись по своим станкам, а не бросать работу. Но все эти проволочки переполнили чашу терпения рабочих: «Около 6 вечера работа уже бросалась, – пишет Сахарнов, – рабочие выходили из фабрики» [3, с. 94].

В ночь с 23-го на 24-е на фабрику из Владимира прибыл старший фаб-

ричный инспектор В.Ф. Свирский. Прядильная и ткацкая фабрики не работали полностью, за исключением сторожей и поденных рабочих. Стачка продолжалась до 5 марта. То, что происходило в среде рабочих в последующие после 23 февраля дни, изложено в донесении Свирского в Департамент торговли и мануфактур от 26 апреля 1898 г. [18, с. 144 – 162]. Кульминационным моментом в стачке были события 28 февраля, когда число забастовщиков составило более 4 тыс. (т.е. 75 % от общего числа занятых рабочих на фабрике). Это выразилось в противостоянии на поселковой площади толпы рабочих численностью около 2 тыс. человек с войсками в количестве 400 человек, вызванными для подавления забастовки. Рабочие требовали освободить арестованных. Попытка солдат очистить площадь не удалась. Когда солдаты подошли к толпе, рабочие стали хвататься за приклады, солдатам была дана команда отступить от толпы. Некоторое время спустя рабочие, «посоветовавшись между собой, подняли руки на видневшийся вдали крест на церкви и этим как бы подтвердили свою клятву твердо стоять друг за друга» [5, с. 58]. Один из рабочих утвердительно выкрикнул после целования креста, что «если они выйдут на работу, то будут иудопродавцами» [3, с. 134].

Все это заставило вице-губернатора Урусова вызвать еще сотню казаков и от своего имени объявить об увольнении всех рабочих и смене фабричных книжек. Но ни 1-го марта, ни 2-го, ни 3-го никто из бастовавших на работу не вышел. Сильное впечатление на рабочих произвело не столь-

ко объявление о расчете, сколько прекращение отпуска уволенным рабочим хлеба и харчей по старым книжкам. 4 марта впервые вышли на работу 230 человек; 5 марта – 2000 человек; с 6-го – фабрика работала при полном составе. Услышав об увольнениях, набежал народ (до 150 человек) из соседних деревень, давно ждавший мест на фабрике. Наказанием рабочим был расчет и высылка им денег и паспортов на родину через волостные правления. Это была тяжелая кара особенно для жителей дальних мест. Несколько сот рабочих из окружавших поселок Гусь-Хрустальный волостей в ближайший праздник должны были, чтобы возобновить работу на фабрике, сходить за документами за 15 – 25 верст в свои волостные правления. Свирский по этому поводу заявил, что «мера была полезной и способной внушить рабочим, что объявления от имени администрации не пишутся впустую» [5, с. 59].

Стачка 23 февраля – 5 марта 1898 г. на фабриках С.Ю. Нечаева-Мальцова была связана с реализацией закона 2 июня 1897 г. Наблюдавшиеся во Владимирской губернии в конце 1897 – начале 1898 гг. волнения и забастовки, сопровождавшие переход на сокращенный рабочий день и повышение заработной платы, вызвали и у рабочих Гусевской фабрики состояние социального возбуждения, вселили надежду на улучшение условий своего труда и повышение его оплаты. Фабричная администрация «Гуся», как назывались текстильные предприятия в поселке Гусь-Хрустальном, оказавшись безразличной и равнодушной к нуждам рабочих, попыталась «проигнорировать» закон 1897 г. и не про-

явила даже возможной гибкости и оперативности в преддверии забастовки. Фабричная инспекция встала на защиту администрации, руководствуясь полицейско-охранительным характером антизабастовочного законодательства, сохранявшимся вплоть до 1905 г. То, что происходило среди текстильщиков гусевских фабрик, было типичным для сотен таких же

предприятий в России в конце XIX в. В целом же это отражало через поведение фабричной инспекции слабую чувствительность бюрократического аппарата к модернизации российского общества, осуществлявшейся в направлении необходимости социальных реформ, которые бы, несомненно, улучшили положение трудового населения России.

Библиографические ссылки

1. Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1885 – 1904). Львов, 1964.
2. Воронов Н.И. Записки Николая Ираклиевича Воронова. Владимир, 1907.
3. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 530.
4. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 531.
5. ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815.
6. Гусевская организация РСДРП – РКП (большевиков). 1898 – 1923. (К 25-летнему юбилею существования). Владимир, 1923.
7. Кресина Л.М. Рабочее движение во Владимирской губернии в конце XIX – начале XX века. Владимир, 1959.
8. Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861 – 1917). М., 1972.
9. Макушев А.А. Предпринимательская деятельность Мальцовых во второй половине XVIII – начале XX века: индустриальное наследие. Саранск, 2006.
10. Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии за 1894 – 1897 гг. 2-я часть. Владимир, 1899.
11. Полное собрание законов Российской империи. II собрание. Т. XVII. № 14231.
12. Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797 – 1917. М., 2004.
13. Пушкарева И.М. Возвращение к забытой теме: массовое рабочее движение в начале XX века // Отечественная история. 2007. № 3. С. 101 – 120.
14. Рабочее движение в России 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. I – X. М., 1992 – 2008.
15. Рабочее движение в России 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. III. 1897 г. М. – СПб., 1995.
16. Рабочее движение в России 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. IV. 1898 г. М. – СПб., 1997.
17. Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861 – 1917 гг. М., 1966.
18. Российский государственный исторический архив. Ф. 23. Д. 15.
19. Трофимов А.С. Пролетариат России и его борьба против царизма. 1861 – 1904 гг. М., 1979.
20. Царизм в борьбе с революцией 1905 – 1907 гг. М., 1936.

-
-
21. Шелымагин И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900 – 1917. М., 1952.
 22. Шелымагин И.И. Фабрично-трудовое законодательство в России (2-я пол. XIX в.). М., 1947.

S.R. Glazunov

**THE INSTITUTION OF FACTORY INSPECTION
IN THE ANTISTRIKE ACTS REALIZATION IN RUSSIA
AT THE END OF THE XIX CENTURY
(ON VLADIMIR REGION MATERIALS)**

The article presents the analysis of the factory inspection activity in the antistrike acts realization in Russia at the end of the XIX century. The reconstruction of their work practices during the strikes, the role of the factory inspection in the prevention of the strikes and its interrelations of the workers and the entrepreneurs – all these aspects being researched on the basis of the official documentary data and materials.

Keywords: factory inspection institution, factory inspectors, workers, entrepreneurs, antistrike acts.

УДК 811.111:81' 373.72

Т.Н. Федуленкова, Р.А. Воронин

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ В РЯДУ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Первой научной парадигмой в лингвистике была сравнительно-историческая парадигма, а сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка, до которого использовались лишь общенаучные методы: наблюдение, количественный анализ, описание и др. Появление специального метода и превратило лингвистику в науку. Цель работы – проследить исторический процесс становления морфологической типологии, языков в лингвистике и эксплицировать ее актуальность в ряду современных лингвистических парадигм.

Ключевые слова: лингвистическая парадигма; морфологическая классификация; типология.

Предпосылки создания морфологической классификации языков.

Вопрос о количестве языков на земле до сих пор остаётся открытым. Решению этого вопроса препятствует отсутствие единого подхода к выделению диалектов и определению границ языков, а также постоянное появление новых и исчезновение старых языков не позволяют определить строго фиксированное их количество, составляющее, по разным оценкам, от 2 до 7 тысяч.

История лингвистики свидетельствует о предпринятых учёными неоднократных попытках классификации данного массива языков с целью рационализации и упорядочения процесса их исследования. В результате к настоящему времени языковедение располагает двумя основными подходами к классификации языков. Во-первых, группировка языков может

осуществляться по общности языкового материала, т.е. по общности происхождения (*генеалогическая классификация*), во-вторых, по общности строя и типа, независимо от происхождения (*типологическая, или морфологическая классификация*) [7, с. 388].

Но осознанное исследование многообразия языков началось сравнительно недавно – лишь в средние века, а на более ранних этапах развития науки подобный вопрос вообще не ставился, поскольку достойными изучения считались только классические языки – греческий и латинский. Не останавливаясь подробно на генеалогической классификации, отметим лишь, что одной из первых научных работ по данной проблематике был труд Г. Постеллуса «О родстве языков», относящийся к 1538 г.

Построение генеалогических классификаций началось уже в эпоху Воз-

рождения и было вызвано, главным образом, практическими нуждами, как-то: необходимость быстрого изучения языков, на которых говорили колонизируемые европейцами народы, контролирование этих народов через религию и т.п. Типологические же классификации, возникшие позднее (XVIII – XIX вв.), обязаны своим появлением романтизму, в границах которого и был впервые затронут вопрос о так называемом «типе» языка [7, с. 433]. Своей целью романтики ставили постижение «духа народа», во всей полноте проявляющегося в продуктах интеллектуальной деятельности человека, в первую очередь в языке и его структуре. Создателями первых типологических классификаций языков как раз и стали представители немецкого романтизма.

Инициальным постулатом романтиков стала мысль о том, что «в основе каждого языка лежит некоторая базисная схема (basicplan), что у каждого языка есть свой особый покров. Этот тип, или базисная схема, или «гений» языковой структуры, есть нечто гораздо более фундаментальное, нечто гораздо глубже проникающее в язык, чем та или иная обнаруживаемая нами черта» [9, с. 117]. Анализируя природу существующих между языками отличий, учёные пришли к заключению, что можно успешно сгруппировать языки по грамматическим, а точнее, морфологическим типам. Почему же именно сопоставление грамматического уровня разных языков было положено в их основу и считается наиболее значимым при компаративном анализе языков? Попробуем ответить на этот вопрос.

Грамматика как основа построения типологической классификации. Убедительные доказательства нецелесообразности построения типологических классификаций на основе фонетического и лексического материалов и предпочтительности обращения к грамматике находим в трудах видного современного грамматиста А.А. Худякова.

Обосновывая логическую несостоятельность гипотетических классификаций, базирующихся на сравнении единиц фонетического уровня, учёный приводит следующие аргументы: фонетическая классификация оказывается либо слишком громоздкой, либо типологически бессодержательной; единицы фонологического уровня «монолитеральны» и выполняют лишь конститутивную и дистриктивную функции, т.е. взятые вне слов, они не обладают собственным значением.

Однако и лексический уровень языка не в состоянии служить базой для создания удовлетворительной типологической классификации в силу следующих причин: а) количество лексических единиц неопределённо велико и непостоянно; б) система лексических значений идиотнична и подвержена постоянным смещениям [13, с. 27]. Сходной точки зрения придерживается и Н.Б. Мечковская, указывающая на вторичность («производность») типологически релевантных различий на лексическом уровне и их детерминированность грамматикой, значительно меньшую структурированность и чрезмерную вероятностность лексики, а также на относительно слабую изученность лексиче-

ского состава языков в сравнении с другими его подсистемами [5, с. 95].

Следовательно, построение удобной, логически выверенной и обладающей объяснительной силой классификации возможно преимущественно на основе грамматических, точнее, морфологических критериев. Это отнюдь не означает отсутствия в истории языкознания попыток создания фонологических и лексических типологий, но данные работы были созданы относительно недавно, лишь в XX в., и пока ещё не получили всеобщего признания лингвистов, равно как и должного логического обоснования.

Экскурс в историю создания морфологических классификаций. Итак, начало XIX в. ознаменовалось в лингвистике созданием морфологической классификации языков, ставшей закономерным результатом обобщения способов выражения морфологических значений в разных языках. Примечательно, что первоизданная классификация дожила до наших дней, претерпев лишь незначительные изменения [6, с. 199].

В 1809 г. вышла в свет книга немецкого романтика Фридриха Шлегеля «О языке и мудрости индийцев». Проведя сопоставление санскрита с греческим, латинским и некоторыми другими языками, Ф. Шлегель пришёл к выводу о том, что все существующие в мире языки можно разделить на два основных типа – *флективные* и *аффиксирующие*, критерием для различения которых стало наличие или отсутствие грамматически значимого изменения корня. Эта классификация явилась новым словом в лингвистике того времени и привлекла присталь-

ное внимание языковедов. Однако довольно скоро обнаружился её существенный недостаток: стало очевидно, что подобное двучленное деление не отражает во всей полноте типологического разнообразия существующих языков и является чрезмерно грубым и искусственным.

Волна критики, обрушившаяся на работу Ф. Шлегеля, привела к корректировке предложенной им классификации. Изменения в неё были внесены братом Фридриха Шлегеля Августом Шлегелем в его труде «О провансальском языке и литературе» (1818 г.). Принимая во внимание возражения языковедов, А. Шлегель расширил классификацию, добавив к ней языки *аморфного* типа. Заслугой А. Шлегеля стало также выделение в рамках флективных языков двух ведущих способов выражения грамматического значения – синтетического и аналитического.

Но выдвинутый А. Шлегелем вариант классификации также оказался не лишённым некоторых недостатков. В частности, серьёзные нарекания вызывал термин «аморфный», введённый А. Шлегелем для описания таких языков, как китайский. Э. Сепир справедливо критикует подобный подход, утверждая, что «всякий язык может и должен выразить основные синтаксические отношения, даже если в его словаре и не представлено ни одного аффикса, из чего мы заключаем, что всякий язык есть оформленный язык» [9, с. 120].

Более глубокое и полное понимание проблемы морфологической классификации языков нашло отражение в работах Вильгельма фон Гум-

больдта. Добавив к выделенным братьями Шлегелями типам ещё один – *инкорпорирующий*, он в 1822 г. выдвинул четырёхчленную типологию языков мира.

Несомненно, классификация В. фон Гумбольдта актуальна и в наши дни. Более того, её признают образцовой сводной классификацией, направленной на раскрытие причин типологических особенностей языкового строя и связывающей сравнительно-исторические и типологические исследования [8, с. 187].

В целях сравнения очертим кратко дифференциальные признаки, характеризующие тот или иной тип языка.

Критерием выделения *флективных* языков служит наличие внутренней флексии, иначе говоря, грамматически значимого чередования в корне слова. Для языков данного типа характерны следующие черты: наличие системы склонений и спряжений, синтетосемия, фонетические процессы на морфемных швах, или фузионность, по Э. Сепиру. К числу флективных языков принадлежит, например русский язык.

Дистинктивным признаком языков *агглютинативного* строя признается особый способ выражения грамматического значения, заключающийся в последовательном присоединении к корню слова аффиксов, необходимых для полноценного функционирования лексемы в рамках предложения. К основным особенностям «приклеивающих» языков традиционно относят следующие: чёткая различимость морфемных швов, безаффиксность исходной формы слова, отсутствие систем

склонений и спряжений, гаплосемия. В качестве классического примера агглютинативного языка можно рассматривать турецкий язык.

В характеристике инкорпорирующих языков следует в первую очередь обратить внимание на наличие в них так называемых слов-предложений, т.е. слов, состоящих из нескольких компонентов и по своей функции сближающихся с предложениями в традиционном понимании этого термина. Инкорпорирующими считаются языки североамериканских индейцев.

К языкам изолирующего типа относятся языки, для которых А. Шлегель применил термин «аморфные», т.е. китайский, бирманский, корейский и другие языки Юго-Восточной Азии. В указанных языках слова грамматически не оформляются аффиксами, и их частеречная принадлежность, равно как и синтаксическая функция, актуализируются исключительно посредством порядка слов [2, с. 33].

В развитии типологических классификаций создание морфологической классификации В. фон Гумбольдтом стало очень важной ступенью, но далеко не последней. Поиски в данном направлении продолжались, и уже в XIX в. появились другие решения проблемы морфологической классификации. Остановимся на наиболее заметных и значимых из них.

В ходе развития общелингвистической теории неоднократно предпринимались попытки внесения изменений в традиционную классификацию, описанную выше. Так, А. Шлейхер переработал данную схему и выделил

три базовых типа языкового строя: *изолирующий*, *агглютинирующий* и *флективный*, причём в рамках последних двух обозначил два подтипа – синтетический и аналитический, характеризующие магистральный способ выражения грамматических отношений слов в предложении. К недостаткам предложенной А. Шлейхером системы А.А. Реформатский относил, в частности, её замкнутость и несоответствие реально наблюдаемому многообразию языков, которое явно не укладывалось в предложенную схему.

Иную модификацию базовых положений В. фон Гумбольдта находим в трудах Х. Штейнталя, с точки зрения которого языки могут быть подразделены на *присоединяющие*, характеризующиеся отсутствием системы словоизменения, и *видоизменяющие*, характеризующиеся наличием системы словоизменения.

Еще один подход к рассматриваемой классификации был реализован в работах Ф. Мистели, подразделившим все языки мира на *бессловные*, *мнимословные* и *истословные*. Языки, классически определяемые как инкорпорирующие, были представлены в качестве особой группы.

Инновационные идеи относительно построения типологической классификации были высказаны Э. Сепиром, предложившим многоаспектный подход к группировке языков и выделившим: а) четыре базовых способа выражения понятий в языке – *корневые*, *деривационные*, *смешанно-реляционные* и *чисто реляционные*, б) четыре типа выражения грамматического значения – *изоляция*, *агглютинация*, *фузия*, *символизация*, а также в) три ступени синтетичности языка – *аналитическая*, *синтетическая*,

полисинтетическая. На основании указанных критериев Э. Сепир проанализировал и описал ряд языков, но преодолеть основной недостаток концепции, а именно размытость основополагающего понятия «тип языка» ему не удалось.

В разработку рассматриваемой проблематики существенный вклад внесли и отечественные языковеды. Наиболее логически выверенной представляется классификация Ф.Ф. Фортунатова. В своей работе, посвященной описанию существующих типов языка, он разделяет все языки на четыре группы: а) *агглютинирующие*, или *агглютинативные (склеивающие)*, где основа и аффикс слов остаются по их значению отдельными частями слов в формах слов, как бы склеенными; б) *семитские (флективно-агглютинативные)*, в которых основы слов сами имеют необходимые формы, образуемые флексией основ; в) *индоевропейские (флективные)*, для которых характерной является тесная связь флексии с аффиксами; г) *корневые*, не имеющие форм отдельных слов [12, с. 153].

Итак, завершая краткий обзор истории развития морфологической классификации языков мира, отмечаем, что лингвистами был предпринят ряд попыток построения типологической классификации, отвечающей всем требованиям логики и обладающей значительной объяснительной силой. У каждой из созданных классификаций имеются как достоинства, так и недостатки. Тем не менее по данному вопросу ещё нет единого мнения языковедов, и окончательно решённым он считаться не может: исследования в этом направлении продолжаются.

Морфологическая классификация в наши дни: достоинства и недостатки. В настоящее время в подавляющем большинстве учебных пособий и справочных изданий в качестве базовой приводится четырёхчленная морфологическая классификация В. фон Гумбольдта, в довольно полном виде отражающая существующее в мире разнообразие языков с точки зрения их строя. Эта классификация с успехом может применяться как при анализе типологических черт того или иного языка, так и при сопоставительных исследованиях. Особенно ценным представляется практическое её применение – обращение к данной классификации позволяет с высокой степенью точности спрогнозировать, какие трудности может вызвать изучение конкретного языка у носителей другого языка, типологически схожего с данным или, напротив, отличного от него [3, с. 5]. Таким образом, морфологическая классификация оказывается прагматически ценной в методическом аспекте.

Однако, несмотря на все достоинства, классическая морфологическая типология языков часто подвергается справедливой критике. Связано это с тем, что по мере накопления лингвистикой фактического и теоретического материала «стало очевидно, что не существует языков, которые можно было бы рассматривать в качестве «чистых», «стоцентных» представителей того или иного типа» [5, с. 50]. Это означает, что морфологическая классификация оказывается в известной степени условной, вероятностной. Сходной точки зрения придерживается и А.А. Худяков, отмечая,

что описание языков должно осуществляться в терминах «превалирующие тенденции», «наиболее ярко выраженные черты», «доминирующие признаки» и т.п. [13, с. 35].

Политипологичность, следовательно, является одной из языковых универсалий. Проиллюстрируем это на примере английского языка. Как известно, ряд исследователей – В.Д. Аракин, Ю.В. Рождественский, А.А. Худяков и другие – определяют английский язык как флективный с ярко выраженными изолирующими тенденциями. Но это не означает, что в английском языке отсутствуют маркеры других морфологических типов. К числу особенностей, сближающих английский язык с языками *агглютинативного* типа, следует отнести образование множественного числа и притяжательного падежа существительных преимущественно по агглютинативному типу, а также отсутствие системы склонений и спряжений [1, с. 114]. Черты *инкорпорирующего* типа представлены во вторично-предикативных комплексах (*Wesawhimetertheshop*), а также в коллоквиальных атрибутивных конструкциях, которые Н.А. Кобрина определяет как «quotationnouns» (*Itwasayou-must-take-us-as-you-find-usattitudetothings, anditsavedmealotoftrouble...*). Что касается признаков изолирующего типа в английском языке, то они, как правило, проявляются в затруднённости грамматической идентификации слова, наличию у многих лексических единиц нескольких частеречных статусов, актуализируемых в контексте посредством интонации и порядка слов (*Policepolicepoll*) [4, с. 369].

Разумно предположить, что подобная неоднозначность отнесения к тому или иному морфологическому типу наблюдается и в случае с другими языками, что делает существующую на сегодняшний день классификацию весьма условной и вероятностной, неспособной провести четкие демаркационные линии между языками мира. Это приводит к тому, что лингвистами всё активнее начинают проводиться исследования, нацеленные на построение фонологически или лексически ориентированных типологических классификаций [10, с. 17], но недостаточность фактического материала и слабость теоретических позиций пока не позволяют подобным разработкам конкурировать с морфологической классификацией.

Интенсивное изучение разнородных языков диктует необходимость применения валидных принципов их классификации, обладающих максимально возможной объяснительной силой в рамках той или иной научной парадигмы. История лингвистики богата попытками языковедов построить универсальную классификацию языков, отвечающую всем логическим требованиям. Однако в силу объективных внутриязыковых причин на сегодняшний день удалось создать такую классификацию только на основе грамматического уровня, преимущественно с опорой на морфологию.

Кульминацией развития морфологической классификации языков является уровневая типология В.Д. Аракина

и разработанная им концепция типологического паспорта языка [2, с. 33 – 35].

В заключение подчеркнем, что морфологическая типология занимает важное место в ряду современных лингвистических парадигм, являясь методологической основой поиска, прежде всего, индуктивных универсалий как статического, так и диахронического вида [11, с. 172; 14, с. 41].

Очевидно, что в наши дни морфологическая классификация В. фон Гумбольдта имеет большой теоретический вес, а также успешно используется в практических методических разработках, нацеленных на элиминацию трудностей, связанных с овладением тем или иным языком. Основным недостатком концепции следует признать её статистический, вероятностный, абстрактный характер, выражающийся в отсутствии языков, которые можно было бы однозначно причислить к определённому типу.

Параллельно с совершенствованием морфологической типологии ведутся теоретические разработки, нацеленные на создание научно обоснованных и типологически содержательных фонологических и лексических классификаций языков. Таким образом, проблема морфологической типологии языков не теряет своей актуальности и в наши дни, исследования данного вопроса продолжают проводиться. Вероятно, создание полноценных классификаций на основе фонетики, лексики и фразеологии – дело будущего.

Библиографические ссылки

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 1979.
2. Аракин В.Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. М., 1983.
3. Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. М. : Высш. шк., 1989.
4. Грамматика английского языка : Морфология. Синтаксис : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов и ун-тов по спец. № 2103 «Иностранные языки» / Н.А. Кобрин [и др.]. СПб. : СОЮЗ, 1999.
5. Мечковская Н.Б. Общее языкознание : Структурная и социальная типология языков : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. специальностей. М. : Флинта : Наука, 2011.
6. Мыркин В.Я. Введение в языкознание : учебник / Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск : Помор. ун-т, 2005.
7. Реформатский А.А. Введение в языковедение : учеб. для вузов / под ред. В.А. Виноградова. М. : Аспект Пресс, 2002.
8. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М. : Высш. шк., 1990. С. 187.
9. Сепир Э. Типы языковой структуры // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 2001.
10. Федуленкова Т.Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков) : дис. ... д-ра филол. наук. Северодвинск, 2006.
11. Федуленкова Т.Н. Фразеологические универсалии (на материале глагольной, соматической и библейской фразеологии английского, немецкого и шведского языков) // Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире : материалы междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора В.Д. Аракина. М. : Прометей, 2004. С. 172 – 177.
12. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. М., 1956. Т. 1.
13. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2010.
14. Fedulenkova T. Diachronic Approach to the Study of Communicative Phraseological Units // Northern Development and Sustainable Livelihoods: Towards a Critical Circumpolar Agenda. Aberdeen: University of Aberdeen, 6th CUCC, 1999. P. 41 – 42.

MORPHOLOGICAL TYPOLOGY IN THE SET OF MODERN LINGUISTIC PARADIGMS

The first scientific paradigm in the field of linguistics was the comparative-historical paradigm, and the comparative-historical method was the first specific method of the language research, before which only general scientific methods had been used, such as observation, quantitative analysis, description, etc. It was the introduction of the new method that turned linguistics into a self-contained scientific branch. The target of the paper is to trace back the process of development of the morphological classification, or typology, of the languages and to make explicit its actuality in the set of modern linguistic paradigms.

Keywords: linguistic paradigm, morphological classification, typology.

УДК 81.411.2

М.В. Пименова

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ И РАЗВИТИЕ ВЫРАЖЕНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

Статья посвящена семантическому синкретизму, представляющему собой один из основных факторов развития языкового выражения эстетической оценки в русском языке.

Ключевые слова: семантический синкретизм, развитие, эстетическая оценка.

Первый русский митрополит Иларион в своем «Слове о законе и благодати» – древнейшем из оригинальных произведений Древней Руси – восхваляет возведенный при Ярославе Мудром Киевский Софийский собор, который древний зодчий «...съ всякою красотою украси» (Иларион: 594 –595). Это, вероятно, самое раннее выражение в древнерусском тексте эстетической оценки, то есть значений ‘красота’, ‘красивый’, ‘красиво’, ‘украсить’.

Мы полагаем, что развитие выражения данного частнооценочного значения происходит не по прямой линии (от дескриптивного к оценочному), как полагает ряд исследователей (А.Н. Шрамм,

З.М. Петрова, Т.А. Чернякова [12, с. 36; 15, с. 74; 16, с. 127]), а по спирали, причем вначале спираль-пружина сжата до плоского состояния в слове-синкрете [10; 11, с. 404 – 405], которое **синкретично** (нерасчлененно) содержит в себе абстрактный образ-символ, дескриптивный и аксиологический компоненты значения (*краса* – ‘жизнь, ее возобновление и поддержание’: огонь, красота, молодость, веселье, блеск, свежесть; *свѣтъ* – ‘цветение жизни’: красота, любовь, веселье; ‘святость’: истинность, праведность, миропорядок) [13, с. 40, 48 – 49]. Затем происходит осуществляющаяся параллельно со сменой отдельных фаз в развитии

мышления трансформация семантического синкретизма, приводящая к растяжению семантической «пружины» и к сужению-конкретизации синкретичного значения одновременно с расширением его лексического выражения при помощи минимальных единиц древнерусского текста – этимологических фигур / *figuraetimologica* (*красотою украсить, золотом золотить, светлый свет*); словосочетаний с постоянными эпитетами (*красна девица, добрый молодец, синее море*); парных именовании (*красота и лѣпота, радость и веселье, краса-баса*); традиционных сравнительных оборотов (*свѣтяще ся яко сълнце, аки дивии звѣри*) и др. [13, с. 50 – 66], причем часть подобных единиц, закрепляясь за тем или иным объектом, теряет дескриптивный компонент значения и выражает оценку, соответствующую ценностной ориентации данного социума.

Анализ показал, что выражение мелиоративного/пейоративного отношения субъекта оценки к ценности, которое воспринимается как признак оцениваемого объекта с точки зрения существующего в донациональную эпоху представления о красоте-безобразии, осуществляется в древнерусском тексте на синтагматическом уровне, во-первых, при помощи включающих синкретичные единицы устойчивых синтагм (типа *взоромъ красны/худы, златыя/худыя ризы, личная красота/худость, отроки красныя, лѣпъ зѣло, (паче) всѣх краснѣиша, поле красно, красота тѣла, красота несказанна, добротою сияюще, украси ю' иконами, украшена каменнемъ драгимъ, учинено красно, доброта увядает* и т.д.) [13,

с. 73 – 91]. Во-вторых, путем использования содержащих синтагмы эстетической оценки функционально-семантических единиц текста – словесных рядов: а) **описания**, основанного на перечислении эстетичных/неэстетичных постоянных признаков объекта оценки; б) **повествования**, представляющего действия и состояния, соответствующие/несоответствующие эстетическому идеалу; в) **толкования**, оценивающего внутреннюю сущность одушевленного/неодушевленного объекта путем идентификации с мелиоративным/пейоративным внешним обликом объекта-эталона; г) **синкретичных словесных рядов**, отличающихся нерасчлененностью функционально-семантических единиц текста (описания и повествования, описания и толкования, повествования и толкования, описания, повествования и толкования), которые в отдельных случаях преобразуются в современный нам функционально-семантический тип речи – **рассуждение** [13, с. 101 – 133].

Восстановленная по памятникам, редакциям и спискам различных временных периодов история развития связанных с выражением эстетической оценки устойчивых единиц (базирующихся на библейских текстах, греческих источниках, народных причетях, фольклорных произведениях, древнерусских повестях, житиях, панегириках, «авторских» произведениях) демонстрирует связанные с общими тенденциями упорядочения в тексте элементов языка основные изменения исходной единицы (экстенсивность/интенсивность формы выражения, языковая модификация – увеличение/уменьшение протяженности, варьирование на всех языковых

уровнях), которые приводят к постепенной трансформации формы выражения и/или синкретичного значения выражающей эстетическую оценку единицы.

Процесс трансформации (формы выражения и/или синкретичного значения) в свою очередь способствует тому, что за отдельным производным словом как вариантом этимонаинварианта, образованным при помощи словосложения (прилаг. *краснолицьными, великолѣпными, бѣлообразными, доброзраченъ, благокрасными, благовидный, доброшумными, добробесѣдными, благовонными, благооуханьными, благозвучными, свѣтозрачными, свѣтлошумными, бѣлоризными*; сущ. *красогласование, добровидѣнье, доброголасие, добровонство, благолѣпие, благоглаголанье, свѣтлоукрашение*; глаг. *добривоняти, благооухати, благоглаголати*; нареч. *благообразнѣ, благовонно, благооуханно*) и аффиксации (прилаг. *красивъ, прѣкрасными, нелѣпными*; сущ. *оукрашение, преоукрашение, безкрасие, некрасота, красьба*; глаг. *украшати, преоукрашати, освѣтляти, освѣщати, усвѣтити, обѣлѣти, обѣляти, убѣлѣтися* нареч. *преоукрашено, великолѣпнѣ*); [13, с. 212 – 326], постепенно закрепляется тот или иной компонент первоначально синкретичного значения, поэтому данные производные единицы выражают вне контекста, начиная с XIV – XV вв., значения эстетической оценки признаков предмета (явления, процесса, состояния), воспринимаемых различными органами чувств (зрительно, на слух, при помощи обоняния), то есть не только на синтагматическом, но и на эпидигматическом уровне, причем особое развитие

выражение эстетической оценки на эпидигматическом уровне приобретает в XVI – XVII вв.

Процесс формирования выражения эстетической оценки на парадигматическом уровне завершается лишь в XVIII в., когда происходит фиксируемое материалами словарей сокращение выражающих эстетическую оценку в донациональный период производных слов, которые включаются только в периферийные зоны современного семантического поля эстетической оценки (в словарях данные лексические единицы приводятся с пометами «устаревшее» и/или «книжное»). Например: *благолепие* – ‘величественная красота’; *благовидный* – ‘миловидный’; *благообразный* – ‘имеющий приятную внешность’; *благовоние, благовонный, благооухание, благоуханный, благоухать* – ‘аромат’, ‘ароматный, душистый’, ‘приятно пахнуть’; *благозвучный, благозвучие* – ‘приятный слуху’; *великолепие, великолепенный, великолепно* – ‘роскошь, блестящая, пышная красота’, ‘роскошный, пышный, блестящий’; *благой* (обл.) – ‘некрасивый, неприятный’; *зловоние* – ‘дурной, отвратительный запах, вонь’, *зловонный* – ‘издающий зловоние, пропитанный зловонием’ (БАС I, с. 484; III, с. 84 – 85; МАС I, с. 94, 553 – 555; Ушаков I, с. 148, 244, 726 – 728, 1102; Ожегов, с. 49, 68, 155, 214).

У ядерных единиц современного семантического поля эстетической оценки аксиологическое значение сформировалось только в национальную эпоху, причем мелиоративная эстетическая оценка выражается словами, восходящими к этимону с пейора-

тивной коннотацией. Например: *пре-лестный, обольстительный, соблазнительный* (от *лесть, блазн* – ‘обман, хитрость’), *очаровательный, чарующий, обворожительный, обаятельный* (от *чары* – ‘колдовство’, *ворожить* – ‘колдовать’, *баять* – ‘заговаривать’), *притягательный, привлекательный, восхитительный, пленительный* (от *тягать, волочь* – ‘тащить’, – *хитить* – ‘хватать, похищать’, *плен* – ‘добыча, ограбление’) (Фасмер I, с. 140, 345, 353; III, с. 97, 278, 358, 703; IV, с. 139, 239, 317).

Роль семантического инварианта современного семантического поля эстетической оценки играет гипероним *красивый*, который является положительной степенью к прилагательному *прекрасный* (‘очень красивый’), причем *красивый* в современном русском языке может оценивать объект не только с эстетической, но и с этической точки зрения (‘хороший в нравственном отношении’ – *красивый поступок*), кроме того, *красивый* может выступать не только в мелиоративном, но и в пейоративном значении (‘внешне блестящий, эффектный, но бессодержательный’ – *красивые фразы, красивые слова*) [9, с. 87], то есть семантика первоначально однозначного производного слова демонстрирует оценочную энантиосемию и аксиологическую слитность значений, проявляя семантический синкретизм на новом уровне развития языка.

Кроме того, синкретизм присутствует, например, в устойчивых сочетаниях с прилагательным *красный* (как традиционных, так и «советских» – *Красная площадь, красная рыба, красный товар, красная строка,*

Красная армия, красный уголок, орден Красного знамени, красная доска – ‘Доска почета’, *красный сват* – ‘агитатор-коммунист’ (Новосиб., Сиб.); *красная яранга / красная юрта* – ‘клуб, дом культуры’ (Иркут.); *красный поп* – ‘атеист-пропагандист’ (Моск.) [1; 5]). Как отмечает Р.А. Будагов, «с современной точки зрения обнаруживается движение от переносного значения (*красный* – ‘красивый’) к значению буквальному (*красный* – ‘красный цвет’), а от буквального – к новому, гораздо более емкому переносному значению (*красный* – символ революционности)» [3, с. 58]. Исследователи указывают, что это значение пришло из Франции, где *красное знамя (le drapeau rouge)* ассоциировалось с цветом крови, пролитой за свободу/революцию (начиная с Жакерии – крестьянского восстания 1357 – 1358 гг., а также расстрела парижан на Марсовом поле 17 июля 1791 г., французских революций 1789 – 1794 гг., 1830 г. и 1848 г., Парижской Коммуны 1871 г.). Значение ‘революционный’ возникло у русского прилагательного *красный* путем калькирования французского метонимического переноса: франц. *drapeau rouge* (‘красное знамя как символ революции’) → *rouge* (‘красный как символ революции’) [2, с. 89 – 91]. В последние десятилетия у значения ‘революционный’ знак оценки сменился на противоположный, поэтому *красный* в русском языке начинает употребляться в сочетании с цветообозначением *коричневый* ‘коричневорубашечник, фашист’) как составная часть сложного прилагательного в пейоративном оценочном значении («*красно-коричневые* – фашиствующие сторонники коммуни-

стического режима») (Ожегов, Шведова, с. 303).

Последние примеры подтверждают тот факт, что история семантического синкретизма не заканчивается его трансформацией в донациональный период, поскольку в соответствии со «спиралеобразным» движением языка, мышления и сознания в XIX – XXI вв. вновь наблюдается тенденция (но уже на новом «витке» истории, на новом уровне

развития) к нерасчлененному объединению представлений и понятий, о чем свидетельствуют также появление «синэстетизма» (цветной слух, музыкальное слово) как новой и ведущей черты искусства (В.В. Кандинский, А. Белый, Э. Метнер, А.Н. Скрябин, Н.А. Римский-Корсаков, Б.В. Асафьев, Ф. Гарсиа Лорка и др.) [4, с. 137 – 142; 6, с. 19 – 20; 7, с. 56 – 109; 8, с. 304 – 317; 14, с. 262 – 267].

Библиографические ссылки

1. Андреева-Васина Н.И. Прилагательное *красный* в русских народных говорах (материалы к характеристике функционирования слова) // Диалектная лексика: 1975 / под ред. Ф.П. Сороколетова. Л. : Наука, 1978. С. 115 – 120.
2. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны : Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. 2-е изд., стер. М. : Русский язык, 1986. С. 176.
3. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? 2-е изд., доп. М. : Добросвет-2000, 2004. С. 304.
4. Иванова-Лукьянова Г.Н. О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка / под ред. С.С. Высотского. М. : Наука, 1966. С. 137 – 142.
5. Иссерлин Е.М. История слова *красный* // Русский язык в школе. 1951. № 3. С. 85 – 89.
6. Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л. : Изд-во ЛГУ, 1974. С. 160.
7. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: лингвистический аспект. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. С. 264.
8. Зубова Л.В. Реставрация древних грамматических свойств и отношений в поэзии постмодернизма // Историческая стилистика русского языка : сб. науч. тр. / под ред. З.К. Тарланова. Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 1998. С. 304 - 317.
9. Климова Л.И. Полярная эмоциональная оценка в пределах одного слова // Герценовские чтения : науч. докл. / ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1975. Т. 28. С. 82 – 88.
10. Колесов В.В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестн. ЛГУ. Сер. 2. 1991. Вып. 2. № 9. С. 40 – 49.
11. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб. : ЮНА, 2002. С. 448.
12. Петрова З.М. Развитие лексического состава русского языка XVIII в. : Имена прилагательные : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1983. С. 40 .

13. Пименова М.В. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте : монография / СПбГУ ; Филол. фак. Владимир : Изд-во ВГПУ, 2007. 415 с. (Филологические исследования).
14. Хохулина А.Н. Исторический аспект и синестезия в символике поэтического текста // Историческая стилистика русского языка : сб. науч. тр. / под ред. З.К. Тарланова. Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 1998. С. 262 – 267.
15. Чернякова Т.А. Закономерности формирования и развития оценочного значения (на материале имен прилагательных) // Славянская филология : Имя и глагол в исторической перспективе : науч. тр. Рига, 1991. Т. 558. С. 72 – 81.
16. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. С. 134.

Сокращения

БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. М. ; Л., 1950 – 1965.

Иларион – Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / подгот. текста и коммент. А.М. Молдована // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. третья. М., 1994. С. 583 – 619.

МАС – Словарь русского языка : В 4 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981.

Ожегов – Ожегов С.И. Словарь русского языка. 12-е изд., стер. М., 1978.

Ожегов, Шведова – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997.

Ушаков – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. 3-е изд., стер. М., 1996.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 3-е изд., стер. СПб., 1996.

M.V. Pimenova

SEMANTIC SYNCRETISM AND THE DEVELOPMENT OF MARKED AESTHETIC APPRECIATION

The article is devoted to semantic syncretism, which is one of the key factors in the development of linguistic expression of aesthetic evaluation in Russian.

Keywords: semantic syncretism, development, aesthetic evaluation.

**МЕТОНИМИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ:
ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

В статье рассматриваются языковые (лексико-семантические, синтаксические) и когнитивные механизмы древнерусской метонимии, выступающей в памятниках письменности одним из способов создания нового значения и одновременно способом выражения концептуального знания о денотате.

Ключевые слова: Древнерусский текст, метонимия, семантический синкретизм, формулы-синтагмы, когнитивные механизмы в языке.

Исследование древнерусской метонимии, на наш взгляд, представляет особый интерес в когнитивной лингвистике, так как языковые и когнитивные механизмы метонимии в древнерусском языке отличаются от современных принципов создания метонимического значения. С точки зрения Е.В. Падучевой, интерес к метонимии является еще и следствием «обращения лингвистов к связям между высказыванием говорящего и (воспринимаемой и осознаваемой им) действительностью: связи по смежности существуют не между смыслами, а в действительности» [10, с. 241]. При этом эти связи, проявляющиеся в древнерусской метонимии, остаются менее изученными по сравнению с метонимией в современном русском языке.

А.А. Потехня определяет метонимию как «всякое изображение *v.* представление явления (вещи, действия и состояния, качества) в виде одного из его моментов, в том числе в виде впечатления» [11, с. 193]. Метонимия как «механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с

данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» [1, с. 300], является основным принципом переноса значений в древнейших текстах, а это, по наблюдениям В.В. Колесова, стало «верным знаком того, что только объем понятия, но совсем не его содержание интересует древнерусского книжника» [5, с. 83].

Древнерусская метонимия является одним из базовых когнитивных механизмов концептуализации знания о денотате и миромоделирования. Метонимия как способ создания нового значения и одновременно как способ выражения концептуального знания о предмете используется древними книжниками в различных сферах: в собственно языковой – в процессах номинации и словообразовательной деривации, а также в когнитивной – в олицетворении реальных из сферы неживого, сопровождающемся созданием нового значения в основном по принципу *целое ~ часть целого*.

В когнитивных исследованиях метонимии этот механизм переноса значения представляется как «сдвиг фокуса внимания»: при любой концептуализации фрагмента действительности одни

аспекты реальности акцентируются, актуализуются, другие – затушевываются, уходят в фон: происходит схематизация реальной действительности [2], при этом аспекты ситуации, «затушеванные в данной концептуализации, имплицитно присутствуют в контексте сделанного высказывания: затушеванные аспекты связаны с актуализированными отношениями типа часть – целое, параметр – значение, причина – следствие», в чем можно усматривать понятие метонимии [9]. Метонимическая логика обнаружена в явлениях различных уровней: семантического, словообразовательного, синтаксического, когнитивного. Рассматриваемая в когнитивном аспекте метонимия имеет референциальную функцию: она позволяет одной сущности заменять другую (осмыслять одни сущности в рамках их связей с другими), она системна (ее нельзя рассматривать как совокупность случайных и произвольных контекстов употребления), она коренится в нашем опыте и служит пониманию. Метонимия является функционально насыщенным механизмом: она «обеспечивает эффект крупного плана, способствует вариативной номинации, разно-аспектной, ситуативно точной, индивидуализирующей характеристике, созданию ярких, экспрессивных образов человека, нередко выполняя текстообразующую функцию» [7, с. 18].

В основе метонимических изменений лежат процессы уподобления и аналогии объектов. По определению Э. Кассирера, в метонимии «каждая часть эквивалентна целому, каждый экземпляр – виду или роду как таковому. Каждая часть не только репрезентирует целое, а индивид или вид – род, но они ими и являются; они представляют не

только их опосредованное отражение, но и непосредственно вбирают в себя силу целого, его значение и действительность» [3, с. 38].

Исследование метонимии в историческом и лингво-когнитивном аспектах обуславливает внимание исследователей ко времени появления и распространения метонимических образований, а также выражение посредством их ментальных особенностей носителей языка в разные исторические эпохи. Так, в средневековую эпоху метонимия не являлась тропом, «украшением» текста: в древнерусском тексте она выступала механизмом построения содержания, элементом семантической структуры текста, одним из способов семантической организации текста. При этом метонимические процессы, которые в современном русском языке, как правило, связывают с возникновением регулярной многозначности слова и выделением таких типов метонимических переносов, как, например: обозначение времени местом, количества – пространством, действия – местом, действия – орудием действия и другие, отличны от древнерусских метонимических механизмов, представленных более широко, ориентированных не только на сферу семантики и номинации, но и на сферу текстовой организации и выражения особенностей средневекового мышления, а также моделирования в тексте мировидения древнего человека.

Одним из видов устойчивых сочетаний древнерусского текста, синкретичное значение которых организовано по принципу метонимии, являются парные именованья. По на-

блюдениям В.В. Колесова, первоначальная связь компонентов в парных именовании – это «связь подобия на метонимической основе», метонимическое уподобление в анализируемых единицах «обеспечивает принцип отвлеченности от конкретного (то есть создает образ) и одновременно – представление частного в собирательности (то есть приближает к символу)» [6, с. 223].

Собирательность, реализованная в оппозиции, на основе которой образованы парные именовании, во многом выражает средневековое представление о двойственности мира и гармонизации миропространства путем объединения рядоположенных и смежных понятий. Соединение однородных, рядоположенных сущностей в парных именовании – самый распространенный способ семантической организации анализируемых сочетаний, при котором образуется бинарная оппозиция, членами которой являются семантически неравноправные, несимметричные единицы, обозначающие неравновеликие части целого понятия. Подобные парные именовании представляют собой модель, которая имеет возможность присоединения третьего члена и перехода от парности к градуальности при сохранении исходного значения, например, *злато и сребро* – **злато и сребро и драгие каменя* (обозначение имени), *страны и гради* – **страны и гради и волости* (обозначение пространства), *плач и рыдание* – **плач и рыдание и вопль* (обозначение аффективного состояния), *радость и веселье* – **радость и веселье и ликьствование* (обозначение душевного удовлетворения).

Направление в развитии собирательности в парных именовании может быть различным: например, можно выделить следующие семантические оппозиции, созданные на основе соединения метонимически связанных компонентов сочетания: '*часть целого ~ часть целого*', '*целое ~ часть целого*', '*причина ~ следствие*', '*индивидуальное ~ коллективное*'. Рассмотрим принцип соединения двух однородных сущностей в парных именовании, синкретичное значение которых образовано совмещением обозначенных семантических признаков.

Синкретичное значение '*часть целого ~ часть целого*' реализуется в парных именовании, ССК которых обозначают составные элементы единого целого (одного предмета, признака и т.д.). В парных именовании с данным значением соединяются понятия об однородных, рядоположенных предметах, например, *злато и сребро*, *града и села*, *леси и поля*, *широта и долгота*.

Компоненты парного именовании *злато и сребро* представлены сущительными, связанными семантическими отношениями *часть целого* и *часть целого* (*злато* – 'деньги из золота', *сребро* – 'деньги из серебра', *злато и сребро* – 'деньги, богатство'). В семантику ССК анализируемого парного именовании включено общее значение 'благородный металл': *золото* – 'один из химических элементов, благородный металл желтого или (в зависимости от примесей) зеленовато- или красновато-желтого цвета, употребляемый как материал для звонкой монеты и драгоценных изделий и вообще как ме-

рило стоимости' [14, с. 156]; *серебро* – 'ковкий благородный металл светло-серого (почти белого) цвета с сильным блеском' [Там же].

В древнерусских письменных памятниках парное именование *злато и сребро* употребляется в нерасчлененном значении 'деньги, богатство' [13, с. 3 – 335]. Указанное обобщенное значение является результатом метонимического переноса названия с материала на предмет, изготовленный из этого материала, но при этом значение выражается не отдельной лексической единицей, а устойчивым сочетанием, семантика которого отражает неделимую совокупность предметов из функционально сходных материалов (равно и золото, и серебро в качестве материала могут использоваться для производства монет).

Парное именование *злато и сребро* в значении 'деньги, богатство' является частопотребительным в текстах различной жанровой принадлежности (повестях, летописях, житиях, ораторской прозе) и обнаруживает высокую степень семантической спаянности и постоянство формальной организации в памятниках всего исследуемого периода в развитии русского литературного языка: «*Фрязи же и вси воеводы ихъ възлюбиша злато и сръбро...*» (Повесть о взятии Царьграда); «*Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити..., а злата и сребра ни мало того потрепати!*» (Слово о полку Игореве); «... ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людем» (Моление Даниила Заточника); «*Егда възмужаетъ сынъ мой, дай же ему злато и сребро*» (Киево-Печерский патерик).

Синкретичное значение '*часть целого ~ часть целого*' выражается также парными именованиями *града и села, леси и поля, широта и долгота*, ССК которых обозначают отдельные части одного предмета: «*И нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ*» (Повесть временных лет); «...*божишмъ повелѣнемъ да наполнятся лѣси и поля ...*» (Поучение Владимира Мономаха); «*Въ третій же день, ставиш на мѣстѣ томъ, помолъшися и благослови въ мѣсто, и измѣриши златымъ поясомъ широту и долготу*» (Киево-Печерский патерик).

Синкретичное значение '*часть целого ~ целое*' реализуется парными именованиями, семантическое содержание одного компонента которых включает в себя семантическое содержание другого компонента. Отношения *целого и части* целого между ССК парных именовании представлены, например, в сочетаниях *врѣмена и лѣта, дни и часъ, убийство и кровопролитие, словеса и учения*.

В парном именовании *врѣмена и лѣта* объединились два имени существительных со значением времени, реализуя отношения целого и его составной части: «Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.» определяет значение слова *врѣмя* как 'форму материального существования, протекающего в определенной временной отрезок' [12, с. 1 – 461, 493] и значение слова *лѣто* как 'время, год' [Там же]. В этом же словаре находит отражение и устойчивое сочетание *врѣмена и лѣта* (компоненты *врѣмена и лѣта* имеют форму множественного числа)

с нерасчлененным значением ‘период, эпоха’. Парное именование *врѣмена и лѣта* является часто употребляемым устойчивым сочетанием, используемым в древнерусском тексте для обозначения времени: «...*глаголю же господина преподобнаго Сергия... в дни наша, въ послѣдняя **врѣмена и лѣта***»; «...*нѣкогда въ грядущаа **врѣмена и лѣта** въ постном житии просиати ему...*» (Житие Сергия Радонежского); «*Яко же изволися человекѡлюбцю богу о своей твари, на вся **врѣмена и лѣта** промышляя роду человекскому и полезнаа даруя*» (Киево-Печерский патерик).

Употребление парного именования *врѣмена и лѣта* в указанном значении в древнерусском тексте есть проявление синкретичного понимания времени средневековым человеком: время – это длительность бытия, не распадающаяся на временные отрезки (например, год, день, час), время представляет собой непрерывную последовательность явлений и состояний материи, объединенных в одно целое, «между моментами не существует необходимой связи, и только в душе, в единстве сознания время также сведено к единству. Благодаря душе время воспринимается как длительность, непрерывность, которая объединяет прошлое и будущее» [8, с. 136]. В древнерусском тексте употребление парного именования *врѣмена и лѣта* есть отражение восприятия времени как единства, являющегося образом вечного, образом «абсолютного присутствия Бога», с точки зрения средневековой философии.

К парным именованию, выражающим синкретичное значение ‘целое ~ часть целого’, можно отнести также сочетания *дни и часъ, убийство и кровопролитие, словеса и учения*: *сам же Купреянь митрополить по вся дни и часъ от церкви не отступая, принося молитвы къ богу*» (Повесть о Темир Аксаке); «...*а диаволь радуется злomu **убийству и кровопролитию**...*» (Летописные повести о монголо-татарском нашествии); «... *мнози поучениемъ его спасахася... поминающе душеполезнаа его **словеса и учения**...*» (Житие Сергия Радонежского).

К парным именованию, компоненты которых семантически связаны как *причина* (явление, обуславливающее возникновение другого явления) и *следствие* (результат чего-либо), можно отнести такие формулы-синтагмы, как *кроткий и съмѣренный, сильный и всемогий, золь и ужасень*.

Компоненты парного именования *кроткий и съмѣренный*, выраженные именами прилагательными (употребляющимися в тексте и в краткой, и в полной форме), сближаются в значении ‘покорный’: *кроткий* – ‘кроткий, покорный, тихий, скромный, незлобивый’ [12, с. 4 – 304]; *съмѣренный* – ‘покорный’ [13, с. 3 – 764]. Лексические единицы *кроткий, съмѣренный* соотносятся друг с другом как причина и следствие: наличие у человека такого признака, как *съмѣренный*, есть результат приобретения признака *кроткий*.

Соединение двух синонимичных прилагательных в составе парного именования необходимо с целью усиления качества, возведения признака, названного сочетанием, в наивысшую степень его проявления: человек,

наделенный признаком «*кроткий и смирный*», – нравственный, праведный человек, исполненный покорности, поэтому определение, выраженное парным именованием «*кроткий и смирный*», чаще всего согласуется в древнерусском тексте со словами, называющими различных святых, блаженных, почитаемых и прославленных князей: «*Бысть же Иоанъ смиренъ же и кротокъ, ... рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печалныя...*» (Повесть временных лет); «*Преставися Пиньский князь Юрьи, сынъ Володимировъ, кроткий, смиренный...*» (Галицко-Волынская летопись); «*Кто таковъ есть въ васъ, яко же есть блаженный Феодосие, ...кроткий и смиренный?*» (Киево-Печерский патерик).

Причинно-следственная связь компонентов представлена также в парных именовании *сильный и всемогий*, *золь и ужасень*: «*Господи боже сильный и всемогий, своим словомъ все созидаю и растая, что ми, господи, проявишь, грѣшному рабу своему и на томъ стану*» (Галицко-Волынская летопись); «*... и бысть сѣча зла и ужасна*» (Повесть о разорении Рязани Батыем).

В парных именовании древнерусского текста могут совмещаться семантические признаки *индивидуальное и коллективное*. Так, синкретичное значение ‘индивидуальное ~ коллективное’ выражается в следующих сочетаниях: *беззаконие и грѣси* (беззаконие – общие, коллективные грехи, *грѣси* – личный безнравственный поступок); *радость и веселье* (*радость* – личное, индивидуальное чувство, *веселье* – коллективное чувство); *постыдиться и*

посрамиться (*постыдиться* – переживать личное чувство стыда, *посрамиться* – испытывать коллективное чувство); *страхъ и трепеть* (компоненты данного парного именовании обозначают индивидуальное и коллективное состояние) [4, с. 28].

Парное именование *беззаконие и грѣси* представляет собой семантическую оппозицию синонимичных существительных (второй компонент данного сочетания имеет форму множественного числа), характеризующихся наличием общего компонента в значении – ‘нарушение религиозных законов’: *беззаконье* – ‘нарушение догматов христианства, всеобщая безнравственность’; *грѣхъ* – ‘личный безнравственный поступок’ [12, с. 1 – 119, 2 – 238].

Беззаконие и грех в христианской этике – это душевное осквернение, все безнравственное, аморальное. Выражая общее значение ‘нарушение религиозных законов’, парное именование *беззаконие и грѣси* характеризуется высокой степенью слитности близких по значению компонентов.

Приведем несколько примеров употребления парного именовании *беззаконие и грѣси* в древнерусском тексте: «*Се бо въ беззаконии зачатъ есмь, и въ грѣсѣхъ роди мя мати моя*» (Житие Сергия Радонежского); «*Страшно есть, чада, впасти въ гнѣвъ божий! Какыя казни от бога не въсприяхом? Не пленена ли бысть земля наша? Не възяти ли быша гради наши?... Кто же ны сего доведе? Наши беззаконье и наши грѣси...*» (Слова Серапиона Владимирского).

С синкретичным значением ‘индивидуальное ~ коллективное’ упот-

реблюются в древнерусском тексте и парные именованья *радость и веселье, постыдиться и посрамиться, страхъ и трепеть*: «*Будеть тебѣ радость и веселье*» Лук. I. 14 Остр. Ев. [13, с. 1 – 245]; «*И да постыдятся и посрамятся, и познают, яко имя тебѣ господь, яко ты еси единъ вышній по всей земли!*» (Летописная повесть о Куликовской битве); «*Бысть убо тогда и страха и трепета от всѣх злых, находящихся на ны*» (Повесть о разорении Рязани Батыем).

Таким образом, можно заключить, что в древнерусских метонимических механизмах, объединяющих *часть целого и часть целого, целое и часть целого, причину и следствие, индивидуальное и коллективное*, находят отражение средневековое представление о двойственности мира, его парносоставности из однородных, рядоположенных сущностей и необходимость гармонизации пространства путем объединения этих смежных концептуальных понятий.

Библиографические ссылки

1. Арутюнова Н.Д. Метонимия // Лингвистический энциклопедический словарь : Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.
2. Борщев В.Б., Парти Б.Х. Семантика генитивной конструкции: разные подходы к формализации // Типология и теория языка: от описания к объяснению: к 60-летию А.Е. Кибрика / ред. Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец. М., 1999. С. 159 – 172.
3. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
4. Колесов В.В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка : межвуз. сб. науч. тр. Петрозаводск, 1990.
5. *Он же*. Синонимия как разрушение многозначности слова в древнерусском языке // Вопросы языкознания. 1985. № 2.
6. *Он же*. Философия русского слова. СПб., 2002.
7. Мыльникова Н.В. Структура и функционирование концепта «рука» в русском языке : автореф. ... канд. филол. наук. Самара, 2009.
8. Никитич Л.А. Средневековая философия // Философия : учеб. для вузов. М., 2000.
9. Падучева Е.В. Метонимический перенос как смещение фокуса внимания // Доклад на международной научной конференции «Активные языковые процессы конца XX века» / ИРЯ РАН. М., 2000.
10. Падучева Е.В. Пространство в облиции времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка : Языки пространств. М., 2000.
11. Потехина А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990.
12. Словарь древнерусского языка XI – XIV вв. : в 10 т. / под ред. Р.И. Аванесова, Д.С. Улукханова. Т. 1 – 6. М., 1988 – 2002.
13. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. М., 1958.
14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. М., 1994.

**THE METONYMY OF THE OLD RUSSIAN TEXT:
LANGUAGE AND COGNITIVE ASPECTS**

The paper deals with the language (lexical, syntactic) and cognitive mechanisms of the Old Russian metonymy which, in the Old Russian text, is one of the ways of creation of new semantics and the way of expression of conceptual knowledge about denotation.

Keywords: the Old Russian text, metonymy, semantic syncretism, formulas-syntagmas, cognitive mechanisms in the language.

УДК 81'367.4

А.С. Малахов

**К ВОПРОСУ О СИНКРЕТИЗМЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ
В АППОЗИТИВНЫХ СОЧЕТАНИЯХ**

В статье анализируется характер грамматической связи между компонентами аппозитивных сочетаний. Связь между приложением и определяемым словом является синкретичной, определяется своеобразием категорий рода, числа и падежа существительного и зависит от лексико-грамматических разрядов существительных, входящих в аппозитивное сочетание.

Ключевые слова: аппозитивные сочетания, синкретизм, связь слов, нарицательные существительные, категория рода, категория числа, категория падежа.

Аппозитивными сочетаниями принято называть сочетания двух существительных типа *художник-самоучка, женщина-врач, старик рыбовод, художник Поленов, пес Шарик, Волга-матушка, город Петушки, пароход «Ока», газета «Комсомольская правда»* и т. п., выражающие семантические отношения «определяемое + определяющее», но далеко не всегда обнаруживающие совпадение в категориях рода, числа и даже падежа. Ср., например: *в городе Петушки, в газете «Комсомольская правда»* и др. В предложении один из компонентов таких сочетаний выступает в роли приложения. При анализе аппозитивных сочетаний возникает

много вопросов, связанных с недостаточным теоретическим осмыслением данного синтаксического явления: 1) какие языковые явления следует относить к аппозитивным сочетаниям, 2) аппозитивные сочетания - это словосочетания или сочетания слов, 3) какие отношения возникают между компонентами аппозитивных сочетаний, 4) на основе какой связи объединяются эти компоненты, 5) где главный, а где зависимый компонент в сочетании, 6) каким членом предложения является зависимый компонент аппозитивных сочетаний - приложение, 7) в чем отличие аппозитивных сочетаний от сложных слов и сходных с ними синтаксических кон-

струкций? Но до сих пор одним из наиболее спорных вопросов теории аппозитивных сочетаний является вопрос о характере синтаксической связи между компонентами, связанный, прежде всего, с тем, что у зависимого компонента аппозитивной конструкции – приложения – нет грамматического показателя зависимости.

Большинство лингвистов настаивает на том, что эту связь нужно квалифицировать как подчинительную, но при дифференцированном подходе оказывается, что в одних случаях она похожа на согласование [1, с. 118; 6, с. 120; 9, с. 279], а в других – на примыкание [7, с. 75]. Д.Н. Овсяннико-Куликовский говорил о параллелизме [3, с. 10, 20 – 21, 232], Е.В. Кротевич – о координации [2, с. 9], И.П. Распопов – об аппликации [5, с. 40 – 42]. А.М. Пешковский склонен был видеть здесь не подчинительную, а сочинительную связь, поэтому обособленное приложение для него – это «выделенное из однопадежной сочиненной группы существительное»: *Зловещая старуха, судьба глядит в окно* (К. Бальмонт) [4, с. 429 – 430].

Наблюдения показывают, что в аппозитивных сочетаниях присутствует несколько типов связей, поэтому можно говорить о том, что грамматическая связь между приложением и определяемым словом является синкретичной и в каждом конкретном случае квалифицируется по-разному. Прослеживается зависимость типа связи от лексико-грамматических разрядов существительных, поэтому при ее квалификации необходимо учитывать, какие по своим лексическим и грамматическим свойствам существительные употребляются в роли приложения и в роли господствующего слова. Отсюда следует, что определять связь между приложением и

определяемым словом необходимо по каждой грамматической категории существительного с учетом его лексико-грамматических разрядов. Посмотрим, какие виды связей по роду, числу и падежу возможны в сочетаниях с двумя нарицательными существительными.

Категория рода – одна из основных грамматических категорий существительного, категория классифицирующая, а не согласовательная. Любое существительное имеет только одну родовую форму (за исключением существительных общего рода, которые обладают двумя родовыми формами), поэтому категория рода и считается классифицирующей. Соответственно род приложения как бы случайно совпадает с родом господствующего слова. Однако в некоторых случаях это не будет простым совпадением.

Случайное совпадение категории рода, т.е. *параллелизм*, наблюдается, если в аппозитивное сочетание входит хотя бы одно неличное существительное, так как род таких существительных, входящих в аппозитивное сочетание, ничем не мотивирован: *Не просунет когтей лазурь Из пургового кашля-смирада...* (С. Есенин); *К технической обработке относится и звуковое качество поэтической вещи – сочетание слова со словом* (В. Маяковский); *Я неторопливо дошел до старой корчмы – нежилкой, развалившейся хаты, и стал на опушке хвойного леса, под высокой сосной с прямым голым стволом* (А. Куприн); *А хозяин – липкий студень – с мордой, вспухшей на радость чирю, у работницы щупает груди...* (В. Маяковский).

В большинстве случаев есть предпосылки для приспособления рода зависимого слова к роду господствующего. Это наблюдается в

аппозитивных сочетаниях, которые состоят из двух личных существительных, а также из существительных – названий животных, которые выражают идею пола: *На жаркой лежанке бесменно дремала в валенках и в шубейке баба-повитуха* (А.Н. Толстой); *Он высок ростом, худощав, но широкоплеч и строен, а лицом – красавец цыган* (И. Бунин); *У бабы-вдовы умер ее единственный сын, первый на селе работник* (И. Тургенев); *Муж ее, доктор, спал позади ее* (Л. Толстой). При лексических и словообразовательных параллелях мужского или женского рода в аппозитивных сочетаниях мы имеем дело с лексическим уподоблением по признаку биологического пола, или *параллелизмом с элементами согласования*.

Особое внимание привлекают к себе аппозитивные сочетания с приложением – существительным общего рода: *Скитания столкнули меня с мальчишкой бродягой, будто бы недостреленным партизанами в строю остальных казненных при общем расстреле* (Б. Пастернак); *В кухне под лестницей сидит серая гусыня-злюка* (И. Шмелев).

Существительные общего рода – это «слова со значением действующего лица, мужской или женский род которых целиком зависит от пола обозначаемых этими словами лиц» [8, с. 12]. Словами общего рода они являются только в языке, а в речи они всегда употребляются то в мужском, то в женском роде, а следовательно, мы имеем дело с выбором определенной формы, поскольку род приложения, в роли которого выступает существительное общего рода, зависит от господствующего слова, на основании которого и определяется род у суще-

ствительного общего рода. Поэтому в аппозитивных сочетаниях с существительным общего рода усматривается *смысловое согласование*. Это согласование нельзя рассматривать как грамматическое, так как отсутствует грамматический показатель зависимости одного слова от другого.

Таким образом, по категории рода в аппозитивных сочетаниях, построенных по модели «имя нарицательное + имя нарицательное», потенциально возможны параллелизм, параллелизм с элементами согласования и смысловое согласование.

Категория числа имени существительного – это грамматическая (морфологическая) словоизменяющаяся категория, организованная как противопоставление форм единственного числа множественному, в основе которого лежит предметно-смысловое содержание «один – не один». Отсюда следует, что категория числа – принадлежность только конкретных существительных, поскольку она связана с идеей выражения «один – не один», т.е. с номинативным значением. Именно в группе конкретных существительных категория числа способна выражать противопоставление одного предмета реальному множеству таких же предметов, а конкретные существительные способны изменяться по числам, обнаруживая соотносительные формы единственного и множественного числа. В группе неконкретных существительных категория числа классифицирующая, несловоизменяющаяся. Форма числа – единственного или множественного – у подобных существительных бессодержательна: она лишена номинативного значения «один – не один». Отсюда следует, что вид связи по категории числа тоже зависит от лексико-грамматических разря-

дов существительных, образующих это сочетание.

В аппозитивных сочетаниях, состоящих из конкретных существительных, наблюдается «согласование», если при изменении числа не меняется их лексическое значение, меняется только количество предметов, обозначенных существительными аппозитивного сочетания, а также согласование в числе прилагательных и глаголов, имеющих непосредственное отношение к этому аппозитивному сочетанию и тесно с ним связанных: *Зашумели над затоном тростники, Плачет девушка-царевна у реки (С. Есенин); Стрекотуны-сороки, как свахи, Накликали дождливых гостей (С. Есенин); Я вижу, как у глаза Горкина светятся лучики-морицинки (И. Шмелев).*

Категория числа у приложения в данном случае согласовательная, так как она отражает реальную единичность или множественность предметов (так же, как и категория числа определяемого слова). Поскольку в аппозитивной конструкции речь идет об одном и том же явлении реальной действительности, существительные, входящие в аппозитивное сочетание, соотносятся с одинаковым количеством предметов: в единственном числе речь идет об одном предмете, во множественном – о нескольких.

Если при изменении числа в аппозитивном сочетании с конкретными существительными лексическое значение изменяется или одно из существительных не имеет числовой пары, нужно говорить о *параллелизме с элементами согласования*: *На рассвете он завтра промчится, Шапку-месяц пригнув под кустом, И игриво взмахнет кобылица Над равниною красным хвостом (С. Есенин).* Существительные, входящие в аппозитивное сочетание, обо-

значают предметы реально существующие, т.е. конкретные, поэтому формально у них множественное число возможно. Но в природе есть только один месяц, поэтому употребить это слово в форме множественного числа нельзя.

В аппозитивных сочетаниях с существительными *singulariatantum*: *У вас есть удивительное редкое качество – откровенность (Л. Толстой); Петру Алексеевичу было подано горячее – лапша (А. Н. Толстой); Стала скотинушка в лес убираться, Стала рожь-матушка в колос метаться, Бог нам послал урожай! (Н. Некрасов);* или *pluraliatantum*: *Молодой парень <...> лениво подгребал сено вилами-тройчатками (М. Шолохов); Это – он. Я узнаю его. В блюдечках-очках спасательных кругов (В. Маяковский); Сегодня на лестнице, грязной и тусклой, копались обывательские слухи-свиньи (В. Маяковский) –* наблюдается случайный параллелизм форм числа. О том, что категория числа у существительных *singularia* и *pluraliatantum* не является согласовательной, свидетельствует тот факт, что эти существительные могут свободно употребляться как с существительными единственного числа, так и с существительными множественного числа: *На мне был синий панталон, мундир из хорошего сукна, пятнадцать талеров денег и серебряные часы – подарок моего папеньки (Л. Толстой) (ср. часы-ходики); От письма пахло знакомыми духами – персидской сиренью (А. Куприн).*

Итак, по категории числа в аппозитивных сочетаниях с нарицательными существительными можно увидеть следующие виды связи: «согласование», параллелизм с элементами согласования

и собственно параллелизм. Согласовательной категорию числа следует признать в аппозитивных сочетаниях с конкретными существительными лишь в тех случаях, когда изменение числа одного компонента неизбежно влечет изменение другого компонента, но лексическое значение при этом не меняется. Параллелизм с элементами согласования наблюдается, когда формально числовая пара есть, но употребить существительное в форме множественного числа в пределах аппозитивного сочетания невозможно. В аппозитивных сочетаниях с существительными *singulariatantum* или *pluraliatantum* наблюдается числовой параллелизм.

Падеж в ряду категорий существительного занимает особое место, так как в отличие от категории рода и отчасти числа категория падежа у существительных является словоизменительной. По падежам существительные изменяются достаточно последовательно, поэтому, казалось бы, предпосылки для согласования у них есть. Однако у существительных, входящих в аппозитивное сочетание, категория падежа не всегда является словоизменительной, а следовательно, однозначно говорить о согласовании приложения и определяемого слова не совсем корректно. В аппозитивных сочетаниях категорию падежа можно рассматривать как «согласовательную», если сочетание соответствует ряду условий: «согласование» возможно только в косвенном падеже; существительные, образующие аппозицию, принадлежат к одному числу, роду и типу склонения.

В аппозитивных сочетаниях с нарицательными существительными по падежу наблюдаются «согласование», параллелизм с элементами согласования и собственно параллелизм.

Параллелизм присутствует в аппозитивных конструкциях с обособленным приложением, если компоненты сочетания стоят в форме именительного падежа: *Пылают горы-горны, и море синелузится* (В. Маяковский). Поскольку именительный падеж не призван выражать зависимость, трудно говорить о согласовании приложения с определяемым словом в падеже.

Параллелизм возможен и в тех случаях, когда существительные употреблены в форме косвенного падежа, но не совпадают по роду, числу или типу склонения: *Протодьякон в славе: голосом гасит лампы и вытирает стекла. Начинает из глубины, где сейчас у него блины, кажется мне по голосу-ворчанью* (И. Шмелев).

Параллелизм с элементами согласования возможен в тех же случаях, что и собственно параллелизм, но при обособленном приложении: *Толпа – пестрошерстная быстрая кошка – плыла, изгибаясь, дверями влекома...* (В. Маяковский); *Грачик был верховая лошадь, подъездок, проданная Теляниным Ростову* (Л. Толстой); *Так, по стародавнему обычаю, каждый год перед весенними проводами происходил смотр государевых служилых людей – дворянского ополчения* (А.Н. Толстой). Будучи независимым, именительный падеж приложения попадает в зависимое положение при обособлении, где обособление как раз и является ярким показателем зависимости именительного падежа (а также любого косвенного) от определяемого. В случаях с обособленным приложением возникают элементы приспособления зависимого компонента к главному, в связи с чем падежный параллелизм становится в какой-то степени обусловленным.

«Согласование» характерно для аппозитивных сочетаний, компоненты которых употребляются в форме косвенного падежа и одновременно совпадают по числу, роду и типу склонения: *Лежит на салфетке свечка, повязанная ленточкой-пометкой: будет гореть у святой купели, и ее принесут домой* (И. Шмелев); *Между канавой – границей сада – и длинными ометами стоял на выгоне деревянный амбар* (А.Н. Толстой); *Я зарок не давал терпеть издевку от врага, от белого гада* (М. Шолохов). «Согласование» в падеже наблюдается только в аппозитивных сочетаниях, состоящих из существительных с абсолютно одинаковыми парадигмами, т.е. при «согласовании» должно быть полное совпадение форм.

Таким образом, мы видим, что у приложения отсутствует единая связь с определяемым словом: по каждой грамматической категории она может быть разной. В этом и проявляется синкретизм грамматической связи приложения и определяемого слова, причем одно и то же приложение может соединяться с главным словом на основе разных связей. Тем не менее «согласование» в любой грамматической категории является условным, поскольку отсутствует грамматический показа-

тель зависимости одного слова от другого.

Посмотрим, какие виды связи возможны в одном аппозитивном сочетании: *Под березкою-невестой, За сухим посошником, Утирается берестой, Словно мягким рушником* (С. Есенин). По категории рода в анализируемом сочетании отмечается параллелизм, так как в сочетание входит неличное существительное «березка»; по категории числа – «согласование», так как оба существительных – конкретные и при изменении категории числа лексическое значение не меняется (ср. под березками-невестами); по категории падежа – «согласование», так как компоненты сочетания употребляются в косвенном падеже и совпадают по роду, числу и типу склонения. Таким образом, приложение соединяется с главным на основе родового параллелизма и падежно-числового «согласования», т.е. на основе совмещения разных типов связи.

Таким образом, трудности в определении типа связи между приложением и определяемым словом связаны с тем, что сама связь является синкретичной, зависит от лексико-грамматических рядов существительного и определяется по каждой грамматической категории существительного.

Библиографические ссылки

1. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. II. Синтаксис. М., 1961.
2. Кротевич Е.В. Синтаксические отношения между членами словосочетания и членами предложения // Вопросы русского языкознания. Кн. 2. Львов : Изд-во Львов. ун-та, 1956.
3. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
5. Распопов И.П. Строение простого предложения в русском языке. М., 1970.
6. Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. М., 1963.
7. Чеснокова Л.Д. Связи слов в русском языке : пособие для учителя. М., 1980.

8. Шанская Т.В. Слова общего рода в русском языке // РЯШ. 1959. № 5.
9. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

A.S. Malakhov

**ABOUT SYNCRETISM OF GRAMMATICAL CONNECTION
IN APPOSITION COMBINATIONS**

The character of grammatical connection between the components of apposition combinations is analyzed in the paper. The connection between the apposition and the defined word is syncretic. It is determined by the specificity of gender, number and case of the noun and depends on lexical and semantic categories of nouns being a part of apposition combination.

Keywords: apposition combinations, syncretism, connection of words, common nouns, gender, number, case.

УДК 2-12

И.Й. Деретич

ДВОЙНОЙ ПАРАДОКС: ПЛАТОН ОБ ИДЕЕ БЛАГА*

В многоплановой дискуссии мы постараемся определить собственную позицию, как с точки зрения правильного понимания онтологического и эпистемологического статуса самой Идеи Блага, так и с точки зрения её смысла и значения в философии Платона. В этом контексте важно выделить вопрос о двойном парадоксе – онтологическом и эпистемологическом. Первый состоит в следующем: если Идея Блага находится за пределами бытия, то считается, что она уже не входит в бытие, но в то же время она уже не отдельная сущность, – это, кажется, отрицает её какой-либо, а тем более высший онтологический статус. Второй парадокс касается вопроса о познании Идеи Блага. Всякое познание должно иметь свой предмет познания, в то время как Идея Блага как $\epsilon\lambda\epsilon\kappa\epsilon\iota\nu\alpha$ τῆς οὐσίας, с одной стороны, кажется, выходит за рамки этой формулы, с другой – она идентифицируется с тем, что называется $\mu\acute{\epsilon}\upsilon\iota\sigma\tau\omicron\nu$ $\mu\acute{\alpha}\theta\eta\mu\alpha$, где само понятие предполагает её познание и изучение.

Ключевые слова: Платон, Идея Блага, онтологический и эпистемологический парадокс.

Уже в самом начале рассмотрения проблемы двойного парадокса возникает вопрос: как после прочтения одного и того же текста с одной и той же теоретической матрицей возникают не только различные, но, более того, и взаимоисключающие интерпретации и оценочные суждения. Для исследования необходимо разъяснить две противоположные традиции толкования Идеи Блага Платона в центральных книгах «Государства», которые отличаются и по содержанию интерпретации, и по оценке значения рассуждения о «Благе Самому по себе». В то время, когда целый ряд значительных, в основном англо-саксонских, комментаторов оценивают это «Благо» как неясный, метафоричный

или просто как «пустой формализм» [1] (Шори [2], Поппер [3], Кромби [4], Аннас [5]), мыслители других традиций (Гадамер [6], Гайзер [7], Кремер [8], Релле [9], Слезак [10], Хальфвассен [11]) ориентированы в первую очередь на подробный анализ метафизических вопросов философии Платона и на рефлексии Идеи Блага, что, по их мнению, является наиболее важной частью «Государства».

Казалось бы, проблему противоборства различных интерпретаций можно было бы разрешить, определив первую традицию как ставящую акцент на этически-политическую, а вторую – на метафизическую проблематику платоновской философии и признав, что и первый, и второй подходы оправданы

*Перевод статьи – В. Зотов, сотрудник философского факультета Белградского университета (г. Белград, Сербия).

и достойны внимания. Но это так называемое «интерпретационное примирение» не способствует прогрессу в понимании проблематики сути дискуссий этих двух школ.

Встаёт конкретный вопрос: какое содержание в платоновской философии является преобладающим и определяющим остальное? Если мы выдвигаем тезис о том, что метафизическая проблематика составляет основу моральных и политических проблем, то становится очевидным, что учение об Идее Блага в «Государстве» – не экскурс и не отклонение от основного хода рассуждений, а необходимое условие для понимания сути добродетели в целом и справедливости в частности.

И вне зависимости от исходного контекста рассуждение об Идее Блага остаётся недосказанным и двусмысленным именно в тех ключевых местах, где было бы необходимо сказать «последнее слово» о «беспредпосылочном начале», что может послужить объяснением поливалентности интерпретации диалога. Идея Блага у Платона изложена в метафорично-аллегорической форме и объяснена посредством трёх аналогий, последняя из которых раскрывается в мифе о пещере. А этот миф можно понимать по-разному. Во-первых, как дополнение к аналогии с линией. Во-вторых, как описание процесса образования тех, кто, при достижении мудрости, должен править. И наконец, как платоновское глубокое осознание сути нашей экзистенции, в которой «свободны» только избранные, так как только они в состоянии вырваться из оков довлеющих мнений и мировоззрения своего окружения и открыться к истинному познанию содержания эйдосов.

Конечно же, полисемичность самого текста не может и не должна быть единственной причиной настолько сильной поляризации в понимании шестой и седьмой книг «Государства». Она мотивирована и самим характером сформировавшихся традиций, которые с уже заранее подготовленными оценочными суждениями рассматривают платоновский текст, находят в нем вопросы, которыми они сами занимаются, этическую и метафизическую проблематику, рациональный или в большей степени метафорический λόγος. С историко-философской точки зрения, первая традиция своими корнями уходит в аристотелевскую критику Идеи Блага, в то время как другая основывается на учениях платонизма и неоплатонизма.

Мы постараемся определить собственную позицию как с точки зрения правильного понимания онтологического и эпистемологического статуса самой Идеи Блага, так и с точки зрения её смысла и значения в философии Платона. Наш метод отличается тем, что мы читаем труды Платона не как некоторый догматический текст, а наоборот, как сочинение, пронизанное парадоксами, которые выходят за рамки всякого подготовленного и схематизированного чтения, что, конечно же, не исключает возможности суммирования систематических и взаимно согласованных заключений в конце нашей работы.

Парадоксально, но Платон, говоря о «высшем учении», а это учение о «Благе самом по себе», даёт только отрывки учения. Идею Блага платоновский Сократ вводит в «Государство» [12] очень осторожно, подчёркивая, что о ней не все будет сказано. Означает ли

это, что полное учение Платона о «высшем предмете» мы сможем получить, только если дополним его косвенными свидетельствами, а именно свидетельствами, которые относятся к его преподаванию в Академии, так как прямые свидетельства, т.е. диалоги, не дают нам полную картину [13]? Органическую связанность текста невозможно восстановить свидетельствами третьих лиц, и, несмотря на то, что с их помощью в восстановительной реконструкции мы можем лучше понять проблематику, заключенную в тексте, это совсем не означает, что в этих записях мы найдем ключ, которым открываются все двери к проблемам и разночтениям философии Платона.

После изложения аналогии с солнцем платоновский Сократ приходит к знаменитому тезису о сверхъестественном характере Идеи Блага, сущность которого можно частично понять, вернувшись к самой аналогии. В свете разговора о ἐλέκεινα τῆς οὐσίας [14] возникает целый ряд вопросов о двойном парадоксе – онтологическом и эпистемологическом. Первый вопрос относится к онтологическому статусу Идеи Блага, второй – к ее познаваемости, а третий вопрос, который непосредственно связан со вторым, касается рода и познавательной ценности знания, предметом которого является Идея Блага.

Этот парадокс [15] появляется потому, что наше мышление сталкивается с толкованием того, что выходит за рамки рационального познания. Иначе говоря, то, что Идея Блага находится «по ту сторону бытия», противоречит нашему обычному пониманию того, что существует и что вообще возможно познать. Первый вопрос гласит: как

может существовать Благо и изучаться то, что само не является бытием?

Онтологический парадокс состоит в следующем: если Идея Блага находится за пределами бытия, то мы должны сказать, что она уже не входит в бытие, но в то же время она уже не отдельная сущность, что отрицает её какой-либо, а тем более высший онтологический статус. Следовательно, возникает вопрос о понимании этого над-онтологического статуса Идеи Блага: что это – еще одна из гипербол Платона, которую он в целях саморефлексии вкладывает в уста собеседника Сократа Главкона [16], или же выражению ἐλέκεινα τῆς οὐσίας [17] можно придать какой-то позитивный смысл?

В этой связи следует упомянуть и одну неясность, которая возникает при прочтении текста «Государства». Платоновский Сократ, с одной стороны, говорит о том, что Благо находится по другую сторону бытия, а с другой – отождествляет с ним Благо [18]. Эту неясность мы могли бы разрешить, приняв эти два места как два различных способа описания особенного положения Идеи Блага, которая нахождением за пределами бытия перестает быть бытием, но в то же время «по достоинству и могуществу» превосходит последнее.

Эпистемологический парадокс касается познания Идеи Блага [19]. Всякое познание должно иметь свой предмет познания, в то время как Идея Блага как ἐλέκεινα τῆς οὐσίας, кажется, выходит за рамки этой формулы. С другой стороны, она идентифицируется с тем, что называется μέγιστον μάθημα, где само понятие предполагает её познание и изучение [20].

При рассмотрении эпистемологического парадокса мы сталкиваемся со

следующей проблемой. В «Государстве» Платон нигде конкретно не определяет сущность Идеи Блага, хотя и говорит, что оно является источником существования и познания всего, что лежит в плоскости мышления. Конечно, мы могли бы сказать, что сущность Блага состоит в том, что она превосходит любую сущность, однако таким образом мы несколько не приблизимся к решению, так как очевидно, что сущность Идеи Блага отлична от сущности любой другой идеи. Даже наша речь становится парадоксальной, когда мы стараемся выразить эту мысль, и эта парадоксальность происходит не из-за простой игры слов, а из-за реальных проблем, с которыми сталкиваются наши мышление и речь при необходимости описания того, что находится за гранью возможностей нашего языка.

Однако всё-таки возможно дать позитивное определение отношения Идеи Блага ко всему остальному существующему и познаваемому, и это определение следует из её онтологического статуса. Если мы вернёмся к загадочной формулировке, то найдем ещё один её смысл. Вместо утверждения, что Идея Блага – это не все, что существует, можно сказать, что она ни в коем случае не может быть приравнена ни к какому существующему или даже к тоталитету существующих предметов. При таком объяснении предмет нашего изучения становится яснее и понятнее. Итак, Благо само по себе трансцендирует бытие и познание и таким образом дает возможность любому предмету не только быть познанным, но и существовать.

Равно как солнце, с которым сравнивается Благо, освещает видимые предметы и дарует «жизнь и развитие»,

при том что оно само не имело начала, так же и Благо, не имея бытия, дает не только возможность познания, но и бытия предметам в области ноэсиса. Это вознесение над бытием должно пониматься как то, что Благо является началом и первопричиной существования множества идей. На основании слов самого Сократа [21] можно с уверенностью сказать, что Идея Блага – это основа и принцип существования всего; это источник множества идей, которые и составляют область ноэсиса.

Добавим ещё только, что в диалоге «Федон» [22] приводится гипотеза об идеях как о формальных первопричинах отдельных предметов, причём платоновский Сократ воздерживается от раскрытия всеобъемлющего, телеологического начала, т.е. Блага *per se*. «Государство» – это продолжение рассуждений в «Федоне» в том смысле, что в нём онтологическая иерархия основывается на Идее Блага, которая также определяется как начало, и поэтому имеет онтологический приоритет в отношении ко всему остальному, чему она есть начало. И так как Идея Блага – начало всему, она отличается от всякого другого бытия и в отношении его отделима и трансцендентна.

Кроме абстрактного определения Идеи Блага, согласно которому она является началом всякого познания и бытия, возникает вопрос: можно ли данной идее приписать какой-либо содержательный смысл, который бы показал, почему именно она выполняет эту функцию, и почему именно она является основой для понимания добродетелей и политических институтов? Определённо, Идея Блага олицетворяет ἀρχή абсолютного познания и возможности что-либо познавать, но возникает

вопрос: познаваема ли она сама? Другими словами, что есть Идея Блага?

Итак, мы подходим к вопросу, который назвали эпистемологическим парадоксом. Можно привести по крайней мере два аргумента в пользу непознаваемости Идеи Блага. Первый аргумент состоит в том, что возможности нашего разума, будучи ограниченными и конечными, скорее всего вообще не в состоянии познать то, что находится по ту сторону бытия, то, что находится с той стороны познаваемого мира. А второй аргумент основывается на том, что Платон в «Государстве» постоянно избегает определения Идеи Блага.

Рассмотрим более детально аргументы в пользу познаваемости Идеи Блага. Согласно первому доводу Идея Блага – то, что является «высшим знанием», не может не быть познаваемым. Что касается второго, то в тексте конкретно говорится, что любое другое познание, без познания Идеи Блага, стало бы бесполезным и ненужным [23]. Между тем далее Сократ указывает на «непрочность» человеческого знания, которое «не способно к достаточному пониманию того, что есть Благо» [24]. Однако, чтобы устранить это недоразумение, недостаточно сослаться на несостоятельность этого утверждения в тексте Платона.

Следующий аргумент следует логике вышеприведённого. Если знание о «человеческом бытии» бесполезно без знания об Идее Блага, то правители полисов (короли-философы) в первую очередь должны овладеть именно этим знанием. И далее: так как знание о Высшем Благe требует величайшей тщательности [25], то её можно требовать только от философа. Кроме того, необходимо, чтобы короли-философы

достигли, насколько это возможно, самого глубокого знания об Идее Блага, так как без него невозможно успешно управлять полисом. Иными словами, без знания об Идее Блага «справедливость» действий правителей была бы под вопросом, и это бы разрушило основы, на которых покоится платоновский *καλλίτολις*.

Платон полагает, что все души тяготеют к Благy, которые, не будучи просвещёнными, чувствуют, что в этом познании намеренно скрывается что-то, что под силу постичь только единицам. Эпистемологическое требование, которое Платон ставит перед каждым, – это «величайшая тщательность». И если бы величайшая тщательность, с которой необходимо познать «высшие сущности», была бы недостижима, он не выдвигал бы такое требование.

Необходимо обратить внимание на то, что утверждению о непознаваемости и неопределённости Блага противоречит сам платоновский текст, посвящённый поиску определения понятия Блага. Кроме того, в «Государстве» диалектик описывается как человек, который в состоянии определить понятие Идеи Блага, а именно отделить его от всего остального [26]. Подчеркивается, что знание Блага является необходимым условием всякого мудрого деяния, а несведущий в Благe не в состоянии поступать мудро [27].

Внимательно присмотревшись к сочинению Платона, становится очевидным, что Сократ «выплачивает» своим собеседникам большую «долю» [28], чем обещал в начале разговора об Идее Блага. И если существуют какие-либо резервы в исследовании платоновского отношения к познаваемости, то их необходимо воспринимать осмотрительно в

подходе к такому познанию, уделяя особенное внимание постепенной и методичной подготовке к овладению им.

Возникает вопрос: если мы утвердились в нашей интерпретивной гипотезе о познаваемости Идеи Блага, то даёт ли вообще Платон ее определение и если да, то как он это делает?

Ответ на этот вопрос можно найти в разделах, которые следуют за разделами, где Платон предупреждает о неполноте изложения размышлений о Блага. Несмотря на то, что на первый взгляд кажется, что Платон воздерживается от чёткого определения Блага самого по себе [29], всё же он выводит важное положение об отношении единого и множества в созидании идеи, и далее с помощью идеи, имеющей «единственное бытие», он определяет множество одноимённых предметов, заключённых в ней. Говоря об идее как таковой, конкретизируя её Идеей Блага и основываясь на фундаментальной функции «Блага самого по себе», мы можем сделать вывод о том, что идея является тем объединяющим или единым, которое как абсолютная Идея трансцендирует множество других идей.

Об этом говорят и аллегорично написанные строки из мифа о пещере, в котором солнце сравнивается с Благом и представляет собой некое Единое, которое трансцендирует множество звёзд [30]. Таким образом, при чтении «Государства», несмотря на то, что подобное утверждение отсутствует в тексте, мы можем сделать вывод о том, что Идея Блага – это Единое, которое находится над множеством единичных идей как абсолютная идея. В этой связи возникает вопрос: дошли бы мы до такой интерпретации, если бы нам на это не указали свидетельства платоновской *ἄγραφα δόγματα*?

Платон говорит об иерархизированном онтологическом порядке, который нельзя свести к упрощённой картине о двух отдельных и ничем не связанных мирах. Комплексные, порядковые отношения являются парадигмой для понимания подведения многих единичных предметов под одну идею, а также понимания взаимоотношений множества идей и единой абсолютной идеи – Идеи «Блага самого по себе». Между «светом» Блага и «мраком» в тени пещеры, между отражающим и отражением в воде существует большое количество переходных ступеней, которые дают возможность точнее дифференцировать понятия и дать полное, всеобъемлющее описание различных отношений.

Платоновская Идея Блага имеет не только фундаментальный онтологический, но и гносеологический и аксиологический аспекты. Благо как Единое – это «образец», согласно которому требуется упорядочить отношения между государством и индивидуумом. Мысль о единстве присуща платоновскому представлению о законах, которые соединяют интересы различных групп индивидуумов в неделимую целостность и препятствуют произвольному принятию ими решений на основании личных интересов индивидуума и различных, диаметрально противоположных целей групп индивидуумов. Самое большое благо для государства – это связанность и единство индивидуумов и их групп, а величайшая добродетель индивидуума – это гармоничность и собранность «частей» его души.

Следующий шаг в нашем исследовании после познания Идеи Блага – это рассмотрение вопроса о виде познания, о котором здесь идёт речь.

Следует признать, что отношения диалектики и ноэтического знания [31] намного сложнее, чем мы можем изложить в этой статье. Прежде всего мы остановимся на роли диалектики и νόησις в познании Идеи Блага.

Метод, описанный в конце шестой книги «Государства», представляет собой описание дискурсивного, диалектического знания, где посредством доказательства (λόγοι) мы поднимаемся до беспредпосылочного начала, которым является Идея Блага. С другой стороны, в употреблении синтагмы «созерцание Блага» уже заложена рекомендация к познанию Блага непосредственно путём размышления и созерцания. Для того чтобы попробовать ответить на поставленный вопрос, необходимо понять, что конкретно Платон подразумевал под одним и другим знанием, а потом выяснить, действительно ли он считал их двумя различными видами знания, которые друг друга исключают или же дополняют.

Если «второе плавание» в «Федоне» мы назовём первой трансценденцией, так как она представляет собой переход от изменчивого мира к миру идей, то вознесение к «созерцанию» Идеи Блага мы можем назвать второй трансценденцией, которая помогает заглянуть за границы οὐσία. Это описание не представляет никакого мистического знания, хотя может отдаленно напоминать мистические практики, которые превозносят любые предметы и их сущность.

Из сказанного выше становится очевидным, что дискурсивное описание не подходит для описания такого рода знания в первую очередь из-за своей образной [32], а не аналитической сути.

Структура ноэтического знания похожа на чувственное ощущение, превосходящее непосредственностью и целостностью содержания, которое Платон часто именуется как «рассматривание» или «умопостижение». Для ноэтического мышления характерен и момент «неожиданности» (ἐξαίφνης) или выхода из времени, другими словами, это момент непосредственного созерцания, неожиданно появляющегося и прерывающего цепь времени.

Диалектико-дискурсивное знание обладает систематическими и синоптическими свойствами [33], и именно с помощью него следует постигать предметы в их связанности между собой. Синоптический, а именно обобщающий, характер диалектического знания [34] находит свой онтологический эквивалент в «едином» бытии Идеи Блага, которая состоит из множества отдельно взятых идей. Данная платоновская эпистемологическая точка зрения имела значительные политические последствия.

Согласно Платону, только философы, исходя из своей способности видеть сущность как единое во множестве её проявлений, могут сформировать единое государство [35]. В этой связи мы можем утверждать, что существует параллель между тремя плоскостями: онтологической, точнее Идеей Блага как Единым, гносеологической, т.е. объединяющим и синтетическим диалектическим знанием, и нормативной, идеалом общности души индивидуума и полиса.

Несмотря на то, что диалектика сильно отличается от νόησις-а своим дискурсивным характером, они занимают одним и тем же предметом — идеями. Платоновское описание диалек-

тики в шестой книге «Государства» вызывает некоторые некорректные интерпретации. Его Сократ утверждает, что метод, основывающийся на λόγοι, а не на чувственных копиях, начавшись с идей, дошёл до самих идей. Отбросим пока последнюю половину предыдущего предложения и зададимся вопросом: а не является ли λόγοι одним из видов таких копий, точнее говоря, отражением нашего когнитивного восприятия? Ответ будет «да», но λόγοι, на котором основывается философия, ссылается на идеи, и поэтому «путь восхождения» познания, описанный в конце шестой книги, – это процесс диалектично-дискурсивного определения идеи. Метод определения идеи подразумевает переосмысление и более подробное рассмотрение различных предположений, а также принятие или отклонение таковых с целью достижения беспредпосылочного ἀρχή. И тут мы сталкиваемся с вопросом: можно ли познание идеи свести всего лишь к диалектично-дискурсивному познанию? Опираясь на труды Платона, к такому заключению весьма трудно прийти, даже если мы изначально не верим в аутентичность Седьмого письма. Поэтому сейчас можно вернуться ко второй половине предложения, которую мы на мгновение оставили.

В шестой книге диалектический метод «путем восхождения» ведет к познанию «Блага самого по себе», цель которого – «созерцание Блага». Другими словами, диалектика посредством λόγοι дает возможность постижения высшего «предмета», который можно познать. А он познается именно ноэтическим, непосредственным путем, который подразумевает долгую подготовку, окольный

путь исследований и доказательств. Кстати, стоит упомянуть, что слово «логос» в данном контексте употреблено в двух коннотациях: оно обозначает определение идеальных сущностей, а также доказательство приведённых суждений. Кроме того, этим словом подчёркивается дискурсивно-рациональный компонент в познании «самого по себе» [36].

В описании νόησις-а преобладает другой «логос» – не «логос» доказательно-рационального типа, а «логос» сравнений и метафор, с помощью которого знание становится приметнее. Визуальные метафоры доминируют как в аналогии с солнцем, так и в описании ноэтического знания: оно сравнивается с «искрой», высвечивающейся в человеческой душе удивительной картиной, которая прерывает цепь дискурсивного рассуждения и сталкивает нас с истиной о предмете, о котором мы так долго размышляли и рассуждали. Νόησις описывается не только визуальными метафорами, Платон также использует более наглядные метафоры, исходящие из нашего тактильного опыта, из «осязаемого», которые являются более понятными для человеческого восприятия, чем визуальные объекты. Например, в одном эллиптическом и содержательном описании умственного познания [37] любитель знания (φιλομαθής), освобождаясь от множества, прикасается к истинной природе бытия, чтобы в конце концов, будучи преисполненным эросом, присоединиться к высшему «истинному бытию» (τὸ ὄντως ὄν), «Благу самому по себе».

В конце следовало бы подвести некоторые итоги нашего исследования Идеи Блага в диалоге «Государство», при этом необходимо подчеркнуть, что

автор дал только три из всех возможных ответа на поставленные вопросы. Очевидно, что каждой из указанных проблем можно посвятить отдельное исследование, особенно если рассматривать каждую из них в более широком контексте платоновской философии. Парадоксальность онтологии Идеи Блага состоит в том, что она, с одной стороны, сама истинная форма бытия, а с другой – лежит вне всякого бытия, и кажется, что она совсем им не является. Смысл того, что Идея Блага находится «по ту сторону бытия» в том, что она трансцендирует все сущее и познание, даёт возможность всем этим сущностям быть и подлежать познанию. Познание Идеи Блага, несмотря на отсутствие чёткого определения такового, необходимо, прежде всего, потому, что без этого знания остальные знания бессмысленны, а также потому, что без него ни один правитель не смог бы стать философом и мудро править. В конце шестой книги «Государства» «путь восхождения» – это диалектико-дискурсивный путь формирования идеи, который завершается непосредственным созерцанием Блага.

Из нашего исследования выяснилось, что метафизическая дискуссия об Идее Блага – это не маргинальный, не преувеличенный и даже не обособленный сегмент платоновской философии; она неотъемлемо связана с учением о добродетелях и с теорией идей Платона.

Часто возникает вопрос: говорит ли Платон что-либо содержательное о Благе или же он даёт только некоторую абстрактную дефиницию? Каким «самым тщательным» образом изученное знание, в отличие от других знаний, может принести пользу философам-

правителям? Знания, которыми, по мнению Платона, должны обладать философы-правители, не имеют узкотехнический или прагматический характер, но должны через различные формы опосредования дать возможность философу реализовываться так, чтобы достичь истинной сути, при этом не потеряв способности видеть конкретные ситуации, в которых принимаются решения личностного или общественного значения. Только посредством «долгого» и «усердного» возвышения с целью постижения самых абстрактных знаний из таких наук, как математика и диалектика, можно заложить фундамент к пониманию других наук, в том числе и этических, и политических. Из этого следует, что пайдейтический процесс правителя-философа – это поэтапный путь возвышения через овладение глубочайшими знаниями, только благодаря которым справедливое и благородное правление станет возможным. Ведь от правителя всегда ожидается нечто большее, нежели технический опыт или обыденное принятие решений.

В целом платоновский текст изобилует целым рядом весьма остроумных мнений, которые проистекают из внимательного наблюдения над реальными случаями и обстоятельствами, а также из точного представления о том, что в действительности необходимо заметить, отделить и описать.

Давая такие абстрактные, почти схематичные ответы, Платон ни разу не отвергает ни чувственную множественность, ни этический характер общественных явлений, но даёт возможность лучше в них разобраться и точнее понять их основы. Часто указывая на человеческую неспособность сор-

ентироваться во множестве различных феноменов, Платон говорит, что единое не видится непосредственно, но скрывается за вездесущей множествен-

ностью, а задача философа состоит как раз в том, чтобы открыть те общие, скрытые структуры, на которых и основывается реальность.

Библиографические ссылки

1. Popper K. The Open Society and its Enemies. Vol. 1. London, 1966. P. 103.
2. Shorey P. The Idea of the Good in Plato's Republic // University of Chicago Studies in Classical Philology. Vol. 1. 1895. P. 188 – 239.
3. Popper K. The Open Society and its Enemies. Vol. 1. London, 1966. P. 146.
4. Crombie I.M. An Examination of Plato's Doctrines. P. 103 – 133.
5. Annas J. Plato's Ethics Old and New. Cornell, 1999.
6. Gadamer H.G. Die Idee des Guten zwischen Plato und Aristoteles // Gesammelte Werke, Bd. 7, Griechische Philosophie III, Tübingen, 1991. S. 128 – 227.
7. Gaiser K. Platons Ungeschriebene Lehre. Studien zur systematischen Begründung der Wissenschaften in der Platonischen Schule. Stuttgart, 1967. S. 91 – 95.
8. Krämer H. Arete bei Platon und Aristoteles. Zum Wesen und zur Geschichte der platonischen Ontologie, Heidelberg, 1959. S. 83 – 118 ; „Die Idee des Guten. Sonnen- und Liniengleichnis (Buch VI 504a-511e)“ // Platon. Politeia, hrsg. von Otfried Höffe, Berlin, 1997. S. 179 – 203.
9. Reale G. Zu einer neuen Interpretation Platons. Eine Auslegung der großen Dialoge im Lichte der „ungeschriebenen Lehre“ Paderborn, 1993. S. 257 – 291.
10. Szlezák T.A. Das Höhlengleichnis (Buch VII 514a-521b und 539-541b) // Platon. Politeia, hrsg. von Otfried Höffe. Berlin, 1997. S. 205 – 228.
11. Halfwassen J. Der Aufstieg zum Einen. Untersuchungen zu Platon und Plotin. Stuttgart, 1992. S. 220 – 264.
12. Resp. 506e.
13. Центральные книги «Государства» не представляют собой отдельное, исчерпывающее рассмотрение вопроса о Благе в рамках всего труда. В начале объяснения Идеи Блага платоновский Сократ не решает сказать, что она есть сама по себе. Эта позиция Платона может иметь несколько объяснений. Во-первых, подступать к этому важнейшему вопросу требуется с максимально возможной осмотрительностью. Во-вторых, быть может, Платон этим указывает на более целостное объяснение в своих устных лекциях в Академии.
14. Понятие οὐσία в философии Платона имеет широкий спектр значений. Оно, как и немецкое слово „Wesen“, означает и сущность, и бытие. В связи с понятием οὐσία у Платона см.: R. Marten. ΟΥΣΙΑ im Denken Platons. Meisenheim. 1962.
15. Самый большой парадокс, по Фридлендеру (P. Friedländer), в том, что само Благо не есть бытие, но «по ту сторону бытия» (см.: P. Friedländer. Platon I. Berlin. 1975, S. 67).

16. Высказывание Главкона, на самом деле представляющее собой комментарий на утверждение Сократа, которое на греческом звучит как Ἀπόλλων, εἶφη, δαιμονίας ὑπερβολῆς. В своих текстах Н. Krämer («Die Idee des Guten. Sonnen- und Liniengleichnis», s. 192) и G. Reale (s. 276 – 277) указывают на семантические импликации богатой этимологии греческого слова Ἀπόλλων. Это имя, когда раскладывается Alpha privatum i πόλλων, этимологически может пониматься как «не-множество». Еще Плотин обратил внимание на историческое и языковое происхождение этого слова, которое находится в тесной связи с фундаментальным понятием его философии – понятием Единого. По информативному и красноречивому свидетельству Плотина, Απολλ – это имя символичное, пифагорейцы им обозначали Единое как негацию (α) множества (πόλλων) (ср.: Plotin. Eneade. V. S. 5, 6). Интерпретацией Платона со стороны «неписанного учения» его философия значительно приближается к платиновской, при этом необходимо учитывать важные, субличные различия между понятиями этих мыслителей. Также необходимо избегать введение понятий, которые связаны исключительно с Платином, в толкование платоновской философии, как это обычно делают многие интерпретаторы, увлеченные бросающимися в глаза аналогиями.

17. Большое количество текстов посвящено толкованию этой загадочной синтагмы. Один из классических текстов на эту тему – работа Н. Krämer «ΕΠΕΚΕΙΝΑ ΤΗΣ ΟΥΣΙΑΣ», в которой автор интерпретирует синтагму со стороны платоновских ἀγραφα δόγματα (ср.: Н. Krämer. ΕΠΕΚΕΙΝΑ ΤΗΣ ΟΥΣΙΑΣ. Zu Platon. Politeia 509b, у: Archiv für Geschichte der Philosophie 51 (1969). S. 1 – 30.

18. Resp. 526e, 532c. Эту мысль развил Августин. (St. Augustine. Confessions / пер. J.K. Ryan. New York, 1960. В. VII, chap. 12).

19. Между знатоками и экспертами в области платоновской философии бытуют различные противоречивые мнения в отношении эпистемологического статуса Идеи Блага. От интерпретации, по которой познание Идеи Блага в принципе невозможно, при том, что оно находится вне бытия (С.Ј. de Vogel. Rethinking Plato and Platonism. Leiden, 1988. S. 45 – 50), через толкование, которое гласит: при условии, что Идея Блага беспредметна, ее все-таки можно познать, но только посредством, с помощью сравнений и образов, а не систематическим понятийным изложением (W. Wieland. Platon und die Formen des Wissens. Göttingen, 1982. S. 48, 196), до интерпретации, где Благо познается интеллектуальным созерцанием, которое постигается постепенным диалектическим исследованием (Н.Н. Krämer. Über die Zusammenhag von Prinzipienlehre und Dialektik bei Platon. Zur Definition des Dialektikers: Politeia 534b-c, у: Philologus 110 (1966). S. 35 – 70, Halfwassen, Der Aufstieg zum Einen, 1994. S. 226 – 236).

20. Познание и изучение не обязательно являются понятиями, которые идут вместе. Возможно, например, что-либо интуитивно познать, но само знание невозможно передать дискурсивно. «Величайшее учение» – это учение об Идее Блага, она не может быть не изучаема.

21. Resp. 511 b.

22. Гадамер совершенно верно замечает, что и в «Федоне», и в «Государстве», и даже в позднем «Филебе» дискуссия переходит из «узкой области» человеческого блага, или благополучия, и идет к рассмотрению универсальных онтологических вопросов. (H.G. Gadamer. Die Idee des Guten zwischen Plato und Aristoteles. S. 179 – 180).
23. Resp. 505b.
24. Ibid. 505e.
25. Ibid. 504e.
26. Ibid. 534 b-d.
27. Ibid. 517c.
28. Какой вывод можно сделать из этой экономической метафоры о долях? Диалог, к которому Сократ приглашает своих собеседников в связи с Идеей Блага, основывается на некой «главной части», доли которой они и получают. Может быть, этим Платон указывает на главный диалог об Идее Блага, который выходит за рамки «Государства».
29. Resp. 506e.
30. Resp. 516a.9. Немногим позже в тексте описывается онтологическая иерархия энтитетов «самих по себе». На дне лестницы находятся живые существа «сами по себе», потом – звезды «сами по себе», а наверху лестницы – солнце «само по себе» (Ibid. 532a4).
31. Об отношении ноэтического и дианоэтического знания написаны многочисленные труды. Самый значительный из них – книга Klaus Oehler «Die Lehre vom noethischen und dianoethischen Denken bei Platon und Aristoteles» (München, 1962).
32. Resp. 508c1-2, Phd. 79, Smp. 210e, 211de, Resp. 490b, 533d, 540d.
33. Resp. 531c6-7.
34. Способность в одно и то же время созерцать множество различных феноменов в их связи характерно не только для познания Блага, но и для любого другого диалектического познания (Resp. 537c, Phd. 266b).
35. Resp. 520a.
36. Не ставит ли Платон под вопрос преобладающий рациональный характер своей философии тем, что ноэзис, который в определенной степени похож на мистический опыт, играет важную роль в его понимании познания? На этот вопрос можно ответить отрицательно, но факт и в том, что плодоносная «интерпретация» платоновской речи об Идее Блага и νόησις была достаточно влиятельна в последующей философии неоплатонизма и христианского мистицизма.
37. Resp. 490b. В своей лекции „Aristotle and Pre-Socratics”, прочитанной в Белграде 28 ноября 2003 г., Thomas M. Robinson указывает на три метафоры в динамичном описании νόησις: ἀφή, ὄψις, μίξις, из которых последнюю он интерпретирует как половое общение. Лекция Робинсона в некоторой степени похожа на лекции Корнфорда, который также выделяет, что метафоры полового общения важны для понимания того, что есть Благо. (Ср. F.M. Cornford. Mathematic and Dialectic in the Republic VI-VII // Studies in Plato's Metaphysics, ed. by R. E. Allen, London, 1965. P. 93).

J. DOUBLE PARADOX: PLATO ON THE FORM OF GOOD

In this paper the author attempts to her own stance in the much-discussed problem on the ontological and epistemological status of the Form of Good, as well as its significance and relevance in Plato's philosophy. In this context, it is important to be aware of the double paradox: ontological and epistemological. The ontological should be articulated as following: if the Form of Good is beyond Being, then seems that it is not, whereby it is apparently deprived of any ontological status. The second paradox refers to knowability of the Form of Good. All kinds of knowledge has something as their knowledge, while it seems that the Form Good as *epekeina tes ousias* exceeds any knowledge. On the other hand, it is identified with *megiston mathema*, whereby its knowability is presupposed.

Keywords: Plato, Form of Good, ontological and epistemological paradox.

УДК 2-12

Е.И. Аринин

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Термин «толерантность» распространился в отечественной гуманитарной культуре только в XXI веке. Философско-религиоведческий анализ выявляет связи «толерантной религиозности» с проблемами формирования конфессиональной идентичности. Наблюдается конфликт интерпретаций понятия толерантности в различных идентификационных проектах.

Ключевые слова: толерантность, философское религиоведение, философия религии, идентичность и идентификация.

Слово «толерантность» среди других слов, обозначающих нормативность некоторого «идеала сосуществования» в социальных системах (терпимость, веротерпимость), является наиболее востребованным в современном Интернете, где, к примеру, в поисковой системе Google на 16 июня 2014 года можно было найти около 1 030 000 документов по теме «толерантность» («терпимость» – 468 000, а

«веротерпимость» – 121 000). Данный термин появился в русском языке в либеральных изданиях XIX века [32]. Так, к примеру, М.М. Стасюлевич в «Опыте исторического обзора главных систем философии истории», опубликованном в 1866 году, писал: «Как же следует действовать и мыслить, чтобы не нарушать справедливости в этом мире? Tolerance – вот главное правило того, кто действует

там, где все ошибаются» [28]. Вместе с тем исследования показывают, что эта «лексическая единица» не зафиксирована ни в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, ни в других толковых словарях XVIII – XIX веков [1]. Данное слово на русский язык обычно переводилось как «терпимость», семантическая специфика которого понималась следующим образом: «терпеливый начальник, учитель, спокойный, рассудительный, великодушный, снисходительный», «в терпении является сила и величие духа, терпение же есть признак кротости, смирения, снисхождения», тогда как нетерпение – «спешливость, непостоянство, опрометчивость, горячность, запальчивость, требовательность» [11, с. 402]. Содержательная статья «Терпимость, понятие» Э. Радлова в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона фокусируется преимущественно на веротерпимости, ставшей актуальной в свете Указа «Об Укреплении Начал Веротерпимости» от 17 апреля 1905 года [24].

Специфика семантики отечественного слова «терпимость» характеризуется тем, что в каталоге Российской национальной библиотеки нашлось только 14 книг со словом «терпимость» в заглавии, причем из них ровно половина оказалась изданиями XIX века, среди которых только книга В. Берви-Флевровского «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» имела гуманитарный характер, тогда как остальные шесть посвящены «санитарному состоянию домов терпимости», а семь книг 1990 – 2000-х годов – проблемам

межрелигиозных отношений [21, с. 68 – 69]. Важную роль в распространении термина в начале XXI века сыграли «Декларация принципов толерантности» ЮНЕСКО (1995) и тот факт, что Правительство РФ 28 августа 2001 года приняло Федеральную программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (2001 – 2002 гг.). В Уральском межрегиональном институте общественных наук в эти же годы возник проект «Проблема толерантности в современной цивилизации», начались исследования по данной проблематике в филологии, педагогике, психологии, философии, социологии и истории во многих городах России.

Слово «толерантность» происходит от лат. *tolerantia* (терпение, терпимость), при этом в нем выделяют три основных значения, первые два из которых сегодня могут показаться непривычными: 1) иммунологическое состояние организма, при котором он неспособен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена при сохранении иммунной реактивности к другим антигенам. Проблема толерантности имеет значение при пересадке органов и тканей; 2) способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора среды; 3) терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению [33]. В современном Интернете можно обнаружить, что данные значения имеют целый спектр смысловых коннотаций, который можно свести к двум большим группам «медико-физиологического» (1 – 3) и «социально-этического» характера (4 – 20):

1) выносливость по отношению к неблагоприятным эмоциональным факторам;

2) отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию;

3) привыкание организма к воздействию какого-либо агента (например, химического вещества), так что вводимая доза уже не производит желаемого эффекта и ее приходится повышать;

4) неосуждение, терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям;

5) терпимость по отношению к критике другими своих идей, позиций, действий и т. д.;

6) непредубежденность в оценке людей и событий;

7) умение спокойно, без враждебности воспринимать чужие взгляды, убеждения, традиции, характеры, культуру и религию;

8) уважение и признание равенства «других», отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм поведения, отказ от сведения многообразия к единому целому и преобладанию какой-либо одной точки зрения;

9) принятие другого таким, какой он есть;

10) уважение прав каждого человека;

11) признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность;

12) умение принять, стерпеть не-

13) умение принимать «другое» без протеста;

14) позволение «другому» существовать;

15) прекращение состояния ссоры, вражды с кем-либо;

16) активное отношение к «другому», подразумевающее сознательное признание прав и свобод «другого», деятельное допущение существования другого;

17) крайняя степень бесчувствия, патологическое отсутствие реакции на унижения, притеснения, этноцид и геноцид народа, к которому принадлежишь, т.е. преступная и опасная «терпимость к врагам»;

18) спокойное, снисходительное отношение к недолжному;

19) выжидание, перенесение неприятного;

20) непротивление, смирение [1; 9, 37 – 39; 41].

Филологи в целом выделяют два «лексико-семантических варианта», один из которых принадлежит полю «свойство, качество», а другой – полю «отношение». В первом случае актуализирован психологический аспект понятия, выражается внутреннее свойство личности: способность относиться к числу высоких душевных качеств наряду с такими близкими категориями, как великодушие, добро, сердечность, чуткость, отзывчивость, душевность, смирение, мягкость, готовность помочь. Второе понимание терпимости представляет собой отношение: «терпимое, мягкое отношение к слабостям и недостаткам другого», что носит характер амбивалентности: терпимость может быть со знаком «плюс» (терпи-

мость к чужому мнению, к неудобствам) и со знаком «минус» (равнодушное отношение к беспорядку, преступлению, нарушению норм общественной морали) [20].

Второе понимание коррелирует с «христианскими заповедями возлюбить ближнего своего, не противиться злу, нести свой крест», хотя такое отношение нередко не распространялось на «еретиков», тогда как в «советском тоталитарном государстве толерантность как уважение к людям других политических взглядов, терпимость к иному мировоззрению, иной вере, иному мнению считалась недопустимым качеством», что, возможно, и стало причиной почти «полного отсутствия слова "толерантность" в толковых словарях советской эпохи», поскольку именно словари «были проводниками языковой политики государства, слово, представляющее идеологическую опасность, не должно было включаться в лексикон рядовых носителей языка» [20].

Наряду с эволюцией социально-этического значения слова «толерантность» оно в XX веке распространяется как технический термин в физиологии и медицине, и только в XXI веке «слово "толерантность" буквально вошло в научный язык» [21, с. 63 – 70]. Б.И. Аболин полагает, что «впервые данная лексема появляется в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова 1940 года и трактуется как «отвлеченное существительное к 'толерантный', 'терпимость', при этом слово 'толерантность' снабжено пометой 'книжное'». Присутствует оно и в «Словаре иностранных слов», объясня-

ясь как «терпимость к чужим мнениям и верованиям» [1; 20, с. 691]. Затем оно приводится в Большом академическом словаре 1963 года, где уже имеет помету «устар.», а помета «книжн.» отсутствует [1]. Так, едва став «книжным», слово превратилось в «устаревшее», поскольку нетерпимость и непримиримость в этот период были более привлекательны для идеологической политики власти.

Действительно широкое распространение в русском языке слово «толерантность», как полагает Л.В. Никифорова, фактически получает только в XXI веке, поскольку даже в переводах на русский язык международных правовых документов (ООН, Совета Европы, ОБСЕ, СНГ) вплоть до 2002 года термин «толерантность» не звучал, это слово «еще царапало слух, несло в себе какой-то механический оттенок и нуждалось в уточнении», его переводили как «терпимость» [21, с. 63 – 70]. К примеру, важнейший международный документ – «Декларация принципов толерантности», утвержденный резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года, – даже на официальном сайте бюро ЮНЕСКО в Москве размещен под названием «Декларация принципов терпимости», а в самом тексте документа не встречается слово «толерантность» [12]. Иначе, т.е. именно как «Декларация принципов толерантности», название документа было позднее переведено на сайте проекта «Толерантность» [13].

Именно в последние 10 лет, практически на наших глазах, происходит конструирование новых семан-

тических полей данного термина, заимствованного русской лексической системой из международного социально-политического, этического и юридического лексикона. Идет напряженная «борьба текстов» вокруг его значений, дифференцируются смысловые оттенки, обогащающие его как положительными, так и отрицательными коннотациями, отражающими реалии современного отечественного социокультурного контекста. В таких условиях естественно, что привычный перевод слова «толерантность» словом «терпимость» далек, как показывают Л.В. Никифорова и другие филологи, от корректности, поскольку отражает только часть аспектов сложившихся коннотаций в русском и европейских языках, неотделимых от развития русской и европейских культур [21, с. 63 – 70; 14, с. 25].

Обращение к культурно-историческому контексту помогает понять происхождение этимологических и семантических аспектов термина «толерантность», возникающего на основе латинского существительного «tolerantia», производного от глагола «tolerare» (нести, держать, сносить, терпеть, выносить), подчеркивающего момент «выдержки», т.е. «удержания» ситуации. Таким образом, терпимость и терпение объединяются как «выживание, перенесение неприятного», но различаются по ситуативной семантике: «терпение» – физический процесс организма, а «терпимость» – душевное, психическое состояние, т.е. «tolerantia», или «выдержка», коррелирует «с силами души, в то время как patientia – к терпению тела» [38, с. 12].

В происходящих от латыни европейских языках «толерантность» переводится преимущественно как «веротерпимость», «лояльное отношение к чужой религии», «допущение религиозной свободы», в то время как в русском языке, в культурном контексте которого отсутствовали коннотации легитимного сосуществования религиозных «схизм» (как, к примеру, католиков и протестантов в Европе), его понимали в более широком смысле как «способность мириться с чем-либо неприятным», «спокойное, снисходительное отношение к недолжному» [1]. Синонимом здесь является слово «indulgence» («Declaration of Indulgence», в русской версии – «Декларация религиозной терпимости» в Англии, 1672), имеющее значения «снисхождение», «потакание», «привилегия», «милость» [45]. Так, к примеру, «Большой англо-русский словарь» приводит термины «indulgence» и «tolerance», первый из которых переводится как «снисхождение, снисходительность, терпимость»; «потворство, потакание, поблажка»; «потворство своим желанием, потакание своим слабостям»; «привилегия, милость»; церковное «индульгенция, отпущение грехов»; коммерческое «отсрочка платежа», а второй – как «терпимость»; финансовое «допустимое отклонение от стандартного размера и веса монеты»; технический «допуск» и медицинское «устойчивость» [4, с. 497, 1010].

В Оксфордском словаре английской этимологии возникновение «tolerance» относится к XV веку, а «tolerantion» – к XVI веку, причем в XV веке оно использовалось еще в смысле «выносливость», «способность переносить».

силь боль». В XVI веке добавляются значения «позволение», «сдержанность», «воздержанность», приобретаая в Германии значение «уступка в вопросе о религиозной свободе», обозначая возможность выбора между католичеством и лютеранством. В XVII веке термин начинает пониматься в широком смысле как возможность отправления независимого (негосударственного, неофициального) религиозного культа, его употребление можно встретить, например, в знаменитом «Послании о веротерпимости» Дж. Локка («*Letters Concerning Toleration*», 1689 – 92), навеянном столетием религиозных войн в Европе между католиками и протестантами (1524 – 1648). С этого периода слово «tolerance» ассоциируется преимущественно с идеей веротерпимости [48, с. 568 – 569].

Современная ситуация с ее этническими, религиозными и социальными конфликтами, противоречивыми тенденциями к обретению собственной идентичности перед лицом вызовов глобализации и мультикультурализма, сделали востребованным именно термин «толерантность», который оказался на острие борьбы вокруг особого и пока еще не утвердившегося в общественном сознании феномена, который для одних стал обозначением цивилизационных ценностей «конструктивного диалога» и «уважения позиций и интересов людей другой культурной, национальной, религиозной или социальной среды», тогда как для других – воплощением «антиценностей», «предательством», «приспособленчеством» [22] или даже обозначением агрессивной экспансии «либералов-безбож-

ников», «толерастов», «сатанизма» и «пропаганды греха» [31, 32, 6, 9].

Концептуальный анализ показывает проблематичность толерантности, риторика которой порой позволяет дистанцироваться от детального анализа противоречивости реальных процессов современности, вопросов культурной несовместимости, когда «призыв быть толерантными вообще, со всей той степенью абстрактности, которой это слово наделено сейчас в нашем языке, означает необходимость принимать не только Другого, но вообще любые новые воздействия», предполагая наличие компетентных экспертов, «которые эти различия будут конституировать, провоцировать, сигнифицировать», что, однако, может угрожать последствиями, явными в контексте физиологического значения этого термина, где «иммунологическую толерантность называют иммунологической безответственностью или ареактивностью» [21, с. 66 – 70]. Иначе говоря, толерантность сталкивается с обострившейся в последние годы проблематикой сепаратизма национально-региональных элит, утраты идентичности и роста миграции.

В таком контексте необходимо систематизировать существующие исследовательские подходы, основанием для которых служит «Декларация принципов толерантности», где приводится определение понятия и термина «толерантность»:

1.1. Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений челове-

ческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира.

1.2. Толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства.

1.3. Толерантность – это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Толерантность – это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных актах в области прав человека.

1.4. Проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе

различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим [13].

Концептуально толерантность характеризуется фундаментальной «апорией», состоящей в том, что «толерантным» признается человек, который, однако, «нетолерантен к нетолерантности», выступающей как убеждение того или иного члена сообщества в истинности только своего мировосприятия и поведения, исторически связывавшегося с конфессиональной идентичностью или идеологией. Ю. Хабермас полагает, что решение этого парадокса требует умения обращаться к плану «двусторонней перспективы», когда от участников коммуникации требуется умение вообразить себе «перспективу другой стороны» и признание самой возможности сотрудничества «по поиску истины», т.е. согласие в том, что истина носит открытый характер, не принадлежа ни одной из сторон «по природе». Разногласия в обществе неустраимы, однако разногласия разногласиям рознь и если дискуссии в теологии или науке предполагают возможность обретения той или иной согласованности в понимании «научной истины» или «верности традициям предков», то в тех случаях, когда дело касается разногласий с фашистами, расистами, педофилами и т.п., то толерантное отношение оказывается невозможным, поскольку при этом «мы осуществляем критику предрассудков и предубеж-

дений и боремся против дискриминации, а не за "толерантность" для подобающего ответа» [35].

Философские аспекты толерантности исследуют многие авторы [5, с. 75 – 76; 35; 37 – 39], однако в религиозной справочной литературе этот термин, утвердившийся в Европе именно в контексте межконфессиональных противостояний, либо вообще не используется [44; 11], либо заменяется термином «веротерпимость» [7, с. 198; 49, с. 532 – 533], либо просто определяется через последний [30, с. 220]. В этой связи необходимо обратиться к проблематике дискуссии Ю. Хабермаса с кардиналом Йозефом Ратцингером, Папой Римским Бенедиктом XVI, где Хабермас утверждал, что сейчас необходим переход к «постсекулярному» обществу, основой которого станет новый тип коммуникации, «двусторонний процесс обучения», в котором секулярное общество сможет «обогатиться» религиозными понятиями для укрепления мотивации, а Ратцингер в ответ на это отмечал, что в современных условиях невозможно сконструировать некую универсальную модель взглядов, которая обусловила бы развитие всего мирового сообщества, и, соответственно, более реалистичным является признание «культурной полифонии» [36, с. 61 – 65, 102 – 103].

Важно упомянуть и Н. Лумана, участника другой известной дискуссии с Ю. Хабермасом, в котором признают «крупнейшего социолога и правоведа современности» [23], причем «социологов такого масштаба после Второй мировой войны было совсем немного, и ничто не предвещает появления в ближайшем будущем фигуры даже не рав-

новеликой, а хотя бы только сопоставимой с ним по дарованию и продуктивности» [34, с. 234 – 236]. Луман утверждал, что «людей невозможно распределить по функциональным системам так, чтобы каждый из них принадлежал только к одной системе, т.е. участвовал бы только в праве, но не в экономике, только в политике, но не в воспитательной системе» [15, с. 171]. Основные дифференциации лежат уже не столько между «личностью» и «другими», но внутри самой личности, когда толерантность становится внутренним ситуативным выбором, к примеру, между собой-отцом, собой-сыном, собой-воспитателем, собой-философом, собой-гражданином или собой-верующим. Иначе говоря, члены любой религиозной общины не могут быть отделены от государства, так как они являются не только членами такой функциональной социальной подсистемы, как религия, но и всех других подсистем общества и, более того, всего мирового сообщества с его СМИ, светской наукой, экономикой и нормами международного права.

Луман полагал, что «функциональные системы представляют собой самозаменяющиеся упорядоченности», причем «каждая система предполагает, что другие функции выполняются где-либо еще», а потому «не существует и возможностей какого-то взаимного управления, ведь это до определенной степени подразумевало бы передачу функций» и соответственно «то, что Шиллер констатирует для отношений политики с искусством или наукой, прототипически годится для всех внутрисистемных связей: "Полити-

ческий законодатель может отгородить эту область, но господствовать в ней он не в силах», т.е. «в отношениях функциональных систем друг к другу может присутствовать деструкция – в той мере, в какой они зависят друг от друга, – но не инструкция» [15, с. 179]. В таких обстоятельствах «тот, кто в общении ориентирован на истину (упорядочивающее средство для научного общения и научных текстов), не способен понять того, кто ориентирован на веру как ориентир религиозных текстов, но именно благодаря этому конститутивному размежеванию ученых перестали сжигать на кострах, а верующих не исключают из социума как слабымных» [3, с. 313].

Ю.А. Антоновский полагает, что такое «дифференцированное общество получило иммунитет к конфликтам именно потому, что коллапс в одной сфере – скажем, в религиозном общении (межрелигиозные конфликты) или в искусстве (отказ от прекрасного как критерия произведения искусства и, соответственно, базиса эстетического общения и объекта для эстетических текстов) – уже не приводит к коллапсу во всех остальных сферах социального общения, как это было характерно для традиционных недифференцированных обществ, где отождествлялось все преступное-безобразное-ложное-бедное-нелюбимое-нездоровое-безбожное» [3, с. 314]. Таким образом, «участники языковой коммуникации (личности) вынуждены участвовать в нескольких подсистемах общения», при этом «само это разобшение является мощнейшим фактором социальной интеграции, поскольку локализует и ис-

пользует конфликты на уровне социальных систем, не позволяя им определять социальную динамику общества в целом» [3, с. 316 – 317].

Религиоведение дает возможность в анализе проблем толерантности под особым углом выявить связи «религиозности» с проблемами формирования той или иной конфессиональной идентичности, которую государство готово принять в качестве «легитимной» и «легальной», достойной и допустимой в обществе. Сегодня мы наблюдаем очевидную конфронтацию и борьбу за доминирование различных идентификационных проектов, стремящихся разделить граждан одного государства на национальные, религиозные, социально-экономические и другие категории тех или иных «воображаемых сообществ» [2], нередко способствующих росту социальной напряженности, конфликтам и, все чаще, агрессивности в отношении «других» сограждан.

Хорошо известно, что исторически «христианская интолерантность» сменила языческую терпимость к инаковерующим [47, с. 1 – 3], которую, в свою очередь, сменили локковская «толерантность» [46, с. 17], открытая «личная религия» И.-В. Гете [43], «феноменология духа» Г. Гегеля, подчеркивавшего важность в «ином» увидеть «свое», в низшем – высшее, в «псевдо-религии» – истинную религию [8, с. 265], феноменологическое «erohe», подводящее серьезное основание под диалог науки и теологии [30, с. 29 – 34], антропологическое «троеверие» (магия-религия-наука) Б. Малиновского [17, с. 116]. Сама современная культурная ситуация «постмодернизма» предполагает

«признание многомерного образа реальности и множества типов равносущностных отношений, а также неустрашимой множественности описаний и «точек зрения», отношения дополнительности и взаимодействия между ними» [18, с. 236; 16, с. 326]. Современности созвучны слова митрополита Антония (Сурожского), писавшего, что «иноверный, инославный, язычник по нашим понятиям, неверующий – если он всем сердцем и умом живет согласно своей вере и верит в то, что говорит, может сказать слово правды, и мы можем научиться чему-нибудь» [19, с. 69, 70, 72]. Многообразие, корректно с научной точки зрения описываемое концепцией дифференциации «ауто-

пойетических систем» Н. Лумана, неразрывно связано с конфессиональной и национальной идентичностями, выступающими как исторические символические системы, конструируемые элитами.

В таком теоретико-религиоведческом контексте толерантность выступает как фундаментальный идеал динамичной самооткрытости, предполагающей открытость для «Других», равно стремящихся к постижению вечных тайн бытия, положения человека в мире, т.е. как признание каждого из нас, Себя и Другого, Своими, «детьми в мироздании» или, говоря ярким метафоричным языком Франциска Ассизского, – «скомоорохами Божиими» [26, с. 158].

Библиографические ссылки

1. Аболин Б.И. Слово «толерантность» в русской лексикографии: основные элементы значения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jurnal.org/articles/2008/fill4.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 05.09.2013).
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. Баньковской. М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 288 с.
3. Антоновский Ю.А. Общество как общение и разобщение // Дифференциация : пер. с нем. / Н. Луман. М. : Логос, 2006. С. 307 – 317.
4. Большой англо-русский словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2000. 1168 с.
5. Валитова Р.Р. Толерантность // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. IV. М. : Мысль, 2010. С. 75 – 76.
6. Галимова Е.Ш. «...Дурно пахнут мертвые слова». Что такое «гуманизм», «толерантность», «плюрализм»? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.voskres.ru/articles/shalimova.htm>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 08.09.2013).
7. Гараджа В.И. Веротерпимость // Религиоведение : энцикл. слов. М. : Академ. проект, 2006. С. 198 – 200.
8. Гегель Г.В. Ф. Философия религии. М. : Мысль, 1976. Т.1. 534 с.

9. Гордеев Я. Реплика о толерантности. Нет Бога, кроме Бога [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gordyian.livejournal.com/111914.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 08.09.2013).
10. Гордеева Е.В. От толерантности к интерсуществованию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://study-english.info/article049.php>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 07.09.2013).
11. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. 684 с.
12. Декларация принципов терпимости [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 15.09.2013).
13. Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/declar.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 15.09.2013).
14. Купина Н.А., Хомяков М.Б. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bookzie.com/book_179_glava_1_Annotacija.html, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 15.09.2013).
15. Луман Н. Дифференциация : пер. с нем. М. : Логос, 2006. 320 с.
16. Малахов В.С. Постмодернизм // Современная западная философия : словарь. М. : ТОН – Остожье, 2000. С. 326 – 330.
17. Малиновский Б. Научная теория культуры // Вопросы философии. 1983. № 2. С. 116 – 124.
18. Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. М. : Рос. полит. энцикл., 1997. 240 с.
19. Митрополит Сурожский Антоний. О встрече [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.metropolit-anthony.org.ru/sretenie/a_main.htm, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.09.2013).
20. Михайлова О.А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bookzie.com/book_179_glava_17_3.1._OBSHNIJE_POLOZHENIJA.html, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 11.09.2013).
21. Никифорова Л.В. Толерантность vs. Компетентность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/t-2/Tolerance.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.09.2013).
22. Подлинная этимология: толерантность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://alex-nacharov.livejournal.com/9215.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.09.2013).

23. Посконина О.В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества : монография. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1997. 124 с.
24. Радлов Э. Терпимость [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://alcala.ru/brokgauz-slovari/izbrannoe/slovar-T/T2807.shtml>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 05.09.2013).
25. Растатуева С.Г. Репрезентация концепта «Толерантность» в русском языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/representatsiya-kontsept-a-tolerantnost-v-russkom-yazyke>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.09.2013).
26. Сигов К.Б. Игра // Современная западная философия : словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТОН – Остожье, 2000. С. 158 – 159.
27. Словарь иностранных слов. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1954. 856 с.
28. Сметанин В.А. О проблемных аспектах толерантности в эволюционном ракурсе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=459, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.09.2013).
29. Сторчак В.М. Толерантность в социокультурном и политическом пространстве современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.manwb.ru/articles/world_today/tolerance/Tolerance_VMStorchak/, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.09.2013).
30. Василенко Л.И. Толерантность // Краткий религиозно-философский словарь. М. : Истина и жизнь, 1998. С. 220.
31. Толерантность и терпимость [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.missionary.su/theology/13.htm>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.09.2013).
32. Толерантность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 13.09.2013).
33. Толерантность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-86016.htm>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 13.09.2013).
34. Филиппов А.Ф. Никлас Луман // Современная западная философия : словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТОН – Остожье, 2000. С. 234 – 236.
35. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/1-6-2006/habermas.pdf>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 15.08.2013).

36. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М. : ББИ, 2006. 112 с.
37. Хомяков В. «Толерантность» как духовно-культурная капитуляция [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pomnimvse.com/415pb.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 11.09.2013).
38. Хомяков М.Б. Толерантность и современная цивилизация // Толерантность. Екатеринбург, 2000. С. 5 – 40.
39. Хомяков М.Б. Уральский межрегиональный институт общественных наук: прояснение концептуальных оснований проекта [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eunnet.net/vestimion/01_02/001.html, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.09.2013).
40. Человенко Т.Г. Диалектика методологических установок в современном изучении религии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Социально-экономические науки и искусство. № 8 (32). 2008. С. 29 – 34.
41. Что такое Толерантность? Значение и толкование слова tolerantnost, определение термина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc/f/tolerantnost.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 11.09.2013).
42. Что такое толерантность? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.otvetim.info/obshhie-voprosy-psihologii/1008>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 06.09.2013).
43. Шадрина О.Н. Социально-философский анализ феномена целостности мировоззрения (на материале творчества И.-В. Гете) : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Архангельск : ПГУ, 2007. 221 с.
44. Concise Oxford Dictionary of World Religion. Ed. by John Bowker, Oxford, 2000. 702 p.
45. Declaration of Indulgence [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://loverager.ru/mueller_Declaration%20of%20Indulgence.html, свободный. Яз. англ. (дата обращения: 21.08.2013).
46. Marshall J. John Locke. Toleration and Early Enlightenment Culture. Cambridge University Press, 2006. 776 p.
47. Persecution and toleration. Study in Church History. Vol. 21. Ed. by W.J. Sheils. The Ecclesiastical History Society, 1984. 490 p.
48. Oxford English Dictionary, second edition, edited by John Simpson and Edmund Weiner, Clarendon Press, 1989. Twenty volumes. Vol. XIII. 1249 p.
49. The Wordsworth Dictionary of Beliefs & Religions. Ed. By Rosemary Goring, Edinburgh, 1995. 587 p.

**TOLERANCE AS A PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS
STUDIES CONCEPT**

The term 'tolerance' has spread in Russian humanitarian culture only in the XXI century. Philosophical and theological analysis reveals a connection of 'tolerant religiosity' with the problems of developing the religious identity. There has been observed a conflict of interpretations of the concept of tolerance in various identification projects.

Keywords: tolerance, philosophy of religion, identity and identification

УДК 17

П.Е. Матвеев

**КОНСТРУКТИВНЫЙ РЕАЛИЗМ,
ПРИРОДА МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
И ОЦЕНКА ПОСТУПКА**

Статья посвящена исследованию природы моральных ценностей с позиций конструктивного реализма. Автор использует также методологию феноменологического анализа. В статье дана этическая оценка поступков террористов.

Ключевые слова: моральные ценности, природа моральных ценностей, конструктивный реализм, трансцендентальная редукция, терроризм, контекст-правда.

В настоящее время в российской философии существует много исследований по *конструктивному реализму* [6]. Однако оценка его не однозначна. Существует мнение, что само понятие «конструктивный реализм» есть оксюморон. Имеется и иная репрезентация, когда утверждается, что «конструктивный реализм – это и есть современная философская установка, соответствующая той ситуации, которая создана развитием науки, техники и коммуникационных процессов» [7, с. 40]. Мы разделяем данную точку зрения и считаем, что позиция конструктивного ре-

ализма является весьма эффективной и не только в эпистемологии, но и в аксиологии. Мы постараемся в дальнейшем показать, как можно с данных позиций подойти к решению проблемы природы моральных ценностей. Но вначале следует определиться с исходными понятиями.

Как ни странно, но определение «конструктивный реализм» не найти в таких современных авторитетных изданиях, как «Новая философская энциклопедия» или «Энциклопедия эпистемологии и философии науки». Нет искомой дефиниции и в сборниках

статей, отмеченных выше [6, 7], где само понятие конструктивного реализма используется часто и уже потому, что сам «конструктивный реализм» здесь предстает одним из предметов и методов исследования. При этом в современной философской литературе часто встречаются определения как «конструктивизма», так и давно используемого понятия «реализм».

Думается, что такая ситуация не случайна, а характеризует настоящее положение вещей, когда понятие и подход обозначены, но еще не достаточно апробированы. Можно дать рабочее определение конструктивного реализма как направления в философии, признающего лежащую вне сознания реальность и активность субъекта, познающего и преобразующего (конструирующего) данную реальность. Или конструктивный реализм – это учение, признающее лежащую вне сознания реальность, которую субъект способен активно познавать и преобразовывать (конструировать).

Мы согласны с мнением В.А. Лекторского, что конструктивный реализм «в определенном смысле снимает противостояние конструктивизма и реализма» [7, с. 18]. В основе конструктивного реализма лежит идея о существовании реальности, находящейся вне сознания человека, которую традиционно в философии обозначали как «объективная реальность». Она предстает и основой для деятельности и ее мерой, границей. Перефразируя Б. Рассела, можно сказать, что понятие «реальность» является одним из способов внедрения должной скромности в сознание творящего, конструирующего

миру мир человека. «Если это ограничение гордости снято, то делается дальнейший шаг на пути к определенному виду сумасшествия – к отравлению властью» [11, с. 749].

Мы считаем, что конструктивный реализм можно эффективно использовать при решении проблемы природы моральных ценностей, по которой, начиная с зарождения аксиологии в XIX веке и по настоящее время, идет борьба двух противоположных подходов: объективного и субъективного. Мы не будем анализировать перипетии этой борьбы, аргументы той и другой стороны, ибо они уже хорошо изучены [8]. Остановимся на анализе некоторых особенностей реалистического исследования ценностей, который связан, прежде всего, с объективным подходом.

Особо следует отметить, что реалистическое исследование ценностей довольно слабо подкреплено со стороны эпистемологии. Если признавать ценности за объективные феномены, например, качества, то процесс их познания естественно понимать как процесс отражения. И не возникло ли само понятие объективной ценности как продукт теории отражения? Однако эта теория справедливо подвергается критике в современной эпистемологии. Так можно прийти к такой грубой форме реализма, как натурализм. Здесь также часто имеет место деификация и гипостазирование, которые не рефлексированы в должной степени [10].

Выдающиеся представители аксиологического реализма, такие как М. Шелер, Н. Гартман, Н. Лосский,

осознавали специфику познания ценностей и потому обращали особое внимание на специфические методы и формы ценностного познания. М. Шеллер развивал учение об особом аксиологическом чувстве, об идеации как методе непосредственного постижения сущности ценностей. Н. Гартман также выделял роль ценностного чувства. Н. Лосский обращал внимание на роль интуиции в познании ценностей. Однако проблема познания ценностей в парадигме реализма остается актуальной.

И здесь возникает вопрос: а не разрушает ли современная эпистемология само реалистическое учение о ценностях? Такие современные идеи в гносеологии, как репрезентация, интерпретация, конвенционализм, гипостазирование, деификация, более связаны с эпистемологическим конструктивизмом, нежели с реализмом. Как отмечает Л.А. Микешина: «Устарела сама концепция-теория, объясняющая все познание как репрезентацию-отражение, основанную на реалистической онтологии и понимании истины как соответствия действительности. Но понятие репрезентации как конкретной познавательной процедуры переосмысливается вместе с вхождением в эпистемологию таких реально существующих факторов, как конструктивизм, плюрализм, релятивизм» [9, с. 96].

Мы согласны с мнением Л.А. Микешиной, что теория отражения устарела, но вместе с тем современная эпистемология подтверждает и развивает иной реализм в теории познания, – конструктивный реализм. Дело в том, что в современной теории познания существует множество программ, школ.

И реализм в аксиологии в наибольшей степени выигрывает, когда он использует конструктивизм, что в результате и задает программу конструктивного реализма. Такой выбор предстает искусственным, но он оправдан с методологической точки зрения: программа проверяется в сильнейшем её варианте, ибо если она окажется отрицательной в данном случае, то, следовательно, и в любом другом.

Конструктивистские элементы в ценностном подходе проявляются уже в выделении именно ценностных свойств в реальности, где в совокупности, в определенном единстве существуют различного рода свойства – физические, химические, аксиологические и др. Репрезентация этих свойств у субъекта всегда избирательна, и данная избирательность зависит от качеств самого субъекта – как физических, так и интеллектуальных, которые в свою очередь связаны с социальными, культурными качествами, сформированными в фило- и онтогенезе.

Ценности как объективные феномены в свою очередь обладают особыми качествами. Моральная ценность, например, непосредственно не проявляется в физическом пространстве и времени, она не есть первичное качество и не ощущается отдельными органами чувств. С нашей точки зрения моральные ценности предстают как идеальные качества в платоновском понятии идеального, за тем лишь исключением, что они не существуют независимо от их предметных носителей, они более подобны формам Аристотеля. Несомненно, считать, что ценности существуют в реальности тако-

выми, каковыми они ощущаются субъектом, значит впадать в грубый натурализм. Реализм в понимании ценностей состоит в том, что мы ощущаем интенционально принадлежащие объектам определенные формы добра или зла, которые мы и обозначаем как те или иные ценности. Выделение и обозначение данных конкретных ценностей зависит от субъекта, его культуры, чувственности, рациональности, интуиций. Познание ценностей поэтому носит сложный характер и осуществляется через восприятие, разум, интуицию. Рационально их можно и не «узреть». Человек, который старается решить вопросы этики рационально, отвергая здесь гносеологическую роль чувств, наверное, отвергнет и ценности, ибо они непосредственно осознаются через особые ценностные чувства. При этом ценностное восприятие должно быть сконструировано, для чего оно должно пройти через определенную редукцию, эпохе. Данная редукция предстает как феноменологическая и она может быть двоякой: трансцендентальной и трансцендентной.

Трансцендентальная редукция в современной философии в наибольшей степени изучена Э. Гуссерлем, у которого редукция, эпохе предстает важнейшим методом феноменологического анализа. При феноменологическом анализе, описанном в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии», необходимо «вынести за скобку» все, что трансцендентно в данном случае для субъекта. В результате мы получаем «чистое абсолютное сознание», но «чистое» не означает

«пустое». Оно «чисто» от несущественных в «определенном отношении элементов».

По Гуссерлю, есть логический, аксиологический, практический аспекты сознания [4, с. 377].

Нас интересует аксиологический аспект, который остается в результате феноменологической редукции. И здесь мы обнаруживаем соответствующие ноэсы и ноэмы. Ноэса предстает как определённый нравственный смысл той или иной ценности, а ноэма – как определенное значение восприятия или как «интенциональная предметность». В качестве ноэс и являются конкретные моральные феномены – добро, зло, справедливость, свобода, насилие и др. – это субъективные аналоги ценностей, но в их определенном ноэматическом аспекте, т.е. как определенные имманентные сознанию феномены.

Феноменологическая трансцендентальная редукция действительно важна при ценностном подходе. Для того чтобы более или менее адекватно репрезентировать объективные ценности, субъекту необходимо приложить определенные усилия по отношению к собственному сознанию и избавиться от эгоизма, потребительского отношения к миру, перестать воспринимать «ценности» в парадигме «значения», т.е. как то, что значимо и, следовательно, ценно только для него, субъекта.

С трансцендентальной редукцией связана трансцендентная редукция, под которой мы понимаем «вынесение за скобку» своего сознания несущественных в самом объекте «в определенном отношении элементов». Так,

физик в вещи старается замечать только её физические свойства, абстрагируясь от иных ее многочисленных свойств. При ценностном подходе надо редуцировать все то, что мешает воспринимать вещь, как она есть для себя, т.е. в её уникальности, единственности, самоценности.

Митрополит Антоний Сурожский в одной из своих бесед приводит очень содержательный пример из книги Чарльза Уильямса «Канун для святых»: умершая женщина, освободившаяся от своего физического тела, начинает по-иному воспринимать знакомый ей физический мир, в частности воды Темзы. Если раньше эти воды были ей отвратительны из-за своей загрязненности, то теперь «она начинает сквозь слои густоты видеть дальнейшие слои меньшей густоты, большей прозрачности. Она видит этот поверхностный загрязнённый слой, затем ниже – ещё большую прозрачность, глубже – большую чистоту, дальше и дальше. Так что, переходя от одного слоя к следующему, она обнаруживает, что сердцевина реки состоит из воды, не из отбросов, грязи; там – вода! И вглядываясь ещё глубже, она видит совершенно особенную воду; и в сердцевине этой воды, которая стала частью человеческой истории, так сказать, человеческой жизни, видит воду первозданную, сотворённую Богом воду, совершенно чистую, прозрачную; и в самой сердцевине этой воды сверкающий поток, – это та самая вода, которую Христос дал самарянке» [1, с. 622 – 623].

Феноменологическая редукция – как трансцендентальная, так и транс-

цендентная – несомненно, предстают конструктами по своей природе. Однако конструктивная деятельность здесь имеет и свои пределы. В одном случае – это наличие аподиктических трансцендентальных нозс, а в другом – трансцендентных объективных свойств, отношений, форм (их можно было бы назвать трансцендентными нозмами, если бы это не внесло путаницу в философскую терминологию). И здесь уже мы исповедуем реалистический подход, а все вместе дает то, что обозначается как «конструктивный реализм».

Естественно, что возникает множество вопросов, в частности: необходима ли трансцендентная редукция или это пример нашего эпистемологического конструктивизма? Какова природа трансцендентальной нозсы? Является ли она всецело продуктом конструктивистской деятельности субъекта? Каково должно быть отношение индивида к нозсам и нозмам? и т. д. Попытаемся ответить на некоторые из этих вопросов.

По своей природе истинная нозса, в том числе аксиологическая, является аподиктической истиной и, следовательно, не может всецело быть результатом конструктивизма. Активность субъекта проявляется в редукции, открывающей ту или иную нозсу, а затем нозму. Определенную же установку на нозсу, в нашем случае на определенный нравственный смысл феномена, субъект может сформировать и до всякого конкретного поступка. Такая установка может быть получена через воспитание, образование, почерпнута из книг, другими словами, из «жизненного

мира». «Жизненный мир» у каждого индивида свой, хотя и есть много общего у разных людей. Велика здесь роль и субъективных качеств – как приобретенных, так и врожденных. Например, мы должны согласиться, что есть врожденные нравственные чувства и у разных людей их совокупность различна. Некоторые обладают врожденным чувством справедливости или долга, добра, но определить это вербально не каждый из них в состоянии. Можно сказать, что подобные чувства являются развитием «естественного нравственного закона», от рождения в той или иной степени присущего всем людям. В художественной литературе отражены подобные факты. Так, врожденным чувством благородства отличались и князь Андрей Болконский у Л.Н. Толстого, и казак Григорий Мелехов у М.А. Шолохова. И прекрасно, что такие люди существуют не только в виртуальной реальности, но и в самой действительности.

Однако внутренняя самодетерминация, которая предстает и как свобода личности, не достаточна для определенного морального выбора. Несомненно, моральный выбор должен носить личный, свободный характер. У субъекта должна быть возможность отказаться от любой нозмы и нозсы, и одним из факторов такой свободы является сама мораль. Но как нравственная личность человек никогда не сможет воспользоваться такой свободой. Человек в сфере морали и свободен в выборе добра и зла, и предопределен добром.

Добро для человека не редуцируемо только к имманентному добру, к трансцендентальным нозсам, но и включает в себя трансцендентное добро, трансцендентные нозмы, в том числе трансцендентные ценности. В моральном выборе, как ни в каком другом случае, индивид действительно предстает «двуликим Янусом», обращенным и вне себя, и внутрь себя. В моральном выборе в конечном пункте человек должен следовать только внутреннему своему «Я», однако при этом «Я» может и должно выходить за пределы самого себя к «Другому», к «Мы».

Да и недостаточно внутренней детерминации субъекта для жизни в окружающем его мире. Всякая субъективность ограничена своей собственной природой. И ограниченность ее давно отмечена философией и наукой в различных видах. Так, Кант показал ограниченность рационализма философскими средствами, а Гедель – математическими. Юм выявил ограниченность эмпиризма и т.д. П.Л. Капица обращал внимание на эвристическую роль эксперимента в физике. Новое явление в физике, т.е. такое, «которое нельзя ни полностью предсказать, ни объяснить на основе уже имеющихся теоретических концепций» может дать только эксперимент. П.Л. Капица отметил ряд таких экспериментов, заложивших основу современной физики. «Прежде всего я хочу назвать открытие Гальвани в 1789 г. электрического тока, – писал П.Л. Капица, – которое, конечно, никак не вытекало из существовавших тогда теоретических концепций о природе электричества, в основном созданных Франклином» [5, с. 402].

Аналогична роль живого опыта, имеющего дело с объективной реальностью, при других видах человеческого творчества. Из сферы морали можно указать на принцип любви к врагам своим, предложенный Иисусом Христом, который никак не следовал из прежней теории морали и из ранее известных принципов любви – платоновского, старозаветного и др.

И никакие ноэсы перешагнуть к осмыслению принципиально нового уровня реальности нельзя. Для этого необходимы опытные данные, почерпнутые из «жизненного мира». Эти факты можно использовать и как аргументы в защиту конструктивного реализма. Современная наука, современный «жизненный мир» дают и иные подтверждающие реализм факты. Разразившийся в 2009 г. экономический мировой кризис был спровоцирован забвением объективной реальности и переоценкой виртуальной реальности. В.А. Лекторский отмечает, что «развитие современной науки в целом, интенсивно прогрессирующее в течение последних 30 лет исследование когнитивных процессов в особенности дают все больше аргументов в пользу реалистической интерпретации познания и знания» [7, с. 18].

В качестве примера конструктивно-реалистического подхода к нравственным ценностям обратимся к анализу *терроризма*. Терроризм является сложным социальным и нравственным феноменом. Здесь сходятся Бог и дьявол, любовь и ненависть, самопожертвование и насилие. Рассмотрим важнейшую клеточку терроризма – террористический акт. Террористический акт имеет и положительное и отрица-

тельное значение, он связан с добром и злом, поэтому он не может считаться нравственной ценностью, которая по природе своей одновалентна. Террористический акт имеет и социальные, и политические, и религиозные, и нравственные аспекты. Мы исследуем данный акт только с его нравственной стороны, для чего и приходится совершить определенную конструктивную редукцию, эпохе, чтобы освободиться от прочих установок.

Террористический акт имеет и в нравственном аспекте две взаимосвязанные стороны – внутреннюю, субъективную, относящуюся к самому террористу и внешнюю, объективную, относящуюся к его жертвам. Мы остановимся на определенном виде террористического акта, связанного с самопожертвованием террориста, так как данный вид террористического поступка представляется наиболее сложным для оценки. В данном трагическом случае мы имеем дело одновременно с несколькими ответственными поступками и со связанными с ними несколькими «ценностными центрами» или с несколькими «ценностными контекстами», говоря языком М. Бахтина [2, с. 63], или с несколькими «правдами». Во-первых, это ценностный контекст/правда террориста-смертника, во-вторых, это ценностный контекст/правда жертвы террористического акта, в-третьих, это ценностный контекст/правда постороннего наблюдателя совершившегося действия, в данном случае – это ценностный контекст/правда нас с вами, исторических свидетелей.

Итак, мы сталкиваемся с проблемой внутренней мотивации человека, идущего на самопожертвование. Про-

следить до конца всю субъективную мотивацию подобного выбора невозможно – «чужая душа потемки». Индивидуальное сознание бесконечно по своим вариациям. Человек может совершить акт самопожертвования по разным причинам. Так, кто-то может совершить его из-за сумасбродства, из-за личной прихоти, из-за желаний собственной смерти, когда на совершение суицида не хватает сил и т.д. Сколько людей, столько и вариантов мотивации выбора. И не все они являются нравственными, а среди собственно нравственных мотиваций есть и нравственно положительные (добрые), и нравственно отрицательные (злые), приводящие человека к жертвенности самим собой. Здесь мы вновь используем метод идеализации и остановимся на «идеальном типе» нравственной самодетерминации террориста, когда мотивы его поступка воспринимаются как положительные, ибо если в данном сильнейшем варианте мы получим в итоге отрицательный результат, отрицательную оценку, то таковой она будет и в любом другом случае.

Представим, что мы имеем будущего террориста, который мотивирован только положительным нравственным выбором, и считает, что террористический акт, связанный с его гибелью и гибелью других людей, является всецело добром. Но почему некий индивид считает, что террористический акт является добром? Так он может считать из-за несомненной нравственно-положительной ценности акта самопожертвования, который здесь присутствует. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою

за друзей своих» [3]. У субъекта такая установка может быть сформирована в процессе воспитания, обучения. Общечеловеческий «жизненный мир» свидетельствует о ее аподиктической истине, которую никак логически не объяснить. Однако реальный акт самопожертвования ради другой жизни требует реального присутствия иной жизни и осознания ее ценности. Жертва жизнью ради идеи или виртуальной иной жизни – неоправданна, ибо жизнь и идея, жизнь и виртуальность не равноценны.

В террористическом акте, связанном с самопожертвованием, мы как раз имеем дело с неравноценным обменом реальной жизни смертника на идею или виртуальную жизнь своих соплеменников, единоверцев, которых он таким образом защищает или за смерть которых он мстит. Но ситуация усугубляется тем, что гибнут не действительные враги, «чужие», а вполне возможные «свои» или «нейтральные» люди – мы проигрываем сильнейший вариант. Сформировать подобное жертвенное сознание возможно только в результате определенных конструктивных действий с сознательным или неосознанным отрешением от реальности.

Здесь присутствует еще одна нота, а именно оценка уничтожения чужой и нейтральной жизни. Нравственный реализм в данном случае свидетельствует о моральной равноценности жизни как таковой у разных субъектов. Однако осознанное или стихийное конструктивное воздействие на сознание террориста заслоняет от него данную нравственную истину.

Таким образом, конструктивизм может сформировать ошибочное нравственное сознание, но конструктивный реализм может его исправить, может изначально развить истинные нравственные ноэсы.

В мотивации террориста пойти на самопожертвование может присутствовать еще один момент – долг. Долг играет важнейшую роль в деонтологии, в этике Канта. Действия, совершаемые ради долга, кажутся абсолютно «чистыми» от неморальных установок, здесь соблюдается важнейший нравственный принцип, сформулированный Кантом, а именно принцип «чистоты морального мотива». Однако откуда берется само сознание долга данного поступка? М. Бахтин считал, что долженствование никак не связано с истинностью суждения: «Попытка помыслить долженствование как высшую формальную категорию (утверждение-отрицание Риккерта) основано на недоразумении», – писал он. – Из теоретически-познавательного определения истинности отнюдь не вытекает ее долженствование, этот момент совершенно не содержится в ее определении и не выводим отсюда: он может быть только извне привнесен и пристегнут (Гуссерль)» [2, с. 10].

И с этими утверждениями о долге, с нашей точки зрения, следует согласиться. Известен принцип Юма, что из существования не следует должное. М. Бахтин делает вывод, что и из истинности суждения не следует никакого долженствования. «Долженствование есть своеобразная категория поступления-поступка (а все, даже мысль и чувство есть мой поступок), есть некая установка сознания, струк-

тура которой и будет нами феноменологически вскрыта», – писал М. Бахтин [2, с. 10]. Поэтому он связывал с поступком не долг и не рациональность, а ответственность и использовал такие понятия, как «участное мышление», «не-алиби бытие», т.е. «ответственное бытие». М. Бахтин отмечал: «Поступок в его целостности более чем рационален – он ответственен. Рациональность только момент ответственности» [2, с. 30]. А когда человек ответственно подходит к своим поступкам, тогда он предстает ценностным существом, он уже начинает совершать свои действия с позиций ценностного подхода, когда только он и осознает свое «единственное долженствование». Таким образом, долг есть определенная нравственная конструкция, созданная прежде всего самим субъектом и выведенная им не из данного поступка, а исходящая изнутри, из определенных ноэс, стихийно сформированных или сознательно «вложенных» в него системой воспитания и образования.

Обратимся к анализу второго ценностного контекста, связанного с террористическим актом, а именно к этанализу жертв террора. Также используем метод идеализации и представим себе человека, выжившего после террористического акта и никоим образом не связанного с активной борьбой против террористов, их идей и т.п., т.е. представим себе человека, случайно оказавшегося в поле действия террориста, случайно вовлеченного в определенную ситуацию. У него как непосредственного участника события есть «участное мышление», и

он имеет право на такое мышление. И это существенно для ценностного подхода, ибо только «участное сознание», «не-алиби бытие» позволяет дать оценку поступку изнутри самого поступка, провести его собственно ценностный анализ. Любой другой анализ здесь также возможен, однако он не даст нам собственно моральной оценки, а уведет в дебри теоретического научного анализа или в трясину обыденного мнения.

Какова ценностная осознанность «идеальной» жертвы террористического акта, произошедшего с ней и другими находившимися рядом людьми? В сознании жертвы террора может быть ужас, страх, негодование, недоумение и т.п. Он может ощущать себя невинной жертвой. И он может чувствовать, что имеет право на отмщение – этого требует справедливость. У него может быть ненависть, презрение к террористу, его неправоту он ощутил собственным телом, испытал на собственной коже, как и собственную правду критического отношения к насильнику, долга борьбы с подобными идеями и практиками.

Жертва может также ощутить великодушие в отношении террориста и простить его. В этом потоке сознания присутствуют и психические, и нравственные, и политические, и религиозные элементы. И нам необходимо проделать определенное эпохе и пробиться к чисто феноменологическому нравственному слою его сознания. Какие аподиктические истины тогда откроются нам? Сейчас мы можем сказать, что такой несомненной истиной предстает

идея о том, что мы можем что угодно чувствовать в отношении террориста и как угодно оценивать его, но мы не можем ничего подобного совершать за погибших в результате террористического акта. И не только по физическим, но и по нравственным основаниям. У них своя, третья правда, это правда, преобладающая по значимости. Следовательно, судить террориста за его поступок мы должны не только от имени живых, но и мертвых. И их оценка окончательная, хотя и презумпированная. Они также, может быть, простили террориста, если есть бессмертие и потусторонний мир. Но мы должны исходить здесь, в этом посюстороннем мире, снова из «сильнейшего варианта», а именно из того, что кто-то из погибших мог не простить субъекта действий, приведших к гибели невинных людей. И, следовательно, террорист может и должен быть осужден. Но насколько истинна эта третья правда?

Все три правды касаются одного и того же поступка. Можно ли их соединить? Можно ли дать какую-то четвертую, итоговую оценку? Иными словами, может ли быть четвертая, обобщающая правда? Казалось бы, что такой обобщающей правды не найти, ибо возможно множество правд, которые выскажут «не-участники» конкретного исторического события. Сколько людей, столько и мнений. Однако для ценностного анализа данные мнения не существенны, ибо представлены «безучастным мышлением», «алиби-бытием». А возможна ли четвертая правда, репродуцированная участным мышлением, не-алиби бытием, но не непо-

средственного участника события, т.е. «не-участника»? – Возможна, когда такого «не-участника» конкретного события мы сконструируем как участника реального события, когда его мышление сделаем «участным», а его бытие «не-алиби бытием». Это и будет наша новая конструкция. Данного четвертого субъекта – назовем его «неучастным свидетелем» – надо включить в какую-то общую для всех четверых ситуацию. И это реально, ибо все четверо причастны к одной социальной общности – к человечеству. И конкретный террористический акт – это не только поступок отдельного индивида, но и поступок человечества. А человечество имеет и свой ценностный контекст, в рамках которого ценность жизни – важнейшая, о чем свидетельствует и общечеловеческий принцип «Не убей!». И с этой

точки зрения террористический акт, уничтожающий жизни, есть зло.

Даже если бы не было реально такого общечеловеческого морально-ценностного контекста, общечеловеческих моральных ценностей и принципов, к ним надо подходить как к презумпированным, являющимся гарантом единства и единственности, т.е. ценности человеческого бытия. Это напоминает известную дилемму узника Гоббса, показывающую необходимость общественного договора как гаранта доверия. Здесь вновь проявляется конструктивизм, ибо можно сказать, что общечеловеческая мораль – это идеальная конструкция человечества, гарантирующая ему реальное единство и единственность, которые в свою очередь определяют ценность его реального бытия.

Библиографические ссылки

1. Антоний митрополит Сурожский. Беседа о притчах // Труды. М., 2002. С. 617 – 625.
2. Бахтин М.М. К философии поступка // Собрание соч. В 7 т. М., 2003. Т. 1. С. 7 – 68.
3. Библия. Ин. 15, 13.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 2009. С. 310 – 398.
5. Капица П.Л. Будущее науки // Эксперимент. Теория. Практика. М., 1981. С. 397 – 421.
6. Конструктивный подход в эпистемологии и науках о человеке. М., 2009 ; Познание. Понимание. Конструирование. М., 2008 ; Конструктивизм в теории познания. М., 2008 и др. Наибольший вклад в развитие этой темы в российской философии внесли работы В.А. Лекторского, статьи которого опубликованы в отмеченных выше сборниках, а также в различных журналах, включая «Вопросы философии».

7. Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивный подход в эпистемологии и науках о человеке. М., 2009. С. 5 – 40.
8. Матвеев П.Е. Ценностный подход в этике. Владимир, 2009. С. 6 – 206.
9. Микешина Л.А. Философия науки. М., 2006. С. 88 – 97.
10. Микешина Л.А. Эпистемологическое оправдание гипостазирования и реификации // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 44 – 54.
11. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 1997. С. 742 – 749.

P.E. Matveev

**CONSTRUCTIVE REALISM, THE NATURE OF MORAL VALUES
AND THE ESTIMATION OF THE ACT**

The paper is devoted to the research of the nature of moral values from the point of view of constructive realism. The author uses also the methodology of the phenomenological analysis. The ethical estimation of acts of terrorists is given in the paper.

Keywords: moral values, the nature of moral values, constructive realism, transcendental reduction, terrorism, the context-truth.

УДК 1.316

Г.А. Геранина

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ
ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Статья посвящена исследованию и анализу религиозной идентичности в отечественной системе образования досоветского периода (до 1917 года). На основе анализа выделяются социально-исторические этапы формирования религиозной идентичности.

Ключевые слова: религиозная идентичность, религиозное образование, вообразимое сообщество, религия.

Система образования всегда играла традиционно важную роль в поддержании базовых ценностей человечества и формировании соответствующих форм идентичностей. В современной науке принято различать термины, обозначающие небольшие так называемые «контактные сообщества», т.е. семьи, деревенские или религиозные общины, где «все друг друга знают» и идентифицируют себя как «близкий круг», и так называемые «воображаемые сообщества», где никто не может лично знать всех членов, к числу которых относятся «человечество», «религия», «церковь», «нация», «народ», «государство», «культура» и т.п. [2, с. 32].

Каждое контактное сообщество выражает связь между своими поколениями через мифы, предания и историкофилософские учения, которые призваны были «приобщить» молодое поколение к данному «воображаемому сообществу» образованных, «подлинных людей». Особенность отечественных тенденций такого рода состоит в том, что их тесная связь с религиозными традициями, особенно православием, проявляется во многих исторических формах.

Известное определение религиозного образования в «Большой советской энциклопедии» (1975) по признаку «цели распространения религии среди неверующих и инаковерующих, вербовки прозелитов и усиления влияния на массы» [21, с. 626] сегодня оказывается не вполне корректным, поскольку хорошо известно, что обучение не просто религиоведению, но даже «научному атеизму» могло завершиться «вовлечением» в религию,

тогда как, с другой стороны, обучение «Закону Божию» могло завершаться формированием сознательных атеистов (С.Н. Булгаков, В.И. Ленин, И.В. Сталин и др.). Нам представляется более корректным различать «религиоведческо-информационное» (отстраненное) и «конфессионально-эксклюзивистское» (вовлекающее) содержание любых форм передачи знаний о религии. Первое сознательно не стремится формировать ту или иную конкретную религиозную (конфессиональную) идентичность, в отличие от второго, целью которого является именно «приобщение к вере» определенной конфессии. Иногда при этом полагают, что сам набор дисциплин, преподающихся в университете религиоведам или теологам (в семинарии – будущим священникам), должен быть принципиально различным, что теологи и священники не могут изучать «религиоведение», которое порой трактуется как «квазирелигия» или «атеизм», способные «разрушить менталитет нации». При такой позиции, однако, можно утверждать, что христианам опасна математика как «языческое изобретение секты Пифагора» и т.п. История самого церковного образования наглядно показывает, что «приобщение к вере» тысячелетия, хотя и не без противоречий, шло одновременно с «приобщением к отстраненным знаниям».

Религиозная идентичность имеет не только ряд известных исторических форм, возникших в конкретных социально-политических условиях, но, как показала психология, и целый ряд уровней глубины, в связи с чем, по справедливому замечанию В. Франкла, как нельзя научить «смеяться по

команде», так же нельзя научить и искренне верить, вера и смех открывают нам самые глубокие и интимные уровни спонтанного и искреннего самобытия личности [20, с. 336]. Известный пример явлений из истории христианства – «обращение Савла на пути в Дамаск» – ярко демонстрирует то, как свободная личность в относительно устойчивых конкретных социально-политических условиях может почти мгновенно «сменить свою религиозную идентичность», когда Савл из иудея, подданного Римской империи и искреннего гонителя христиан, превратился в христианина, апостола Павла, гонимого иудеями и властями империи [4, с. 49 – 64]. Принудительное обучение всех «Закону Божию», игнорировавшее свободу совести обучаемых, взрастило целое поколение, которое стало разрушать храмы и убивать священнослужителей после революции 1917 года. В этой связи представляется важным обратиться к истории религиозного образования, которое всегда включало в себя компоненты как «религиоведческо-информационного» (отстраненного), так и «конфессионально-эксклюзивистского» (вовлекающего) характера, стремившиеся влиять на интимно-религиозную идентичность обучаемых. Относительная дифференциация и специализация данных форм в России начинается только с середины XIX века, достигая непримиримости в условиях атеистического режима.

Важно отметить, что термин «религия» в современной культуре приобрел общее собирательное значение обозначения многообразия форм от-

ношения личности с «сакральным», «абсолютным», с «предельной реальностью» и т.п., выражая собой предельное бытийственное отношение, причастность индивида к подлинному и высшему порядку бытия. Одновременно нельзя забывать и то, что данный термин имеет латинское происхождение и несет в себе смысловые элементы не только христианской, но и дохристианской этимологической истории (где бог считался необходимым для удовлетворения определенных потребностей), т.е. он неразрывно связан с европейской культурой и теми этапами, через которые она прошла.

В соответствии с таким подходом к многообразию представлений о формах получения знаний о религии, с определенной долей условности, можно выделить четыре основных типа получения знаний о религии:

– спасение в космосе (знания мифологии, преданий, теологии, натурфилософии и философии, так называемая «пайдейя»);

– спасение в вечности (знание путей «уподобления Христу», достижения полноты жизни во Христе, монашеской аскетики, Закона Божия);

– спасение в государстве (знание и исповедование национальной легитимно-государственной конфессиональной традиции);

– спасение от религиоведческого невежества, ограниченности, бескультурья (получение информации о подробностях полноты жизни в той или иной «религиозной традиции», с потенциальной возможностью контакта, вовлечения, увлечения, неприятия, предотвращения конфликтов и недоразумений).

В древних цивилизациях формируется героический идеал воина, который спортивен, прекрасно владеет всеми видами оружия, поет, танцует, играет на музыкальных инструментах, верен «традициям отцов», красноречив и стремится быть лучшим.

Ситуация изменилась в результате крещения Руси в 988 году. Многие авторы писали о том большом культурном влиянии, которое оказало это событие, однако А.А. Турилов обращает внимание на то, что «вместе с Болгарской церковной литературой Русь усвоила и сложившуюся в Болгарии ... ориентацию на византийскую монастырскую традицию..., важной частью которой было отрицательное отношение к школьной системе образования, считавшейся прибежищем языческих традиций и суежных «еллинских» мудростей, восходящих ко временам античности... процесс обучения ограничивался усвоением навыков чтения и письма» [20, с. 375]. В Древней Руси было лишь элементарное школьное обучение в приходских школах, где обучали чтению, пению и письму, при этом богатство наследия античной культуры осталось почти невоспринятым. Возникает новая форма приобщения молодых поколений к воображаемому сообществу «подлинных христиан». Важную роль начал играть в новой культурной системе принцип убеждения, необходимость приобретения сторонников и последователей в условиях, когда религиозные убеждения становились не автоматически наследуемым элементом традиционной культуры, а предметом индивиду-

ального выбора, при этом в традиционном микросоциуме на целые столетия складывается «двоеверие», т.е. сосуществование «попа и ворожеи как двух центров духовного быта русской деревни» [6].

С этого периода можно говорить о начале формирования второго типа идентичности – христианской, уяснения «киевским сообществом» своего места среди других христианских и нехристианских обществ, где чужими становились не столько «другие народы», сколько нехристианские, «языческие» формы жизни других народов и своего собственного. В.М. Живов обращает внимание на тот факт, что в «Слове о законе и благодати» (1047 – 1050) митрополита Илариона говорится про «множество народов», которыми происходит возрастание христианства, а Нестор в «Повести временных лет», относимой к 1113 году, описывает эту историю как христианский автор, озирающий ее с позиций византийского универсализма, причем в этой перспективе его собственный «народ» трактуется как племена, жившие «звериньскимъ образомъ», т.е. он принимает «чужую» точку отсчета, точку зрения византийца, гражданина столицы мира: «Мы же, христиане всех стран, верующие в святую Троицу и в единое крещение единой веры, исповедуем единый закон, поскольку мы крестились во Христа и во Христа облеклись» [5]. Начинается рефлексия над «языческими пережитками», периодически сменяющаяся волнами «христианского ригоризма», попытками радикально очиститься от этих пережитков.

Привычный нам сегодня термин «православие» получает распространение в качестве наименования именно русского христианского сообщества (становится его самоназванием) только с конца XIV – начала XV века, «этот процесс происходит в период складывания русского централизованного государства» [12]. В.М. Кириллин отмечает, что в 40 – 60-е годы XV века появляется целый ряд рукописей, зафиксировавших «динамику общественного осознания на Руси унии в конфессиональном, церковно-политическом, идеологическом аспектах» [10]. Возникают специальные риторические приемы отличия древнерусскими книжниками «чужих» объектов сакрально-церковного характера от функционально тождественных им объектов «своих», здесь показательными примерами являются слова «арцибискуп», «бискуп», «латыня», применяемые к католическим архиереям, тогда как православные архиереи всегда «архиепископы» и «епископы». Вместе с тем даже в знаменитых «Посланиях старца Филофея» (1524) говорится еще не о Православной церкви, но о «Святой Вселенской Апостольской Церкви» [15]. Однако именно в этот период складывается новая форма приобщения молодых поколений к образуемому сообществу «подлинных православных христиан».

Усиливается процесс национально-конфессиональной дифференцировки в контексте встречи с протестантами – пленными, захваченными в ходе Ливонской войны (1558 – 1583), а затем (1559 – 1560) в Москву начали

приезжать «немцы» (точнее граждане Германии), датчане, шведы, а также французы, англичане, голландцы, поляки. Их поселение образовалось на реке Яузе в Москве и получило название «Немецкая слобода». Собственно слово «немец» имеет русское происхождение – так называли всех иностранцев (от слова «немой» – не умеющий говорить и понимать по-русски) как «нехристей» [17].

Борьба идей конца XVI – начала XVII века на юго-западе Руси, оказавшейся под властью католической Речи Посполитой, обострила вопросы самосохранения собственно «православной идентичности» в условиях прямого столкновения с католицизмом, протестантизмом и униатством [23, с. 80]. Униатство обострило внутривославную полемику вокруг вопросов «подлинности религиозности», поскольку на унию согласилось высшее духовенство, которое начинает квалифицироваться как «кощунствующие архиереи», «разрушители древней церковной традиции» [23, с. 84]. Им противопоставляется «простой православный народ», братства мирян, где возникли братские школы, которые, по мнению М. Козлова, характеризовались в сравнении с прежними приходскими как «учебные заведения более высокого уровня» [11, с. 407]. Обучение в братских школах было направлено на «изучение новых предметов и классических языков и, что всего важнее, постарались поднять в них уровень образования» [9, с. 7]. Именно в XVII веке, «в условиях борьбы с распространением католицизма и про-

тестантизма... в православном обществе складывается собственно школьное образование» [19, с. 376]. «Вовлечение» в церковную традицию потребовало нового уровня «информированности».

В России разрушение государственных и нравственных устоев в Смутное время требовало обновления, которое существенная часть общества понимала как «покаяние, нравственное обращение и собранность», вызвавшие духовную реформу, столкновение никониан и старообрядцев, основывавшееся именно на споре о том, что считать «старым», а что – «новым». При этом исторические свидетельства не давали вполне однозначного ответа, однако обе стороны утверждали, что защищаемое ими представление «подлинное», а противоположное возникло как его «порча» [7].

Важным социально-политическим аспектом полемики было то, что реформа Никона проходила в контексте идеи объединения Руси с Украиной и Балканами, перспектив создания глобальной Византийско-Русской империи и воцарения русского царя в Царьграде, возникшей после падения Константинополя (1453), когда греческие иерархи стали периодически приезжать в Москву для получения финансовой и политической поддержки. Собственно реформа и началась как устранение различий и достижение единообразия в церковно-богослужебных установлениях и обрядах между русскими и греками [23, с. 86].

Противостояние привело к особому фокусированию внимания на

личной религиозности, роль которой особенно подчеркивалась в старообрядчестве, что порой позволяет его трактовать как «гуманистические движения», «демократические и свободные объединения», «народные церкви», противопоставляемые положению мирян в «государственной», «официальной», «полицейской церкви» и «правительственной вере» [2, с. 97]. Исторически корректным будет рассматривать эти явления в более общем контексте изменения отношения к «чужому», включающего в себя не только противостояние двух интерпретаций православия, но и к «языческим пережиткам».

В.М. Живов отмечает, что если традиционные культуры, как правило, «не предоставляют индивиду выбор из спектра культурных или духовных ценностей», то «религиозная реформа создает такой выбор», когда «с точки зрения реформатора, каждый должен либо пережить духовное обновление, либо обречь свою душу на гибель», при этом «поставленная перед подобным выбором, некоторая часть общества предпочитает обычно второй путь или во всяком случае стремится обойтись без радикальных перемен в традиционном образе жизни» [7]. «Новообрядцы» как адепты европеизированной или эллинизированной культуры настаивали на том, что подлинная христианская мудрость не может существовать без философии, риторики и грамматики. На их взгляд, владение свободными искусствами было необходимо для правильного понимания Писания и, следовательно, для спасения души. Епископы-никониане обви-

няли старообрядцев в невежестве и утверждали, что их учение может вести только к духовной гибели. Аввакум и его последователи возражали в ответ, что свободные искусства представляют собой лишь внешнее знание, не относящееся к религиозной сфере или христианскому преданию, и в силу этого никакого отношения к спасению не имеют. Аввакум в своем Житии заявлял, что он «не учен диалектики и риторики и философии, а разум Христов в себе» имеет. Спасение, согласно взглядам Аввакума, зависит не от этого внешнего знания, но от неповторимых отношений отдельного человека к Богу. Тем самым индивидуальный выбор и индивидуальная харизма противопоставляются не нормам традиционного общества, но нормам культурной элиты [7].

Появление такого литературного жанра, как книжная поэзия, может быть связано с той важной ролью, которую начал играть в новой культурной системе принцип убеждения. Несколько упрощая, можно сказать, что религиозная реформа создавала необходимость приобретения сторонников и последователей, поскольку в этих условиях религиозные убеждения становились не автоматически наследуемым элементом традиционной культуры, а предметом индивидуального выбора. Поэтическая выразительность начала рассматриваться как действенное средство убеждения, появилась русская религиозная книжная поэзия. Параллельно распространяется публичная проповедь, стремящаяся вытеснить с улиц и площадей скоморо-

шество и народные игрища и установить универсальную социальную норму строгости и благочестия, впервые возникает противопоставление светской и духовной культуры, а литературная и художественная деятельность получает автономную значимость [7]. Помимо убеждения, однако, в силе оставались и репрессивные меры, прямое принуждение населения к вхождению в государственную церковь. Начинается третий этап развития религиозного образования и норм формирования религиозной идентичности, который был связан с приобщением молодых поколений к воображаемому сообществу «православных христиан государственной церкви».

В Европе в это время начинается процесс формирования национальных общностей, тесно связанный с протестантской Реформацией. В XV веке слова «нация» практически нет, а тексты XVI – XVII веков этим словом «просто пестрят» [13]. Идеология национализма была этапом общеевропейского развития, и в Россию она прибывает с Запада, из Франции и Германии XVIII столетия [8]. А. Миллер пишет, что «нации строятся ... в течение XVIII и XIX веков параллельно со строительством империи». Именно империя всегда позиционирует себя как цивилизационно независимое целое. В этом смысле можно сказать, что у России всегда были очень серьезные проблемы с легитимацией себя как привлекательной цивилизации. В европейском дискурсе она, в общем, служила неким образом негативного

Другого, и сами российские «элиты были от этого европейского дискурса не эмансипированны» [13].

Имперский контекст в России создается Петром Великим, который в 1702 году подписал манифест «О ввозе иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания», где говорится, что отменяется «древний обычай, посредством которого совершенно воспрещался иностранцам свободный въезд в Россию», и что такая мера вызвана искренним желанием царя, «как бы сим государством управлять таким образом, чтобы все наши подданные попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние». Для достижения этой цели правительство «учинило некоторые перемены, дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться во всех торговых делах». Далее сказано: «Понеже здесь, в столице нашей, уже введено свободное отправление богослужения всех других, хотя с нашей церковью несогласных христианских сект, – того ради и оно сим вновь подтверждается, таким образом, что мы, по дарованной нам от Всевышнего власти, совести человеческой приневолить не желаем и охотно представляем каждому христианину на его ответственность пещись о блаженстве души своей. Итак, мы крепче того станем смотреть, чтобы по прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и в частном отправлении богослужения, обеспокоен не был». Петр писал одному из сподвижников: «Для меня со-

вершенно безразлично, крещен ли человек или обрезан, чтобы он только знал свое дело и отличался порядочностью» [16]. Таким образом, в духе идей эпохи Просвещения утверждалось, что забота о «спасении души» начинает переходить из прерогатив государства в область исключительной компетенции самой личности подданного, хотя законы Российской империи препятствовали возможности выхода из Православия вплоть до 1905 года. Начинается четвертый этап религиозного образования и норм формирования религиозной идентичности, который был связан с приобщением молодых поколений к воображаемому сообществу «просвещенных подданных государя».

Петровское правление стало фактически началом создания духовных школ в России. До этого периода, как было отмечено выше, имелось лишь элементарное школьное обучение в приходских школах, позднее дополненное более многосторонним обучением в братских школах. Вместе с тем приходские и братские школы «не приспособились к целям духовной службы, но потом мало-помалу при архиерейских кафедрах стали являться исключительно сословные духовные школы, назначавшиеся для обучения молодых людей «в надежду священства» и закрытые для посторонних лиц» [9, с. 14].

Петр Великий провел церковную реформу, которая позволила перестроить школьное дело по образцам европейского Просвещения. Под духовным образованием в это время понималось образование, необходимое сы-

новьям духовенства для получения права на церковную должность, хотя в «полном и определенном виде сословность духовенства, как известно, формируется только в 20-х годах 18 столетия» [9, с. 22]. В 1718 году вышли указы, в которых подчеркивалась необходимость духовного образования в школах: «Кандидатов церковной службы указывалось заранее учить в школах, чтобы они были годны в попы и в случае открытия вакансий готовы к просвещению» [9, с. 23]. Без школьного образования дети духовенства не допускались к церковным должностям и обязаны были пройти обучение под угрозой принудительной армии, где их бы ждал только солдатский чин. Вовлечение здесь естественно соседствовало с информированием, поскольку необразованность делала невозможным занятие церковной должности.

До 1720-х годов школ было немного. После учреждения Святого Синода распространение духовного образования пошло быстрее. Особый вклад внес Феофан Прокопович, который «сделался правою рукою Петра во всех церковных реформах, в том числе и в организации духовного просвещения» [9, с. 56]. Одновременно с учреждением Синода в свет выходит «Духовный регламент» (1721), в котором излагаются положения, касающиеся церковного управления и организации духовного образования. Результатом этого стало открытие духовных училищ семинарского типа в разных городах России: «В Петербурге в 1721 г. открыты были сразу две школы: одна – в Александрово-Невской лавре архи-

еп. Феодосием (Яновским), другая – на Карповке архиеп. Феофаном (Прокоповичем). В том же году открылась семинария в Н. Новгороде, в 1722 г. – в Харькове и Твери, в 1723 г. – в Казани, Вятке, Холмогорах, Коломне, в 1724 г. – в Рязани и Вологде, в 1725 г. – во Пскове» [11, с. 409]. Состояние духовных школ после 1725 года (смерти Петра I) пришло в упадок, что было отмечено в рапорте Верховному тайному совету в 1727 году: «Общее положение духовного образования в начале XVIII в. было оценено Святейшим синодом в рапорте Верховному тайному совету от 1727 г. как тяжелое...» [11, с. 410].

Петр I сделал возможным принятие российского подданства без крещения «ради служения стране», разрешив и смешанные браки. Страна из воображаемого сообщества московской «моноконфессиональной православной Святой Руси» превратилась в воображаемое сообщество «моноконфессиональной Российской империи», где прежняя «Святая Вселенская Апостольская Церковь» (Послания старца Филофея, 1524), рассматриваясь как учреждение, состоящее «в системе государственного управления», именовалась «ведомством по духовным делам». Сама поместная Русская церковь официально именовалась в синодальную эпоху как «Российская Церковь», «Православная Российская Церковь», «Русская Церковь», «Российская Православная Церковь», «Российская Православная кафелическая Церковь», «Греко-Российская Церковь», «Православная Греко-российская Церковь», «Российская Восточно-православная

Церковь», «Российская Церковь греческого закона» [22]. Смена терминологии указывает на изменение государственного статуса православия и определенную секуляризацию религии. Сам термин «религия» появляется в России именно в эту эпоху, заменив более распространенный прежде термин «вера».

В наше время, когда религиозная и этническая идентичность смешиваются и почти не различаются, важно вспомнить, что до XVIII века в России не существовало норм, которые бы четко определяли, кто является «этническим русским», кто «российским гражданином (подданным)», а кто нет, поскольку в представлении русских людей того времени быть подданным значило быть «православным», подданство не определялось местом рождения, в связи с чем стать подданным означало «креститься в православную веру». Проблемы национальной идентичности и национализма в России начинают возникать только в XIX веке, особенно в эпоху Александра III.

С.С. Уваров, ученик и последователь Карамзина, получивший прекрасное европейское образование и лично знавший И.В. Гете, сформулировал известную доктрину в триаде «Православие – Самодержавие – Народность». Народность в этой формуле реализует новый национальный общеевропейский принцип, соответствуя немецкому Nationalität (идущему от философии романтиков), однако, поставленная на последнее место, она целиком определяется – в отличие от своих немецких и французских прототипов – через первые два члена триады. Для

Уварова народность, т.е. та специфика национального характера, которая создает органическое единство национального тела, как раз и состоит в верности православию и преданности царю (самодержавию) [5].

Именно Уваров, по утверждению А. Миллера, начинает понимать одну из важных имперских проблем – цивилизационной привлекательности русского центра, поскольку польские и немецкие элиты, включенные в имперское воображаемое сообщество, смотрели на Москву и Петербург как на культурную провинцию. Действительно, к тому моменту, когда Уваров выступал со своей идеей, количество людей, которые грамотны на польском языке, среди подданных Романовых заметно выше, чем количество людей, грамотных по-русски. В уваровской формуле очень важно (он это многократно подчеркивает), что он стремится к эмансипации России в Европе, но не к эмансипации от Европы. Идея эмансипации от Европы появится в России позже, наиболее ярким ее выразителем станет Н.Я. Данилевский. Уваров свой отчет о десятилетии Министерства народного просвещения начинает с тезиса, что «мы должны развивать нашу образовательную систему на собственных основаниях, сохраняя все богатства европейского опыта» [14].

А. Миллер полагает, что «первые два элемента – православие и самодержавие – в понимании Уварова, достаточно утилитарны. Если мы посмотрим на православие, то в первоначальных набросках его идеи оно вообще не упоминается. Речь идет о

традиционной или народной религии и именно в качестве этой традиционной, господствующей религии православие было ценным для Уварова». Обязанность правительства защищать «господствующую церковь» (как он формулирует эту позицию) он декларирует не только в отношении православия там, где оно доминирует, но и в отношении, скажем, протестантизма там, где он распространен на территории Российской империи, при этом никакого насильственного стремления к единству вероисповедания у него нет. Православие «в его традиционном варианте для Уварова важно как ответ двум тенденциям. Во-первых, рационализму, во-вторых, неконфессиональному мистицизму, который так характерен для царствования Александра I» [14].

Именно Уваров начинает обращать особое внимание на преподавание и изучение истории, здесь он производит настоящую революцию. Именно в 1834 году, в самом начале министерского срока Уварова, в российских университетах появились кафедры русской истории и кафедры истории российской словесности, т.е. те кафедры, которые будут поставлять людей, профессиональной обязанностью которых является говорение об истории и литературе в национальном духе, воспроизведение националистического дискурса [14]. Начинается этап религиозного образования и норм формирования религиозной идентичности, который был связан с приобретением молодых поколений к воображаемому сообществу «просвещенных сочленов одной нации».

В 1859 году возникают первые воскресные школы, главной целью которых было обучение грамотности крестьян в единственный нерабочий день – воскресенье (отсюда и такое название). Я.В. Абрамов в работе «Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее» писал: «По курсу и объему учения, воскресные школы относятся к одному разряду с приходскими училищами. В воскресных школах преподаются: 1) Закон Божий, 2) чтение и письмо на русском языке, 3) арифметика и 4) по мере надобности, рисование и черчение. Обучение Закону Божьему производится священнослужителями и, с разрешения епархиального начальства, воспитанниками духовных академий и семинарий. Учащимся должны быть объяснены важнейшие молитвы, краткая священная история, краткий катехизис, воскресная евангелия, значение праздников православной Церкви и обрядов богослужения» [1, с. 52].

Повышение грамотности, обучение языку простого народа, крестьян является важнейшим каналом имперской национальной интеграции. По словам А. Миллера, «происходит очень мощная индоктринация», поскольку «когда они начинают читать эти книжки, им на самом примитивном уровне, в том числе на уровне букваря, объясняют, кто они, откуда, к какой общности они принадлежат. У этих крестьян в XIX веке были свои представления, которые совершенно не оперировали национальными категориями. Они знали, что они православные, они знали, что они местные, они знали, что они

«русские», но «у основной массы населения Российской империи национальной идентичности не было», а собственно конструирование «национального проекта», как отмечает А. Миллер, «выражается в том, что человек множество своих временных идентичностей (я православный, я крестьянин, я местный) должен заменить на одну единственную – где ”тебе объясняют, что нет, ты только такой и язык у тебя должен быть такой, и прежде всего такой, и так дальше”» [13].

Эта концептуальная альтернатива «национально-местное/имперско-универсальное» оказывается определяющей для динамики русской историософской мысли XIX века. После недолгих и неуверенных успехов поисков секулярных и рациональных координат русского имперского пространства во второй половине XVIII века (при Екатерине Великой) конструирование российской идентичности возвращается к манипуляциям с прежними базовыми дискурсивными элементами. Именно в эти схемы вписывается та новая риторика, которая была усвоена из нарождавшегося европейского национализма, т.е. из концептов национального суверенитета, «единого национального тела» и легитимации власти как воплощения национальной воли [5]. Столкнувшись с задачей конструирования «национального тела», русские авторы неизбежно обращаются к устоявшимся религиозным категориям.

Таким образом, в наше время, когда религиозная и этническая идентичность смешиваются и почти не

различаются, важно вспомнить, что проблемы национальной идентичности и национализма в России начали возникать сравнительно недавно, только в XIX веке, особенно в эпоху Александра III, после смерти которого в 1894 году «Московские ведомости» писали о нем как об основоположнике нового периода в русской истории – «периода русского», возродившем «русское самодержавие», которое установилось в Московской Руси, когда полученная от Византии концепция абсолютной власти приобрела свои особые русские черты [3, с. 233 – 244]. В это время начинается увлечение имперской бюрократии «национальным проектом» [13]. С таких позиций начинает трактоваться и само понятие религии, которая, согласно Е.Н. Трубецкому, «есть то, что связывает людей воедино, когда она перестает их связывать, они друг другу – либо враги и соперники, либо случайные союзники в целях ограбления и эксплуатации друг друга. Когда отсутствует религиозная связь между людьми, их взаимоотношения определяются ничем не сдержанным биологическим принципом борьбы за существование» [18, с. 297].

Таким образом, в отечественной образовательной системе дореволюционной России можно выделить следующие социально-исторические этапы формирования образовательных форм, связанных с особым пониманием религиозной идентичности: 1) «христианская» идентичность, формирующаяся в результате крещения Руси; 2) «подлинные православные христиане»; 3) «православные христиане государ-

ственной церкви»; 4) «религиозно-просвещенные подданные императора» – период властвования Петра Великого, когда страна из воображаемого сообщества «моноконфессиональной православной Святой Руси» превратилась в «многоконфессиональную Российскую империю»; 5) подданные «православно-национальной империи» времен Александра III.

Библиографические ссылки

1. Абрамов Я.В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1900. С. 188.
2. Андерсон В. Старообрядчество и сектантство : Исторический очерк русского религиозного разномыслия. СПб. : Изд-во В. И. Губинского, 1908. С. 460.
3. Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ = RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. М. : ОГИ, 1999. С. 233 – 244.
4. Деко А. Апостол Павел / пер. с фр. И.И. Чельшевой ; вступ. сл. В.Я. Курбатова. М. : Молодая гвардия, 2009. С. 258.
5. Живов В. Два пространства русского средневековья и их дальнейшие метаморфозы [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www.polit.ru/research/2005/04/19/srednevekovie.html](http://www.polit.ru/research/2005/04/19/srednevekovie.html), свободный. Яз. рус. (дата обращения: 11.11.2013).
6. Живов В. Двоеверие и особый характер русской культурной традиции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philology.ru/literature2/zhivov--02.htm>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 04.10.2013).
7. Живов В. Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=886](http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=886), свободный. Яз. рус. (дата обращения: 01.11.2013).
8. Живов В. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/954/961>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 15.11.2013).
9. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб. : Летний сад, 2001. С. 799.
10. Кириллин В.М. «Чужое» в древнерусских сказаниях о Ферраро-Флорентийском соборе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187849>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 15.11.2013).
11. Козлов М. Духовное образование в России. XVII – XX вв. // Православная энциклопедия. М. : Православ. энцикл., 2000. С. 655.

12. Колосов В.А., Павлова Т.И. К этимологии терминов «православный» и «православие» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2319>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 13.11.2013).
13. Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Взгляд историка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2005/04/14/miller.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.11.2013).
14. Миллер А. Триада графа Уварова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2007/04/11/uvarov.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.11.2013).
15. Послание старца Филофея [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/16/1/filofey.htm>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 11.11.2013).
16. Савельев А.В. Россию и из России. При Петре Великом и сейчас [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.savelev.ru/article/show/?id=419&t=1>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 12.11.2013).
17. Севастьянов О.Ю. Прошлое и настоящее лютеранства в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://seminaria.bel.ru/pages/mo/2003/mo5_st_1.htm, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 27.10.2013).
18. Грубецкой Е. Н. Избранные произведения. Ростов н/Д : Феникс, 1998. 512 с.
19. Турилов А.А. Духовная литература и письменность: X – XVII вв. // Православная энциклопедия. М. : Православ. энцикл., 2000. С. 655.
20. Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник : пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1990. С. 368.
21. Фуров В.Г. Религиозное обучение и образование // Большая Советская Энциклопедия. М. : Сов. энцикл., 1975. Т. 21. С. 626.
22. Цыпин В. Ведомство православного исповедания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/150023.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.11.2013).
23. Шахов М.О. Старообрядческое мировоззрение : Религиозно-философские основы и социальная позиция. М. : Изд-во РАГС, 2002. С. 267.

G.A. Geranina

FORMATION OF RELIGIOUS IDENTITY IN THE NATIONAL EDUCATIONAL SYSTEM OF THE PRE-SOVIET PERIOD

The paper deals with the research and analysis of religious identity in the national education system of pre-Soviet period (up to 1917). On the basis of the analysis the socio-historical stages of formation of religious identity are highlighted in the paper.

Keywords: religious identity, religious education, imagined community, religion.

ФИЛОСОФИЯ Ф. НИЦШЕ В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ИРРАЦИОНАЛИЗМА

В статье рассматриваются основные этапы формирования и развития западноевропейского иррационализма, делается попытка исследовать его как социально-культурный и философский феномен. Особое внимание уделяется творчеству Ф. Ницше – одного из наиболее ярких представителей субъективистской версии иррационализма в XIX в.

Ключевые слова: иррационализм, кризисные явления, общественная жизнь, литература и искусство романтизма, творчество VS познание, «философия жизни».

Как известно, в широком смысле под иррационализмом понимают философские учения, ограничивающие, принижающие или отрицающие роль разума в познании, выдвигающие на первый план иные виды познавательных способностей человека – интуицию, инстинкт, непосредственное созерцание, веру (как особый вид нерационального познания), откровение, озарение, воображение, особым образом истолкованные «чувства». По аналогии с мистицизмом, который нередко рассматривается в литературе как еретическое отклонение от ортодоксальной христианской религиозности, неизменно полагающей разум важнейшим атрибутом Бога и считающей «трезвение» обязательным требованием подлинного благочестия [3, с. 78], иррационализм можно понимать как некий род «ереси» в рамках западноевропейской философии, которая начиная с греческой античности и вплоть до начала XX века

характеризовалась явным преобладанием рационалистической убежденности в том, что бытие имеет разумную основу. По мере секуляризации западного сознания, углублявшейся в процессе капиталистической «модернизации» Запада, иррационализм принимает на себя многие функции мистицизма: он становится формой светских «ересей», направленных против тех или иных основополагающих принципов западноевропейской культуры и культурной традиции – мыслительных, нравственных, эстетических. В этом заключается одна из «общесоциологических» причин укрепления позиций иррационализма в XVIII веке и постепенной кристаллизации его в XIX столетии в качестве целого философского направления, приобретающего все больший размах по мере приближения к веку двадцатому, в котором увлечение иррационализмом достигает своего апогея.

Одним из провозвестников будущего иррационализма в европейской философии стало германское движение «Буря и натиск». Движение оказалось неоднородным и противоречивым: бунтарство «штюрмеров» сочеталось с политической индифферентностью и консерватизмом, внимательное отношение к народной культуре и симпатии к народу – с крайним индивидуализмом, богоборчество – с религиозной экзальтацией. Однако всех «бурных гениев» объединяли индивидуализм и субъективизм творчества, живой интерес к внутреннему миру каждого отдельного человека, к таинственным глубинам его духовной жизни и недоверие к рассудку и рационалистическим принципам, отстаиваемым мыслителями раннего Просвещения. Несмотря на все разногласия и наличие противоречивых позиций по «религиозному вопросу» внутри движения, «штюрмеры» оказали существенное влияние на будущий романтизм и постромантизм уже самим фактом внимательного отношения к проблемам религии после долгого периода умолчания о них в «иррелигиозную» эпоху Просвещения, а также признанием (религиозного) откровения и (чувственной) веры полноправными способами познания мира.

Если в 50 – 70-е годы XVIII века наблюдается постепенное прорастание иррационалистических тенденций сквозь в целом глубоко рациональные по форме философские учения, то в конце XVIII – начале XIX века имеет место значительное упрочение позиций «иррационального», усиление влияния

его на содержание и общий стиль философствования. Фоном для него стали упадок в науке и культуре (вырождение «большого стиля»), общеевропейский кризис политической жизни (следствием которого явились революции в ряде стран), нарастание «отчужденности», внутренней «расколотости» в человеке, болезненного противоречия между разумом, душой, чувствами. Можно видеть, что еще на ранних этапах становления западноевропейский иррационализм оказывается тесно связанным с различными формами социальной нестабильности, с кризисными явлениями общественной жизни и во многом зависит от них.

В XIX столетии влияние иррационализма выходит далеко за рамки философии, распространяясь на литературу и искусство романтизма.

Становление романтизма напрямую связано с деятельностью йенского кружка, ядро которого составили Ф. Шлегель и А.В. Шлегель, Ф. Гарденберг (Новалис), Ф. Шеллинг, Л. Тик, к которым примыкали также В.Г. Ваккенродер и Ф.Д.Э. Шлейермахер. Для философии романтизма становится характерным противопоставление интуитивно-непосредственного и рационально-логического знания, сомнение в возможностях разума и недоверие к теории познания. Романтики не преуспели в написании ученых трактатов; даже сочинения, называемые романтиками «трактатами», представляют собой скорее сборники философских искусствоведческих этюдов, эссе и

афоризмов (таков, например, анонимный эстетический трактат «Сердечные излияния монаха – любителя искусств», подлинными авторами которого были В.Г. Ваккенродер и Л. Тик). Введенный Ф. Шлегелем термин «несистематическое философствование» как нельзя лучше отражает сущность романтической философии, представленной в основном в «свободных» формах: очерках, философских и искусствоведческих этюдах, художественных произведениях романтических авторов. При этом отсутствие системы возводится чуть ли не в добродетель: «Кто *верит* в силу *системы*, тот изгнал из своего сердца любовь к ближнему: уж лучше нетерпимость чувства, чем нетерпимость рассудка; уж лучше *суеверие*, чем *системоверие*» [5, с. 270], – считают В.Г. Ваккенродер и Л. Тик. Ф. Шеллинг полагает, что искусство много выше философии в силу своей общедоступности и обращенности к целостному человеку; философия родилась из поэзии и в будущем вернется к ней.

Продолжившие критику творческих принципов и идей просветителей романтики рассматривают искусство как чуть ли не единственную сферу раскрепощения разнообразных способностей личности, ее свободной самореализации. Философия и филология, социология, история и даже некоторые естественные науки зачастую приобретают в романтизме эстетический оттенок, оказываются неразрывно связанными с проблемами теории искусства. Искусство романтики считают высшей степенью человеческой дея-

тельности, эстетическое созерцание – одной из высших форм продуктивного созерцания, созерцанием, которое обрело объективную полноту и значимость (Ф. Шеллинг).

Именно романтизм выдвигает прочно утвердившийся впоследствии в философии и искусстве идеал свободной личности. Для романтиков важен конкретный живой человек: «только индивидуум интересен» (Ф. Шлегель) [4, с. 176]. Романтическая (точнее, заимствованная романтиками у гуманистов эпохи Возрождения) идея человеческой уникальности, неповторимости станет одной из самых популярных в искусстве и культуре XIX – XX столетий.

Если античные мистики видят в человеке воплощение идеи гармоничного первообраза, подобие универсума, то романтики объявляют человека «источником аналогий для Вселенной», а его бытие – «самым чудесным и вечным феноменом» [8, с. 96, 107]. Для романтиков характерно внимательное отношение к наиболее древнему и всеобщему мифологическому сознанию, к творческому процессу, который часто отождествляется с мифотворчеством и понимается как, в сущности, иррациональное действие.

Как и у «штюрмеров», у ранних немецких романтиков будет широко и разнообразно разрабатываться проблема религии. Продолжателем религиозной линии «Бури и натиска», представленной И.Г. Гаманом, И. Гердером, И.К. Лафатером и Ф.Г. Якоби, станет «романтический вероучитель»

Ф.Д.Э. Шлейермахер, полагающий, что новое образование, рассеянное в массе научных и поэтических интересов, может найти свое единство и свою глубочайшую силу только в религии. Именно она, проникая в жизнь и освещая ее, соединяет совокупность разумных деятельностей в органическое единство [9]. Новалис также усматривал в религии залог жизненного единства всех видов культурной деятельности.

Отталкиваясь от воззрений теоретических оппонентов Ф.Г. Якоби (И. Канта и И.Г. Фихте), Ф. Шеллинг сходится с ним по крайней мере в двух важнейших моментах: в усмотрении несостоятельности логического мышления в том, что оно может постичь только обоснованное и обусловленное, и в выведении необходимости божественного откровения из неспособности логического мышления дедуцировать эмпирически-чувственное бытие. Философская эволюция Шеллинга обнаруживает, что иррационалистический мотив становится в итоге определяющим в его теоретических построениях.

Уже ранний Шеллинг полагает единственно возможным способом проникновения в рационально непознаваемую, необъективируемую сферу «чистого Я» «интеллектуальное созерцание»; способом постижения постулируемого мыслителем иррационального «творческого акта», понимаемого им как сущность «абсолютного», становится «интеллектуальная интуиция». В зрелый период творчества к ним добавляется также *откровение*, т.е. ми-

стический опыт, с помощью которого постигается бытие Бога, – последнее Шеллинг выдвигает как недоказуемую предпосылку всякого философствования.

Таким образом, ранний немецкий романтизм, выступая как логическое продолжение движения «Буря и натиск», развивает и значительно усиливает в том числе и иррационалистические элементы философии «штюрмеров». Именно романтики формулируют проблемы, в русле которых шло последующее развитие иррационализма, уже у них иррациональный момент нередко включают как равноправный в сам ход теоретических рассуждений. Важными способами познания мира становятся (интеллектуальная) интуиция, озарение, (мистическое) откровение.

Романтики также положили начало пониманию познания как «творчества», а творчества – как «познания», столь характерному для культуры XX века. Их деятельность подготовила почву для нового философствования, стирающего границы между собственно философией и литературой, облакающего мысль в художественную форму. «Наиболее плодотворная форма их умозрения – меткий афоризм; достигнутый результат – беспокойство мысли», – отмечает А.В. Гулыга [2, с. 161].

Если иррационализм романтиков являлся в основном реакцией на культ разума в эпоху Просвещения, то иррационалистические учения конца XIX века зачастую представляют собой форму негативной реакции на гегелевский панлогизм – теоретическое построе-

ние, в принципе исключаящее иррационализм. Именно к таким учениям, созданным в противовес сугубо рационалистической системе Гегеля, относятся учения С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра. Последний является прямым предшественником философии жизни – иррационалистического течения философии конца XIX – начала XX века, основными представителями которого были Ницше, Дильтей, Зиммель, Шпенглер, Бергсон и др.

Одним из наиболее ярких представителей субъективистской версии иррационализма в XIX веке стал Фридрих Ницше. Своим влиянием на последующие судьбы европейской философии Ницше обязан не только и не столько содержанием своих идей, сколько их формой, оригинальностью их разработки, парадоксальностью подачи, т.е. самим стилем и манерой философствования. Именно у Ницше произошло полное слияние художественного и философского способов мышления, тенденция к которому прослеживается уже у романтиков и Шопенгауэра.

Если Шеллинг и Гартман, разложив научно-теоретическое мышление по содержанию, продолжали сохранять в способе изложения своих воззрений старую, апеллирующую к рассудку как к последнему авторитету форму системы понятия и категорий, то Ницше находит форму, адекватную той трансформации содержания философского знания, которую произвели его предшественники. Он «интуитивно» осознает, что если философ взывает к иррациональной стихии, а не к

разуму как к последнему основанию и последнему авторитету, вряд ли существует необходимость излагать свои идеи в строго разработанной логической форме, как это делали его предшественники. Скорее он должен апеллировать именно к этому началу и в форме изложения своих идей, демонстрируя тот «иррациональный» способ, которым он «уловил» истину. Именно у Ницше иррационализм окончательно обретает свой собственный, особый язык – язык иносказаний и пророчеств, образов, символов и аллегорий, – отмечает Ю.Н. Давыдов [3, с. 125 – 126].

«Эмансипируясь» от определенных философских понятий и категорий, иррационализм вместе с тем утрачивает интерес к целому ряду логико-гносеологических проблем, издавна составлявших специфическое содержание философии. Фактически Ницше признает, что в иррационалистических построениях философия перестает быть «наукой», становясь «любовью к мудрости» вообще, не связанной напрямую ни с какой традицией, черпающей свои проблемы и свое содержание «непосредственно из жизни», – «философией жизни». Хотя связь с традицией, безусловно, остается: многие авторы не без оснований рассматривают творчество Ницше либо как высшую точку, заострение романтической философии (Бертрам), либо как закономерный итог развития всей европейской философии, либо как следствие господствовавших и продолжающих господствовать идейно-ценностных установок (Хайдеггер).

Хайдеггер расценивает учение Ницше, исходившего из воли и ограничивающего роль разума (и тем самым вставшего в оппозицию к традиции европейского рационализма), в сущности лишь как выражение и завершение европейской метафизики, не знавшей и не хотевшей знать никаких ограничивающих человеческую субъективность инстанций. «Аполлоновское» и «дионисийское» начала, положенные Ф. Ницше в основание раннего философского построения, изложенного в «Рождении трагедии из духа музыки», оказываются традиционными понятиями немецкого идеализма, преломленными сквозь призму шопенгауэровского мировоззрения: принцип индивидуальности (*principium individuationis*), с одной стороны, и принцип всеобщности, истолкованный как неразличенная (и неразличимая) в себе всеобщность, хаос – с другой. В. Виндельбанд утверждает, что это «противоположность между волюнтаризмом и интеллектуализмом, между шопенгауэровской волей и гегелевской идеей» [1, с. 375].

Со временем «дионисийское» начало (стихийное, изначально-жизненное) одерживает в мирозерцании Ницше окончательную победу над «аполлоновским» (просветленным, гармоничным, рефлексивным). При этом оно трансформируется и принимает итоговый характер «*воли к власти*» как глубочайшей (иррациональной) сущности бытия, которой, согласно философу, одержимо все живое [7, с. 284], в том числе человек. Все формы

человеческого поведения маскируют волю к власти, которая у людей слабых проявляется как воля к «свободе», у более сильных – как воля к большей власти, у самых сильных – как любовь к человечеству, которой прикрывается то же изначальное стремление к подавлению чужой воли [10, с. 776].

«Что хорошо? – Все, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть. Что дурно? – Все, что происходит из слабости.

Что есть счастье? – Чувство *растущей* власти, чувство преодолеваемого противодействия.

Не удовлетворенность, но стремление к власти, не мир вообще, но война, не добродетель, но полнота способностей (добродетель в стиле Ренессанс, *virtù*, добродетель, свободная от морали)» [6, с. 633] – таков идеал и кредо Ницше.

Восстание безграничного индивидуализма, осуществляемое на почве иррационалистического мирозерцания, достигает своей высшей точки в утверждении относительности всех ценностей. Только всевластная воля сверхчеловека продолжает существовать в качестве абсолютной ценности и санкционирует всякое средство, которое ей служит. Для «высшего» человека нет уже более никакой нормы – ни логической, ни этической. Место «автономии разума» заступил произвол сверхчеловека – вот тот путь, каким XIX столетие прошло от Канта к Ницше, – указывает В. Виндельбанд.

Творчество Ницше оказало весьма ошутимое влияние на последую-

щее развитие философской мысли как на Западе, так и в России. Можно предположить, что большая популярность философа в России отчасти объясняется именно его глубокой укорененностью в романтической традиции, которая долго бытовала в России и являлась, в сущности, родной для русской культуры.

Несмотря на то, что немецкий мыслитель был «ниспровергателем кумиров» и «человеком последнего бунта», несмотря на то, что в его творчестве многое говорит о наступающем веке модерна, заявляющем о себе нарочито антагонистической позицией по отношению к культуре прошлого (особенно – недавнего прошлого), разрывом со всеми и всяческими традициями и «сдвигом всех осей», целый ряд

тем и идей, сам стиль сочинений Ницше, глубоко личное отношение ко всему им «рождаемому», неразрывная связь его философии с жизнью и подчинение жизни «поэтическому чувству» – все это имеет корни и обоснование в романтизме. К «романтическим» качествам ницшевского творчества следует отнести также синтетическую жанровую природу произведений мыслителя, обращение к символу и мифу, сомнение в возможностях разума (агностическая тенденция), разлад с действительностью и бунтарство, разочарование в «прогессе», тоску по идеалу (которым для Ницше являлась Древняя Греция), эстетизм, повышенное внимание к языку и поиск новых выразительных средств «по ту сторону слова».

Библиографические ссылки

1. Виндельбанд В. История новой философии. 1905. 423 с.
2. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М. : Мысль, 1996. 416 с.
3. Давыдов Ю.Н. Философский иррационализм, его генезис и основные исторические типы // Рациональное и иррациональное в современном буржуазном сознании : сб. реф. М., 1979. С. 77 – 136.
4. Литературная теория немецкого романтизма. Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 329 с.
5. Несколько слов о всеобщности терпимости и любви к ближнему в искусстве // Памятники мировой эстетической мысли. М. : Искусство, 1967. Т. 3. 1006 с.
6. Ницше Ф. Антихрист // Сочинения. В 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1996. С. 631 – 692.
7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Сочинения. В 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1996. С. 238 – 406.

8. Новалис. Фрагменты // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 640 с.
9. Шлейермахер Ф.Д. Речи о религии к образованным людям, ее презирающим. М.,1994.
10. Werke, Bd 16, Lpz., 1912. Fr. 776.

S.V. Pogorelaya

NIETZSCHE'S PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF WEST EUROPEAN IRRATIONALISM

The main stages of forming and development West European irrationalism are under consideration. The author makes an attempt to investigate it as a social-cultural and philosophical phenomenon. The author's special attention is paid to creative activities of Friedrich Wilhelm Nietzsche, one of the brightest representatives of the subjective version of irrationalism in XIX century.

Keywords: irrationalism, crises phenomena, public life, literature and art of romanticism, creativity VS cognition, philosophy of life.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОЦЕНКИ ПЕРСОНАЛА

В статье рассматривается суть процедуры оценки работников как функции управления персоналом, предусматривающей использование ряда социально-управленческих технологий. Соответствующая функция включает в себя оценку качеств работников и результатов его трудовой деятельности. Обосновывается возможность и необходимость оценки качеств работников, значимых для успешного выполнения трудовой деятельности определенного вида. На основе теоретических принципов и анализа реального опыта сформулированы основные задачи, методы и формы оценки персонала.

Ключевые слова: управление персоналом, оценка персонала, социально-управленческая технология, функция управления, критерии оценки персонала, формы оценки персонала.

Эффективность использования человеческих ресурсов все больше определяется не численностью, а качественными характеристиками персонала. Именно благодаря этой объективно существующей тенденции усилилось внимание к проблемам управления персоналом в целом и специфике их проявления в различных формах деятельности.

Успех деятельности любой трудовой организации в решающей степени зависит от сотрудников, готовых к взаимодействию во имя достижения наилучших результатов, находящих удовлетворение в своей работе, понимающих цели деятельности фирмы и идентифицирующих себя с ними. Непрерывный процесс руководства персоналом способствует лучшему распознаванию его качеств и таким образом

подготавливает почву для его объективной оценки.

Особенно актуальной задачей объективной оценки персонала стала в нашем обществе в настоящее время задача перехода к новой рыночной системе. Практика формирующихся новых социально-экономических, правовых, трудовых и нравственных отношений в обществе, переход на контрактную систему найма работников требуют для обеспечения эффективного выполнения задач, стоящих перед той или иной трудовой организацией, систематического проведения основанной на научных рекомендациях и использовании передового опыта оценки персонала и на этой основе совершенствования его состава. Продуманная и высокоэффективная система оценки персонала способствует успешной ре-

ализации на различных уровнях всех функций управления в организации. Оценка персонала – не только один из основных видов кадровой работы, но и важный компонент управления, так как грамотный подбор и расстановка персонала обеспечивают достижение эффективной деятельности предприятия. Поэтому без преувеличения можно сказать, что в современных условиях управление персоналом просто невозможно осуществлять без проведения систематической оценки качеств, необходимых работнику той или иной категории для выполнения его трудовых функций, и оценки результатов его деятельности.

По своей сути процедура оценки работников (персонала) определяется в научной литературе по-разному, и при этом, как будет видно, имеющиеся определения и трактовки нуждаются в серьезных коррективах.

Известные ученые в области управления персоналом П.В. Журавлев, С.А. Карташов, Н.К. Маусов, Ю.Г. Одегов считают, что «оценка персонала – это целенаправленный процесс установления соответствия качественных характеристик персонала (способностей, мотиваций и свойств) требованиям должности или рабочего места» [1, с. 288].

Сходным образом определяет рассматриваемую процедуру А.Я. Кибанов: «Деловая оценка персонала – это целенаправленный процесс установления соответствия качественных характеристик персонала (способностей, мотиваций и свойств) требованиям должности или рабочего места» [2, с. 257].

Иные явления – не качества работников, а результаты их деятельности – как предмет оценки называет С.В. Шекшня. Оценка персонала понимается им как «процесс определения эффективности выполнения сотрудниками организации своих должностных обязанностей и реализации организационных целей» [5, с. 223].

Примерно такие же, разные – в силу различного понимания предмета оценки – определения и трактовки сути рассматриваемой процедуры мы видим и у других авторов. В большинстве эти трактовки являются односторонними: принимаются во внимание либо качества работника, либо результаты его деятельности, в то время как предметом оценки в системе управления персоналом должно быть и то и другое. И на практике в лучших случаях так это и делается.

Только в немногих трудах, прежде всего, в трактовке А.И. Турчинова оба упомянутые представления объединяются, что, несомненно, наиболее плодотворно: оценка персонала понимается как «познание способностей, личностных качеств, результатов работы и т.д. с тем, что выступает в виде известного или желаемого – способа деятельности, результата труда, личностных характеристик, то есть идеала, эталона» [4, с. 182].

Нередко же, в тех немногих случаях, когда обе названные группы явлений называются в качестве предмета оценки, они оказываются представленными бессистемно, хаотично, про-

сто в виде перечисления. К тому же, в большинстве случаев не упоминается соотношение устанавливаемого фактического состояния с какими-то критериями, с эталоном, а без этого не может быть оценки.

Оценка персонала, во-первых, представляет собой выражение отношения компетентного субъекта (должностного лица, органа и т.д.) к определенным качествам работника, значимым в той или иной степени для его трудовой деятельности, и к результатам его деятельности. Во-вторых, соответствующая процедура предполагает не просто субъективную оценку, а использование определенных объективных критериев, эталонов, с которыми сопоставляется реальное состояние. Таким образом, можно определить, что оценка персонала представляет собой процесс и результат измерения, сравнения познаваемого объекта – значимых для данной трудовой деятельности качеств работников и результатов их труда – с тем, что может выступать в качестве эталона.

Практика оценочного отношения к деятельности работников, существовавшая всегда, приобретает качественно новый характер в современных условиях, когда управление персоналом начинает основываться на научных подходах. Оценка качеств и результатов трудовой деятельности работников становится функцией управления, реализующейся путем использования ряда социальных технологий с достаточно четко регламентированными це-

лями и содержанием, с институционализированными средствами и методами проведения данной процедуры.

Оценка персонала – один из самых эффективных инструментов руководства организацией и потому одна из важнейших функций управления. Она связывает, объединяет все элементы системы управления персоналом в единое целое. Невозможно осуществлять управление персоналом ни по одному направлению (планированию персонала, подбору кадров, адаптации, стимулированию труда, развитию способностей, трудовым перемещениям и карьере, сплочению коллектива, высвобождению персонала и др.), не проводя при этом оценку профессиональных, деловых и личностных качеств работников. Регулярное и основанное на научных технологиях осуществление соответствующей деятельности, конечно, требует затрат, но позволяет руководителю четко представлять, какими человеческими ресурсами он располагает. На основе полученных данных он может принимать обоснованные решения практически по всем вопросам работы с персоналом.

Обобщая имеющуюся практику, специалисты отмечают, что «большинство руководителей трудовых организаций по итогам оценки персонала ставят обычно такие административные задачи:

- выявление кадрового резерва, пересмотр штатного расписания;

- изменение системы оплаты труда, определение вознаграждения за проделанную работу;

- определение потребности в обучении, решение проблем роста, карьеры сотрудников» [5, с. 247].

Несколько дополняя и уточняя приведенные суждения, можно сказать, что регулярное использование процедуры оценки персонала позволяет к тому же:

а) устанавливать справедливое соотношение между количеством и качеством труда и денежным вознаграждением и, следовательно, повышать удовлетворенность персонала своим трудом;

б) стимулировать трудовую активность работников;

в) получать информацию о степени соответствия профессиональных и других необходимых для трудовой деятельности качеств работников объективным требованиям; на этой основе можно разрабатывать и осуществлять меры по совершенствованию соответствующих качеств сотрудников, в частности по планированию профессионального обучения с учетом выявленных недостатков в квалификации работников, а в конечном счете планировать профессиональное развитие, в частности для служащих – продвижение по служебной лестнице.

Помимо приведенных, обычно отмечаемых в литературе (и несколько дополненных нами) результатов введения в регулярную практику оценки работников, еще она позволяет:

- осуществлять правильный подбор и расстановку кадров (с чего следовало бы начинать весь перечень результатов);

- наблюдать динамику изменения оцениваемых показателей и производить сравнения по группам должностей, структурным подразделениям;

- способствовать созданию благоприятных социально-психологических отношений между сотрудниками, предупреждать развитие социальной напряженности и конфликтов в коллективах.

Поставленное на научную основу управление персоналом обязательно требует оценки качеств работника, начиная с его приема на работу и в последующем процессе использования его труда в соответствии с определенной системой критериев. Эти критерии целесообразно указывать в профессиограммах, которые следовало бы разрабатывать по всем видам профессиональной деятельности или хотя бы по группам смежных профессий. При этом оценке должны подлежать как профессиональные, деловые, так и личностные качества, необходимые для выполнения профессиональных обязанностей и функций.

Что касается способов, методов оценки персонала, обоснованных наукой и применяемых на практике, их можно классифицировать по различным основаниям. По субъектам оценки методы можно разделить на индивидуальные, групповые и экспертные. По средствам представления инфор-

мации о предмете оценки – на формализованные (знаковые, графические), вербальные и комбинированные.

К формам оценки персонала могут быть отнесены: аттестация, квалификационный экзамен, тестирование.

Отечественная и зарубежная наука и практика предлагают различные методы и подходы к оценке качества персонала. В основе одних лежат формализованные подходы (например, анкетирование, тестирование), а других – методы, основанные на использовании неформализованных подходов к изучению человека (собеседование, групповая дискуссия, наблюдение и др.). По нашему мнению, комплексная оценка работников должна включать и те, и другие методы.

Процесс оценки эффективности выполнения сотрудником своих должностных обязанностей, выполняемый его непосредственным руководителем или вышестоящим органом, принято называть аттестацией. В ходе процедуры аттестации определяются квалификация работников, их уровень

знаний, практического опыта и качество труда. Аттестация может одновременно рассматриваться и как процесс оценки, и как одна из форм оценки.

Поскольку оценка осуществляется людьми, неизбежна ее субъективность в той или иной степени. Для того чтобы ее минимизировать, необходимо сопоставление и восполнение субъективных оценок экспертов с объективными показателями деятельности аттестуемых работников.

Анализ практики аттестации, проводимой в последние годы на отечественных предприятиях, позволил сделать вывод о том, что для последующей разработки единых критериев и методик их применения требуется предварительная их унификация в рамках типовых рабочих мест и должностей. Важно на основе научных подходов выработать систему, позволяющую учесть все достижения теории и практики разработки и применения критериев, позволяющих более точно оценивать необходимые для трудовой деятельности качества работников и результаты этой деятельности.

Библиографические ссылки

1. Журавлев П.В. Технология управления персоналом. М. : Экзамен, 2000. С. 288.
2. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации. М. : Инфа, 1998. С. 257.
3. Самыгин С. И., Столяренко Л.Д. Менеджмент персонала. Ростов н/Д : Феникс, 1997. С. 223.
4. Турчинов А.И. Профессионализация как деятельностная основа кадровой политики : дис. ... д-ра социол. наук. М. : РАГС при Президенте РФ, 1998. С.182.
5. Шекшня С.В. Управление персоналом в современной организации. М. : ЗАО «Бизнес-школа 97», 1997. С. 247.

SOCIAL TECHNOLOGIES OF PERSONNEL ASSESSMENT

The paper deals with the essence of the personnel assessment as a function management, taking into consideration a set of social-managing technologies.

The corresponding function includes two main aspects, assessment the quality of the workers and the result of their work-action. The author argues the possibility and necessity of assessment not only the professional skills of the workers, but also their personal qualities, which are important for successful fulfillment of the job-action of the definite kind. The main tasks, methods and forms of assessment of the personnel are formed on the basis of the theoretical principals and analysis of the real experience.

Keywords: the managing of the personnel, personnel assessment, social-managing technologies, the function of the managing, criteria and forms of personnel assessment.

УДК 316.334.22

Е.Н. Орлик

МОЛОДЕЖЬ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОПЫТ ВТОРИЧНОГО АНАЛИЗА

Становление российского рынка труда сопровождается глубинными изменениями в системе социально-трудовых отношений и механизме адаптации к ним молодежи.

Ключевые слова: рынок труда, социально-трудовые отношения, инструментальное и терминальное отношение к труду, профессиональный выбор, вторичная занятость, профессиональная мобильность.

В социологической науке к молодежи традиционно принято относить лиц в возрасте от 15 до 30 лет. Возраст рассматривается в данном случае как некий маркер социальных и психологических характеристик этого поколения людей.

Среди факторов социологического определения молодежи исследователи, как правило, выделяют:

- возрастные и социально-психологические особенности;

- специфику социального статуса, ролевых функций и социокультурного поведения;

- процесс социализации как единство социальной адаптации молодежи и индивидуализации [6, с. 91].

При этом молодость рассматривается как особый этап в социализации личности, ее жизненного цикла. Социальный статус молодости носит ярко выраженный маргинальный характер, который находит отражение в

процессе перехода индивида из отрочества во взрослую жизнь. Находясь на особом этапе социализации, молодые люди, осваивая общественные нормы и правила, развивая социально востребованные знания и навыки, стремятся к максимальному раскрытию своих сущностных сил, самоидентификации.

Именно на этом этапе жизненного цикла молодые люди приобретают первый трудовой опыт, на основе индивидуальных склонностей и задатков осуществляют свой профессиональный выбор; тогда же происходит и отождествление их с конкретными профессиями и, как следствие, с определенными профессиональными (социальными) группами. Неслучайно П. Сорокин наделял профессию селективной, стратификационной и интеграционной функциями [7, с. 353 – 373].

Профессиональный профиль молодежи в целом несущественно отличается от профессионального профиля старших возрастных групп, находясь в социальном иерархическом интервале от чернорабочих и неквалифицированных офисных служащих до высококвалифицированных рабочих и специалистов. Однако в отличие от представителей старших возрастных групп у молодых людей наблюдается разная степень включенности в социально-трудовые отношения в силу существующей разницы в степени их экономической активности. Так, самая низкая экономическая активность присуща молодым людям старшего школьного возраста и представителям возрастной группы от 17 до 24 лет, проходящим общее и профессиональное обучение в

средних, средних специальных и высших учебных заведениях. Поэтому, анализируя процесс включенности молодежи в социально-трудовые отношения, следует разделять предметное (реальное) и проективное (сценарное) ее вхождение в сферу труда.

Молодежь в обществе выполняет три основные функции: воспроизводственную, инновационную, трансляционную. «Реализуя собственные функции, молодежь обеспечивает сохранение целостности общества (преемственность), участвует в его совершенствовании и преобразовании, благодаря своему инновационному потенциалу, а также передает (транслирует) обновленный опыт последующим поколениям» [8, с. 269].

В силу этих обстоятельств молодежь является стратегическим ресурсом любого общества. Поскольку от того, каким образом произойдет освоение и воспроизводство молодыми людьми общественных и в первую очередь социально-трудовых отношений, зависит развитие социальной структуры, социальных институтов, уровень социально-экономической стабильности общества.

Сохраняющаяся на сегодня в российском обществе тенденция сокращения численности молодых людей, вступающих в трудовую жизнь; увеличение числа молодых людей, воспитываемых в неполных семьях; рост числа разводов в молодежных семьях; тенденция ухудшения состояния здоровья детей и подростков, криминализация части молодежи – все это, безусловно, снижает роль молодежи

как социального и трудового ресурса. Такое положение дел позволяет констатировать, что ресурсные возможности российского общества в части социально-демографической, морально-правовой, витальной и экономической составляющей социализации молодого поколения частично носят дисфункциональный характер. Во многом это связано с процессами утверждения новой социальной системы, затрагивающей базисные основы развития и функционирования общества. Эти процессы сопровождаются появлением новых норм и правил, принципиально иных сценариев социальной и трудовой жизни.

К достижениям постсоветского периода российского общества в сфере социально-трудовых отношений относятся следующие: разработка прогрессивного трудового законодательства, финансовая и социальная поддержка государством людей, временно оставшихся без работы; развитие рынка труда за счет включения в сферу занятости новых социальных ролей и профессий (бизнесменов, топ-менеджеров, пиарщиков и рекламистов, риелторов, финансовых аналитиков и пр.), значительное увеличение трудовой мобильности (широкие возможности трудоустроиться с последующим переездом в любой регион страны и за рубеж), снижение патернализма и рост индивидуальной ответственности работников наемного труда; правовое оформление и социальная регламентация трудовых споров и конфликтов (возможность решения этих конфликтов с использованием не только арбитража,

судебных инстанций, но и путем привлечения конфликтующими сторонами сил общественного мнения, иных институтов гражданского общества). Добавим, что существенно упростились правила получения той или иной профессиональной роли: достаточно «оказаться в нужном месте в нужное время». Поэтому на уровне общественного мнения как само собой разумеющееся воспринимается тот факт, что молодые люди до 30 лет возглавляют серьезные направления в бизнес-структурах или руководят корпорациями. К профессиональным предпочтениям молодежи можно также отнести расширившийся список профессий, базирующихся на преимущественной занятости молодых людей (спорт, балет, хореография, модельный бизнес).

При этом сформировавшийся за двадцать с небольшим лет российский рынок труда обязывает экономически активное население наращивать свою конкурентоспособность и быть готовым к повышению квалификации, освоению смежных специальностей, переобучению и даже смене профессии. Он не дает готовых «прописанных» на долгие годы вперед профессиональных сценариев трудовой жизни поколений, определяя лишь общие ориентиры их экономической активности.

Между тем незавершенность образовательной реформы, разрыв между рынком труда и системой профессиональной подготовки специалистов, укоренение в социально-трудовых отношениях неформальной занятости, а также серьезные социально-экономические и

нравственно-правовые коллизии создают сложную мозаику переходных форм социально-трудовых отношений от индустриального к постиндустриальному порядку в сфере занятости, в современном состоянии которой ярко проявляются такие черты, как дестандартизация и флексибилизация.

При этом динамика социальных перемен сегодня такова, что старшее поколение не в силах адекватно ее отразить без опоры на младшее поколение: социальные ценности, по которым строили свою жизнь родители, в большинстве своем безнадежно устарели и не могут быть ориентирами для их детей. Такое положение дел, с одной стороны, ведет к увеличению социальной «межпоколенной дистанции», а с другой – ставит молодежь перед необходимостью самостоятельно, на свой страх и риск приспосабливаться к социальным инновациям в сфере труда, делая свой профессиональный и жизненный выбор. Характерно, что экономическая активность молодежи особенно ярко проявляется в сфере новых экономических отношений: в торговле, посредничестве, бытовых услугах. Многие молодых людей не покидает мысль открыть собственный бизнес. Безусловно, реализовав этот выбор, молодые люди оценят и положительный опыт старших поколений через профессиональное соприкосновение с ними. Однако сегодня факт остается фактом: молодые люди лучше ориентируются в рыночных отношениях, проявляют больший индивидуализм и более амбициозны по срав-

нению с представителями старших возрастных групп работников.

С этой точки зрения стоит согласиться с выводами отечественных исследователей о том, что молодежь в современных условиях пользуется гораздо большей автономией, чем когда-либо раньше [3, с. 101].

В труде молодых людей привлекают хорошая заработная плата, интересная работа, возможности общения, повышения квалификации, служебного роста, получения жилья и других благ.

Реализованный через профессию труд является универсальным видом деятельности человека в обществе, определяя его социальное положение, доход, образ жизни. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 48,7 % молодых людей имеют начальное, среднее, высшее и послевузовское профессиональное образование [5, с. 68].

В известной степени по выбору молодыми людьми профессии можно судить о характере их отношения к труду. В социологической литературе принято выделять два типа отношения к труду: терминальное и инструментальное. Индикаторами терминального отношения к труду являются личностные установки на его содержательные аспекты, ориентации на труд как на самоценный вид деятельности. Если же говорить об инструментальном отношении к труду, то в данном случае речь идет о том, что в жизненных установках личности преобладают ориентиры на материальное благо-

получие, достигаемое посредством трудовой деятельности, т.е. труд рассматривается как средство достижения других более весомых для человека социальных ценностей [10, с. 56].

В конце 1990-х годов отечественные исследователи фиксировали узкий спектр высокооплачиваемых на тот период профессий, которые бы хотели получить молодые люди: менеджер, финансист, экономист, а также отмечали общее снижение ориентации молодежи на профессии, связанные с материальным производством [9, с. 93]. Это давало им веские основания для констатации преимущественного преобладания однофакторной инструментальной модели отношения молодежи к труду. Вместе с тем в списках предпочтений молодых людей 1990-х годов наряду с престижными профессиями (юрист, экономист) соседствовали такие виды профессиональной деятельности, как врач, педагог, социальный работник, которые по шкале престижности никак нельзя отнести к высокооплачиваемым [3, с. 103].

Видимо, характер отношения к труду нужно рассматривать в ординатах социального времени, которое сегодня большинство социально важных жизненных благ и услуг делает платными в отличие от эгалитарного советского прошлого. В этих обстоятельствах паритет между инструментальным и терминальным отношением к труду сложностижим не только для представителей молодого поколения.

Для утверждения инструментальной модели отношения к труду в образе жизни молодых людей сегодня существует много объективных факторов: отсутствие собственного жилья и материальные трудности его приобретения; низкая стартовая оплата труда выпускников учебных заведений, не имеющих опыта работы по профилю своей специальности; завышенные социально-экономические ожидания молодых людей, сформированные родительскими семьями и посредством средств массовой информации, киноиндустрии.

Для формирования отношения к труду как самоценному виду деятельности важно глубокое предметное погружение в профессию. Для этого необходимо повышение роли практики в подготовке специалистов, что и предусмотрено действующими государственными образовательными стандартами. Однако объективно количество мест для проведения студенческих практик по сравнению с советским периодом существенно сократилось из-за нежелания и незаинтересованности собственников предприятий в договорных отношениях с учебными заведениями для предоставления мест студентам-практикантам. Кроме того, часто прохождение практики для студентов заключается в «расчистке» административных авралов принимающего их учреждения и никак не связано с профилем их будущей специальности. В этой ситуации студенты вынуждены самостоятельно решать проблемы профессиональной адаптации через вторичную занятость.

Вторичная занятость для студентов носит, как правило, краткосрочный, нерегулярный характер, но при этом является постоянно возобновляемым видом деятельности. В независимости от того, чем наполнено рабочее время подрабатывающих студентов, они получают бесценный опыт работы в организациях разных форм собственности и сфер занятости, что, безусловно, повышает их адаптационные способности по освоению разных типов социально-трудовых практик. К негативным последствиям включенности студенчества во вторичную занятость можно отнести снижение для части данной категории молодых людей успеваемости и лояльное отношение молодых людей к видам неформальной занятости.

По разным оценкам специалистов вторичной занятостью охвачены около трети студентов. Чаще всего вторичная занятость никак не связана с будущей профессией включенных в нее молодых людей. Однако можно выделить целый ряд профессий (переводчики, журналисты, социальные работники, инженеры транспорта и т.п.), в которые можно включиться, будучи студентом. Так, по данным опроса, проведенного в МГУ им. М.В. Ломоносова, 21 % студентов работает именно для того, чтобы определиться с трудоустройством после окончания учебы [4, с. 58].

С этой точки зрения интересна типология выпускников вузов, разработанная О.А. Урбаном с учетом академической успеваемости и опыта вторичной занятости студентов. Исследователь выделил пять типов выпускников:

1) выпускники с высоким уровнем профессиональной подготовки. Их отличает высокая академическая успеваемость, опыт работы по будущей специальности и ориентация на работу по специальности;

2) выпускники с приемлемым уровнем профессиональной подготовки. Их отличает менее высокая академическая успеваемость, формальное отношение к учебе, у части из них имеется опыт работы по будущей специальности, они занимаются самообразованием;

3) выпускники с недостаточным уровнем профессиональной подготовки. Их отличает невысокая академическая успеваемость, они не проявляют интереса к работе и не нацелены в будущем на трудоустройство по специальности;

4) профессионально непригодные выпускники. Их отличает низкий уровень мотивационного поведения в целом, а их жизненная стратегия предполагает приспособление к предлагаемым обстоятельствам;

5) выпускники с трудно определяемым уровнем профессиональной подготовки. С одной стороны, их отличает низкая академическая успеваемость, с другой – в их жизненных планах значится получение второго высшего образования, а также работа по специальности при негативном отношении к будущей профессии [11, с. 88 – 89].

Если же обратиться к анализу вторичной занятости работающих, то следует отметить, что чаще всего к дополнительным заработкам прибе-

гают именно молодые люди в возрасте до 30 лет. В сфере материального производства ее, как правило, практикуют высококвалифицированные промышленные и сельскохозяйственные рабочие и крайне редко чернорабочие, в сфере обслуживания – работники умственного труда и специалисты высокой квалификации, конторские служащие, а также специалисты, занимающиеся умственным трудом высокой квалификации (профессионалы со средним специальным и высшим образованием) [1, с. 46].

Таким образом, вторичную занятость чаще всего имеют лица, являющиеся на практике более конкурентоспособными на рынке труда.

С этой точки зрения вторичная занятость является неотъемлемым элементом современных социально-трудовых отношений, способствуя перераспределению рабочих мест в пользу более продвинутых групп работников, перетекания рабочей силы из отмирающих отраслей в более перспективные, и становится наряду с высшим образованием фактором дифференциации рабочих и специалистов. Кроме того, лица, включенные во вторичную занятость, безработицу рассматривают как резерв времени для поиска новых стратегий занятости, профессиональной диверсификации, что усиливает их профессиональную конкурентоспособность.

Говоря о молодежной включенности в социально-трудовые отношения, нельзя не отметить большую по сравнению со старшими группами на-

селения трудовую мобильность молодых людей. Мобильность в сфере труда в рыночных условиях носит как добровольный, так и вынужденный характер. Характер трудовой мобильности во многом зависит от уровня реализации профессиональных ожиданий работников и степени их адаптации к изменениям в системе труда. Нередко производственная ситуация ставит работника перед необходимостью или смены профессии, или смены места работы. Социологические исследования показывают, что именно молодежь в возрасте до 30 лет более восприимчива к переменам и чаще, чем представители других возрастных категорий работников, меняет одновременно и профессию, и место работы [2, с. 44].

В этой связи можно констатировать, что трудовая активность молодежи в большей степени, чем у работников старших возрастных групп, содержит элементы риска, что вполне соответствует маргинальности социального статуса молодежи, который предопределяет поисковый характер активности молодых людей, их большую восприимчивость к инновациям, высокую степень лабильности.

Возможно поэтому трудовая мобильность молодежи, стремящейся максимально реализовать свой личностный и профессиональный потенциал, чаще носит добровольный характер, что свидетельствует о наличии у молодых людей качеств, востребованных в новой экономической ситуации.

Библиографические ссылки

1. Бессокирная Г.П. Стратегия выживания рабочих // Социальные исследования. 2005. № 9. С. 49 – 54.
2. Козырева П.М. Некоторые тенденции адаптационных процессов в сфере труда // Социальные исследования. 2005. № 9. С. 37 – 48.
3. Лисовский В.Т. Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) // Социальные исследования. 1998. № 5. С. 98 – 104.
4. Могильчак Е.Л. Экономические ориентации студенчества – их взаимосвязи и методы формирования // Социальные исследования. 2005. № 10. С. 57 – 62.
5. Молодежь в России. М. : ИИЦ. Статистика России, 2010. С. 166.
6. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социальные исследования. 1998. № 5. С. 90 – 98.
7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. М. : Политиздат, 1992. С. 543.
8. Социология молодежи : энцикл. слов. / отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М. : Academia, 2008. С. 610.
9. Тавокин Е.П. Вторичная занятость учащейся молодежи: мнение экспертов // Социальные исследования. 1996. № 6. С. 92 – 96.
10. Темницкий А.Л. Отношение к труду в условиях трансформации общества // Социальные исследования. 2005. № 9. С. 54 – 63.
11. Урбан О.А. Уровни профессиональной подготовки выпускников вузов Кузбасса (типологический анализ) // Социальные исследования. 2007. № 11. С. 83 – 90.

E.N. Orlik

YOUNG PEOPLE IN THE SYSTEM OF LABOR RELATIONS: THE EXPERIENCE OF SECONDARY ANALYSIS

Formation of the Russian labor market is accompanied by profound changes in the system of labor relations, in the mechanism of adaptation to the youth.

Keywords: labor market, social and labor relations, instrumental and terminal attitude to work, career choices, secondary employment, occupational mobility.

**МОЛОДАЯ СЕМЬЯ
КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(РЕГИОНАЛЬНО-МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ)**

В условиях современной России демографическая, семейная политика становится одним из наиболее значимых направлений в деятельности органов власти и управления всех уровней – федерального, регионального и муниципального. Одним из ключевых моментов в реализации демографической политики является создание оптимальных условий для возникновения и функционирования молодой семьи. Значимость этой категории семей определяет необходимость проведения специального исследования сегодня, а также его дальнейшего проведения в целях отслеживания и анализа процессов функционирования и развития молодой семьи.

Ключевые слова: молодая семья, демографическая политика, семейная политика, мониторинг молодой семьи, семья как социальный институт и социальная группа.

В процессе реализации демографической политики возникает противоречие между реальными демографическими процессами и нашими представлениями о них, которые зачастую расходятся. Необходимыми условиями эффективности демографической политики являются изучение и анализ демографических процессов, а также оценка результативности деятельности органов управления, организаций, учреждений, отделов и служб по её реализации. Это позволяет вырабатывать рекомендации по совершенствованию демографической политики, которые должны учитываться в реальной деятельности властных и управленческих структур, организаций и учреждений. Всё это в полной мере относится и к молодой семье как специфической социальной общности, состав-

ляющей социального института семьи в целом. Мониторинг молодой семьи призван выявлять тенденции, ключевые проблемы, противоречия, пути их разрешения в сфере демографии; предлагать практические меры по созданию оптимальных условий для повышения благополучия молодой семьи, более полного выполнения ею социальных функций.

Мониторинг, проводимый на региональном уровне, направлен в большей степени на факторы и явления, которые зависят от регионального и муниципального уровней власти и управления, но учитываются и факторы, не зависящие от них, а также способность региона (муниципального образования) при необходимости корректировать их. Представляется важным определить направления семейной и демо-

графической политики, сущностные стороны и основные характеристики молодой семьи, позволяющие создать условия для возникновения и функционирования молодой семьи.

Концепция государственной политики в отношении молодой семьи, принятая в 2007 г., определяет систему взглядов, исходных положений, принципов, приоритетных направлений, основных понятий и мер в сфере регулирования отношений государства и молодых семей. Она служит основой для организации работы органов государственной власти и местного самоуправления при решении вопросов, касающихся жизнедеятельности таких семей.

Субъектами государственной политики в отношении молодой семьи выступают органы законодательной и исполнительной власти всех уровней, работодатели, общественные объединения, политические партии, профессиональные союзы, религиозные конфессии, благотворительные фонды, международные организации, юридические и физические лица. Статус же молодой семьи как объекта этой политики не должен приводить к тому, чтобы она играла пассивную роль в решении разнообразных проблем. Молодой семье надлежит постепенно становиться одним из активных социальных субъектов процесса реализации мер государственной семейной политики. Молодые семьи составляют значительную часть российских семей. Следовательно, формирование государственной политики в отношении молодой семьи призвано охватить су-

щественную долю населения страны, развитие которой обусловлено состоянием именно таких семей. Стремительное старение населения и неблагоприятные демографические тенденции заставят общество уже в ближайшем будущем предъявить к сегодняшним молодым семьям повышенные требования. Молодежь станет основным трудовым ресурсом страны. Ее трудовая деятельность в большей степени станет источником средств для социального обеспечения детей, инвалидов и пожилого поколения.

Выделение молодых семей в отдельную категорию позволяет детально изучать проблемы жизнедеятельности новых поколений, способствует более эффективному и адресному решению их проблем. Это призвано улучшить демографическую ситуацию в Российской Федерации. Именно молодежь, молодые семьи являются ведущей силой в реализации практически всех приоритетных национальных проектов России.

Возраст молодых людей, вступающих в брак, характеризуется как период становления мировоззренческих позиций и ценностных ориентаций, в том числе – ориентаций на устойчивую и благополучную семью, на ответственное родительство и ценности семейной жизни. Утверждение этих позитивных ценностей и установок – задача государственной молодежной семейной политики.

Молодые семьи находятся в более сложном материальном положении, нуждаются в государственной и родительской поддержке. Они зача-

стую не имеют собственного жилья, не обзавелись домашним хозяйством, обладают повышенными запросами духовного развития. В отличие от молодежи наиболее развитых стран, возраст вступления которой во взрослую жизнь объективно повышается, российская молодежь вынуждена вступать в социально-экономические отношения значительно раньше. В этой ситуации необходимо обеспечить молодой семье такие условия ее жизнедеятельности, при которых она, опираясь на собственный потенциал, получая стратегическую поддержку со стороны государства и общества, станет способной самостоятельно реализовывать все свои социальные функции и репродуктивные установки.

Новые условия требуют от каждого молодого человека и его семьи мобильности, поиска новых нестандартных индивидуальных вариантов построения своей жизни. Сочетание первичной государственной поддержки молодых семей с развитием их самостоятельности в решении проблем жизнедеятельности должно стать основой общества будущего.

Вместе с тем результаты анализа государственной семейной политики показывают, что существует недооценка правоспособности молодой семьи, важности правового регулирования ее отношений с государством и другими социальными институтами. Семья, в том числе молодая, как правило, не привлекается к активному участию в реализации мер государства и общества в рамках социальной политики. Семейная политика во многих аспек-

тах отождествляется с социальной защитой и регулированием брачно-семейных отношений. В системе взаимоотношений «семья – государство» имеет место недооценка социального статуса и социально-ролевых функций семьи, прежде всего, молодой семьи. Государственная поддержка молодой семьи не выступает в качестве самостоятельного направления социальной политики, в рамках которой необходимо учитывать и решать многие вопросы, связанные с обеспечением жизнедеятельности молодой семьи как субъекта и объекта общественного развития. Политика государства в отношении молодой семьи сводится в основном к государственным мерам, связанным с социальной защитой материнства и детства, нормативному регулированию семейно-брачных отношений. Решения, принимаемые на государственном уровне, как правило, адресованы не молодой семье как институту, а отдельным ее членам. Отмечаются факты противоречивости и нарушения координации государственной семейной политики на федеральном и региональном уровнях.

Молодая семья – это семья, возраст каждого из супругов в которой не превышает 30 лет, либо неполная семья, состоящая из одного молодого родителя, возраст которого не превышает 30 лет, и одного и более детей. Развитие молодой семьи – процесс становления субъектно-объектных отношений молодой семьи в государстве и обществе, в результате которого она получает необходимые условия и выполняет социальные функции. Инсти-

туционализация молодой семьи – процесс жизнедеятельности молодой семьи от момента ее создания до стабильного функционирования: рождение и воспитание детей, достижение экономической самостоятельности, создание устойчивого психологического климата, выполнение основных социальных функций.

Эффективность процесса институционализации оценивается с точки зрения создания благоприятных условий для достижения молодой семьей уровня благополучия. Благополучной будет называться семья, которая сама в состоянии решать свои проблемы, в полной мере выполнять социальные функции, а ее дальнейшее развитие с высокой степенью вероятности будет стабильным.

Цели государственной политики в отношении молодой семьи – становление и развитие благополучной молодой семьи и улучшение качества ее жизни, обеспечение выполнения молодой семьей социально-демографических функций, в том числе стимулирование рождаемости детей и их воспитания.

Учитывая масштаб задач, стоящих перед страной, и объективную ограниченность ресурсов, эффективная государственная политика в отношении молодых семей, как и вся социальная политика XXI века, должна стать политикой приоритетов. Приоритетными должны стать такие направления, работа по которым обеспечит молодым семьям возможности для самостоятельного решения возникающих проблем. Только такой подход, связанный

с развитием страны в целом, будет способствовать улучшению качества жизни подавляющей части молодого поколения.

Создание концептуальной модели политики осуществляется в целях формирования идеального образца молодой семьи. Данная модель может служить в качестве критерия оценки деятельности различного рода социальных служб, центров и клубов, осуществляющих взаимодействие с молодой семьей по разным аспектам ее функционирования, защите прав ее членов, а также в качестве критерия оценки эффективности разработки и реализации социальных программ федерального, регионального и муниципального уровней, направленных на создание условий для становления и развития молодых семей, полноценного выполнения ими социальных функций.

В качестве исходного ориентира для концептуальной модели молодой семьи принят тип благополучной семьи в связи с тем, что в современных социально-экономических условиях российского государства и общества достижение уровня благополучия по всем показателям можно считать реальной стратегической целью для проведения государственной семейной и молодежной политики в отношении молодой семьи.

Показатели благополучия молодой семьи могут выступать в качестве критериев эффективности деятельности региональных органов власти, социальных институтов государства и общества, специализированных служб

по работе с молодыми семьями, а также критериев эффективности реализации федеральных и региональных программ (программ субъектов Российской Федерации и муниципальных образований), в той или иной мере ориентированных на взаимодействие с молодой семьей. Достижение этих показателей может выступать в качестве отдельных задач в деятельности различных социальных структур по работе с молодыми семьями.

Процесс становления благополучной молодой семьи считается завершенным, если она (с момента своего создания) достигла уровня благополучия и дальнейшее развитие этой семьи с высокой степенью вероятности будет стабильным.

В основе процесса реализации концепции государственной политики в отношении молодой семьи лежит трехуровневая система взаимодействия государственных и общественных структур, осуществляющих работу с молодой семьей на федеральном, региональном и местном (муниципальном) уровнях. На каждом уровне определяются, конкретизируются и реализуются цели, решаются соответствующие специфические задачи и имеется достаточное ресурсное обеспечение.

На федеральном уровне концепция ориентируется на общероссийские социокультурные ценности; на региональном уровне учитываются традиции семейного образа жизни данного региона; на местном уровне молодые семьи поддерживаются с учетом специфических особенностей конкретной семьи и местных условий.

Молодая семья в процессе становления должна иметь возможность выбора и самостоятельного принятия решений относительно своего развития в стратегическом направлении достижения благополучия. Экономические же, правовые и идеологические меры государственной молодежной семейной политики должны способствовать утверждению ценностей и приоритетов ее саморазвития, предоставлять возможность выбора и сочетания форм, видов экономической и внеэкономической помощи и поддержки.

Исходя из того, что проблемы молодой семьи носят межведомственный характер, целесообразно повышение статуса исполнительных структур органов управления семейной политикой, молодежной политикой, а также структурных подразделений, занимающихся вопросами социальной политики в отношении семьи, в федеральных органах социальной направленности.

Высокоприоритетной является государственная поддержка программ деятельности центров (клубов) молодых семей, общественных объединений, благотворительных фондов и других негосударственных (неправительственных) структур, занимающихся проблемами молодой семьи. Для региональных органов исполнительной власти и местного самоуправления объективно необходима координация на принципах социального партнерства деятельности всех государственных организаций, общественных объединений и коммерческих структур, связанных с решением проблем молодых семей.

Таким образом, назрела необходимость осмысления процессов и практического решения задач социально-политического обеспечения жизнедеятельности молодой семьи на государственном уровне: придание ей особого социокультурного и правового статуса в обществе, комплексного исследова-

ния положения молодой семьи для конкретизации проблем ее жизнедеятельности и выявления тенденций развития, прогнозирования и разработки концептуальных основ молодежной семейной политики как самостоятельного направления государственной семейной политики.

N.S. Andreev, V.N. Popov

YOUNG FAMILY AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH (REGIONAL-MUNICIPAL LEVEL)

Under conditions of modern Russia, demographic, family policy becomes one of the most important directions in the activity of the authorities of all levels – federal, regional and municipal. One of the key points in the implementation of demographic policy is the creation of optimal conditions for establishment and life of a young family. The importance of this category of families makes it urgent to undertake a special research at present. To analyze the process of functioning and development of the young family is also an urgent issue of the day.

Keywords: young family, demographic policy, family policy, monitoring of a young family, the family as a social institution and a social group.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВ Николай Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

soc-vlgu@yandex.ru

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

eiarinin@mail.ru

АРТАМОНОВА Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

vladphilolog@yandex.ru

ВОРОНИН Роман Алексеевич – преподаватель английского и немецкого языков СОШ № 30 г. Северодвинска, магистрант Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск.

doctor.voronin2010@yandex.ru

ГЕРАНИНА Галина Александровна – кандидат философских наук, заместитель декана ФФИСН ГумИ ВлГУ, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

kafedra-fir@mail.ru

ГЛАЗУНОВ Сергей Радиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

istoriarossii911@mail.ru

ДЕРЕТИЧ И.Й. – доктор философских наук, профессор философского факультета Белградского университета, руководитель проекта «История сербской философии».

ideretic1@gmail.com

ЛАПШИНА Ирина Константиновна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой новой и новейшей истории Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

lapshina.nni2012@yandex.ru

ЛУБКОВ Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Московского института открытого образования, проректор Московского педагогического государственного университета.

av.lubkov@mpgu.edu

МАЛАХОВ Александр Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана филологического факультета Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

phil.vlsu@mail.ru

МАТВЕЕВ Павел Евлампиевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

kafedra-fir@mail.ru

НЕЧАЕВА Ирина Игоревна – кандидат социологических наук, докторант Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доцент кафедры социологии Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

nechaevaii@mail.ru

ОРЛИК Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

soc-vlgu@yandex.ru

ПИМЕНОВА Марина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

pimenova-vgpu@yandex.ru.

ПОГОРЕЛАЯ Светлана Владимировна – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой музеологии и истории культуры Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

kafedraiitk@mail.ru

ПОПОВ Виктор Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

soc-vlgu@yandex.ru

ФЕДУЛЕНКОВА Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

fedulenkova@list.ru

ЧЕКАНЦЕВА Зинаида Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор ЦМБ ИФИ.

zinaidachekantseva@gmail.com